

ВЕЛИКИЕ
РУССКИЕ ВОЙНЫ

АНАТОЛИЙ УТКИН

РУССКИЕ

ВО ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Великие русские войны

Анатолий Уткин

Русские во Второй мировой войне

«Алисторус»

2017

УДК 355/359
ББК 68

Уткин А. И.

Русские во Второй мировой войне / А. И. Уткин — «Алисторус»,
2017 — (Великие русские войны)

ISBN 978-5-906979-18-6

Анатолий Иванович Уткин – крупный российский историк и политолог, специалист в области новейшей истории и международных отношений, автор более 50 книг. Его фундаментальное исследование «Русские во Второй мировой войне» написано на основе огромного количества фактического материала. Автор ссылается на массу источников, в том числе западных, что делает его работу поистине масштабной. Помимо событий военного времени, А. И. Уткин показывает предвоенную обстановку, расклад сил на международной арене, формирование гитлеровского блока держав «оси», попытки СССР сдержать войну. Кроме того, в книге содержится подробное описание всех крупных сражений, которые вели советские войска; особое внимание уделяется Сталинградской битве.

УДК 355/359

ББК 68

ISBN 978-5-906979-18-6

© Уткин А. И., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Введение	6
Глава первая	9
Глава вторая	24
Глава третья	41
Глава четвертая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Анатолий Иванович Уткин

Русские во Второй мировой войне

© Уткин А. И., правообладатели, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Введение

Вторая мировая война явилась продолжением Первой, того конфликта, что начался в августе 1914 года. Тогда, в том далеком августе, Германия, индустриальный лидер Европы, пришла к выводу, что будущее не обещает ей возобладания над все более враждебным окружением. Что соседи не смирятся с ее доминированием в Европе и ее ждет «штальринг», стальное кольцо изоляции и удушения. Германия бросилась на своих европейских соседей – Россию и Францию, не ожидая, что Британия склонна воспользоваться случаем для того, чтобы поставить на место претендента на европейскую гегемонию. Свое поражение в мировом конфликте Германия фактически не признала и при первом же резком повороте истории – Великой депрессии, начавшейся в 1929 году, к власти в стране устремились силы, возглавляемые Адольфом Гитлером и его национал-социалистической партией, утверждавшие, что причиной поражения в Первой мировой войне был «удар в спину» малодушного меньшинства, предателей социал-демократов и ненемецких элементов населения. Германия начинает процесс перевооружения, ее соседи, едва пришедшие в себя от ужаса Первой мировой войны с ее массовыми потерями, с откровенным ужасом смотрят на процесс восстановления фантастической германской военной машины, оказавшейся способной в 1914–1918 годах воевать на равных едва ли не со всем миром.

Истоки Второй мировой войны нетрудно проследить в Первой мировой войне, из которой потрясенная Россия ушла в революцию, изоляцию, колоссальный по масштабам социальный эксперимент. Из этой же войны Германия, почти выдержавшая давление едва ли не всего мира, вышла озлобленной, с подспудной решимостью взять реванш. Версальская система, гаранты которой на континенте были Франция и малые страны Восточной Европы, не могла быть эффективной, потому что ее прямыми и косвенными жертвами были две крупнейшие державы континента – Германия и Советская Россия. Малейшая степень взаимопонимания между этими двумя странами, ощущение параллельности интересов сметало Версальскую систему как карточный домик. Первый удар колокола по ней прозвучал в итальянском городке Рапалло, где представители Советской России нормализовали отношения с Германией.

Вторым ударом колокола был приход к власти в Германии национал-социалистов. Они изолировали страну, поощрили национальную экзальтацию, сплотили коллективную волю и предложили в качестве национальной идеологии худший вариант социал-дарвинизма: сильные выживают, слабые погибают. Нацисты исказили психологию страны «гневом за предательство» 1918 года, посеяли в умах молодого поколения веру в безусловное превосходство германской расы, объявили исторической миссией народа необходимость взять реванш за поражение в первой мировой войне. Третий удар колокола истории прозвучал, когда окружающие Германию народы в бессилии, слепом эгоизме, страхе, гонимые страшной памятью о прежней мировой катастрофе и надеждой умиротворить агрессора, пошли на уступки, равные капитуляции перед ним. Этим они укрепили национал-социализм и подорвали союз Запада и Востока как единственный противовес агрессивным устремлениям немцев. Польша, Англия, Бельгия, Франция, СССР в 1934–1939 годах в той или иной степени предпочли компромисс с агрессором силовому противостоянию и обрекли себя на военное испытание в худших условиях.

Цивилизационные и социальные различия главных европейских государств – Советского Союза, Британии и Франции – встали на пути формирования новой *Entente cordiale*, направленной на самооборону европейских жертв германского динамизма, тевтонской ярости, принявшей в Третьем рейхе Гитлера причудливые и страшные черты. Разумеется, войны могло не быть, но для этого европейским народам нужно было отказаться от итогов Первой мировой войны и согласиться на ту или иную степень зависимости от германского рейха. Дольше всех иллюзию ограниченности германских притязаний питали Лондон и Париж, трепетавшие перед

опасностью повторить недавний разрушительный опыт, что и сказалось в Мюнхенском соглашении 1938 года, начавшем процесс ревизии послевоенных границ.

С подобным изложением причины вползания мира во Вторую мировую войну согласится, пожалуй, большинство ее историков. Скажем, ведущий американский историк этой войны Г. Вайнберг исходит из того, что «какими бы ни были конфликтующие между собой амбиции и идеологии мировых держав в 1920-е и 1930-е годы, будет справедливым утверждать, что, за единственным исключением Германии, ни одна европейская нация не считала еще одну мировую войну приемлемым ответом на всевозможные стоявшие перед ними проблемы. Без германской инициативы еще одно мировое кровопролитие было немыслимо для всех стран, оно немыслимо для историка».¹

Япония никогда бы не превратила свою войну с Китаем, ведущуюся с 1937 года, в более широкий конфликт, если бы не феноменальные победы Германии в 1940 году, позволявшие Токио надеяться на создание огромной азиатской империи в благоприятный период «занятости» основных мировых сил европейским конфликтом. Нападение Германии на СССР и Японии на США превратили европейский конфликт в подлинно мировую войну, где боевые действия велись на нескольких театрах военных действий. Особенностью данной истории Второй мировой войны является стремление, если можно так выразиться, «исправить» явственную несоразмерность многих имеющихся обобщающих работ, ставящих на одну шкалу значимости различные по калибру явления. С нашей точки зрения, исторически некорректно ставить на одни весы исторической значимости главное и второстепенное, локальное и решающее по значимости. Справедливым будет утверждать, что главным полем разрешения второго мирового конфликта был советско-германский фронт. Именно здесь, в столкновении всей полномасштабной мощи Германии и Советского Союза, решилась судьба мировой войны.

Представьте себе поражение СССР в 1941 году, смыкание Германии с Японией, превращение Евразии в контролируемую «осью» Берлин-Рим-Токио мировую крепость. Внутри этой крепости, где часть индийцев восстает против англичан, где Турция и арабский мир присоединяются к «оси», где живут более двух третей мирового населения и размещены 70 процентов индустриальных мощностей мира, германская и японская зоны влияния наверняка сумели бы внушительно противопоставить себя Соединенным Штатам, имевшим в начале конфликта армию меньше бельгийской.

Гейзенберг создает ядерное оружие; нефть Персидского залива в руках, далеких от англосаксонских; в Пенемюнде Вернер фон Браун завершает создание того, что позже будет названо межконтинентальными баллистическими ракетами; в Пиллау и Бремерсхафене завершаются работы над самыми совершенными в мире подводными лодками «шноркель» – лучшими в мире, – они изолируют военно-морской флот США даже в случае его самого широкого развития; авиационная промышленность Германии создает реактивную авиацию, способную (бомбардировочный вариант, на котором настаивал Гитлер) наносить удары и по «нереактивной» Британии, и по далеким Соединенным Штатам. Разве фантастическими видятся планы мирового господства страны, имеющей единственный в мире такой набор военного могущества: ядерное оружие, МБР, сверхзвуковая стратегическая авиация, лучшие в мире (до 1955 года) подводные лодки? Не говоря уже о традиционно самом эффективном – наземном компоненте вермахта с его «тиграми», «пантерами» и «фердинандами», поддерживаемыми с воздуха штурмовиками «Юнкерс-88».

На этом пути стояла лишь одна сила – Советская Россия. Именно вследствие этого конфликт Берлина и Москвы стал осью мирового противостояния, осью, на которой решалась судьба всего мира.

Восемьдесят процентов германских потерь приходятся на Восточный фронт.

¹ Weinberg G. A World at Arms. A Global History of World War II. Cambridge, University Press, 1994, p. XIV.

Здесь были задействованы более трех четвертей боевых мощностей вермахта и европейских союзников Германии. И не сравнима битва при Эль-Аламейне – при всей ее стратегической и эмоциональной значимости – с шедшей синхронно Сталинградской битвой. Мы бесконечно благодарны нашим верным союзникам, но их бои в Тунисе, под Монтекассино, в Нормандии, при освобождении Парижа, в Арденнах, на Лейте и Окинаве не идут ни в какое сравнение с битвой на Курской дуге, с операцией «Багратион», с Берлинской битвой. Эти сражения Второй мировой войны, сражения Жукова, Конева, Рокоссовского, Малиновского вышаются над победами Эйзенхауэра, Монтгомери, Александера и Макарура просто на порядок. Мною движет не ущемленная гордость, а простое уважение к исторической истине. Судьба Второй мировой войны решилась на русских полях, а не в африканской пустыне и не на тихоокеанских атоллах.

Мировая война обрела свой итог в Восточной Европе еще до того, как первый наш доблестный западный союзник вышел к побережью Нормандии.

Право так утверждать завоевано не нами, а предшествующим поколением, не пощадившим себя в битве против Нового порядка – германского орднунга в Европе и мире.

Мы вместе: СССР, США и Соединенное королевство – возобладали над «осью» Германии, Италии и Японии. Бесконечна наша благодарность союзным державам, они помогли нам в роковое время – когда Красная Армия вела смертельный бой под Москвой, когда немцы вышли к Волге, когда Гитлер замыслил битву у Курска. И неблагодарность – отвратительное качество. Но ради павших и ради истины не забудем о неимитируемых усилиях нашего народа, спасшего и себя и весь мир.

В истории нашей страны не было более трагического испытания, чем война, начавшаяся 22 июня 1941 года. Задуманная как война на истребление, она поставила вопрос о нашем историческом выживании. Эта война изменила судьбу всей страны и каждого в ней живущего. Час нашей страны пришелся на рассвет самого долгого дня 1941 года, самого трагического дня нашей истории. Далекий от благоденствия народ был погружен в проблемы социального переустройства, неслыханной по темпам индустриализации, перехода крестьянства в новое состояние, рецидивов гражданской войны. По отношению к утвердившейся диктатуре Сталина царила спартанская лояльность. Наша армия, отличавшаяся исконной готовностью к самопожертвованию, традиционным стоицизмом, безусловной преданностью Родине, была, увы, в огромной степени ослаблена перерывом в традиции военного воспитания профессиональных военных, пять столетий делавших ее непобедимой. Она была подорвана истреблением той новой командирской поросли, которую дала гражданская война, воцарившимся террором – убивавшим инициативу, предприимчивость, свободу анализа, рассудительность и ответственность. Противостоявшая ей германская армия была вооружена всеми средствами технически совершенной цивилизации, приемами многовекового военного опыта, обновленного в 1939–1941 годах, и укомплектована преимущественно индустриальными рабочими – методичными, инициативными, дисциплинированными, воспитанными в духе безусловного расового превосходства.

Два обстоятельства спасли нашу страну. Первое – военная промышленность дала меч. Второе, главное, – в час выбора между жизнью и спасением Родины наш солдат бестрепетно пожертвовал жизнью.

Глава первая

Версаль отброшен

Первого октября 1934 года Гитлер отдал приказ увеличить рейхсвер со 100 тысяч до 300 тысяч солдат. Одновременно министерство пропаганды получило распоряжение никогда не использовать термин «генеральный штаб». Генерал Кейтель призвал к осторожности: «Ни один документ не должен быть потерян, иначе им воспользуется вражеская пропаганда. Все, что сказано устно, мы можем отрицать». Адмирал Редер записал в дневнике: «Фюрер потребовал полного соблюдения секретности при строительстве подводных лодок». Гитлер призвал науку и промышленность решить проблему двух важнейших видов продукции, дефицит которых ослаблял Германию, – бензина и резины. Производство синтетического горючего достигло к 1937 году 300 тысяч тонн, а «ИГ Фарбен» начал производить искусственную резину из угля. В начале 1934 года планы мобилизации 240 тысяч предприятий на производство военной продукции были одобрены Рабочим комитетом совета обороны рейха.

Французы трепетали при этих первых признаках военного возрождения германского колосса; англичане считали, что джентльменами можно сделать, лишь обращаясь как с джентльменами. В мае 1934 года британский министр иностранных дел сэр Джон Саймон фактически предложил применить принцип равенства вооружений к Германии. Гитлер ждал еще почти год, прежде чем начал официально демонтировать Версальскую систему. Геринг сообщил, что Германия имеет военно-воздушные силы, 10 марта 1935 года. 16 марта германский канцлер объявил о восстановлении системы всеобщего набора в армию и о создании в мирное время армии из тридцати шести дивизий (это около полумиллиона человек). Версальская глава в истории Европы была на этом закончена.

Английский посол в Берлине сэр Эрик Фипс словно прозрел: «Гитлер – фанатик, он не удовлетворится ничем, кроме доминирования в Европе». Вооруженных действий следует ожидать, полагал посол, в 1935 году. Германское руководство предложило через Фипса поделить Европу между Англией и Германией. Реакция посла привела к тому, что Гитлер сообщил в Лондон, что «внешний вид» сэра Эрика Фипса ему «не нравится» и что двусторонние отношения значительно улучшились бы в случае его замены «более современным» дипломатом. Нового британского посла Гендерсона коллеги вскоре начали называть «наш нацистский посол в Берлине».

Что могли сделать потенциальные жертвы Германии? Не представляло секрета отношение к антибольшевистскому рейху Советской России, столь дружелюбно относившейся к предшествовавшему германскому режиму. Расходы на Красную Армию выросли с 1,4 млрд. рублей в 1933 г. до 5 млрд. рублей в 1934 г. Маршал Тухачевский начал реорганизацию и модернизацию Красной Армии. Сталин разделил Восточный и Западный фронты, способные действовать в автономном режиме. В конце 1933 г. народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов перед съездом ВЦИК указал на начало нового периода международных отношений – периода империалистических войн. Литвинов процитировал «Майн кампф»: «Прорубить путь к расширению на Востоке с помощью огня и меча». В сентябре 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций, что означало выход Советской России из международной изоляции. Теперь официальная советская пропаганда указывала как на источники угрозы миру не на самые сильные в послевоенном мире Францию и Британию, а на «агрессивные фашистские» державы – Германию, Японию, Италию.

Министр иностранных дел Франции Луи Барту тоже читал «Майн кампф» и договорился в 1934 г. о подписании Францией и Россией взаимообязывающих соглашений. В октябре 1934 г. хорватские усташи убивают его в Марселе, и ответственным за его инициативу ста-

новится Пьер Лаваль – единственный член кабинета, который не поддерживал линию Барту. 9 марта 1935 г. Гитлер объявил о том, что в Германии уже существуют военно-воздушные силы, а затем о введении воинской обязанности и создании армии в 36 дивизий (550 тыс. человек). Прибывшему в Берлин министру иностранных дел А. Идену фюрер германского рейха заявил, что, вооружаясь, Германия оказывает огромную услугу Европе, защищая ее от зла большевизма. Тогда СССР и Франция в мае 1935 года подписали договор о взаимопомощи, СССР подписал такой же договор с Чехословакией. Лига Наций словесно осудила действия немцев. Собравшись в Стресе, Британия, Франция и Италия высказались против политики Германии, но никаких действий не последовало. Что ж, это поощрило Берлин.

Германское перевооружение

Двадцать первого мая 1935 года Гитлер переименовал рейхсвер в вермахт, себя назначил верховным главнокомандующим вооруженных сил (вермахта), министра обороны Бломберга сделал военным министром, присвоив ему титул командующего вооруженными силами. В рейхстаге Гитлер выступил с одной из самых сильных своих речей, своеобразным шедевром демагогии: «Кровь, пролитая на европейском континенте за последние 300 лет, никак не соответствует национальным результатам событий. В конечном счете Франция осталась Францией, Германия – Германией, Польша – Польшей, а Италия – Италией. Все, чего удалось добиться династическому эгоизму, политическим страстям и патриотической слепоте в отношении якобы далеко идущих политических изменений с помощью рек пролитой крови, все это в отношении национального чувства лишь слегка коснулось кожи народов... Главный результат любой войны – это уничтожение цвета нации... Германия нуждается в мире и желает мира».

В ответ Британия, вместо того чтобы объявить блокаду Германии, сообщила о своей готовности подписать военно-морское соглашение, которое позволяло немцам построить флот тоннажем в одну треть британского. Это соглашение не ограничивало, а поощряло Германию – ее верфи были заполнены заказами на десять лет вперед. Гитлер заявил о своей готовности запретить тяжелые вооружения, тяжелые танки и тяжелую артиллерию, ограничить использование бомбардировщиков и отравляющих газов. Еще в «Майн кампф» Гитлер подчеркивал важность союза с Британией – «естественным союзником», обращенным к заокеанским колониям, не соприкасающимся с Германией на континенте. С его точки зрения величайшей ошибкой кайзера было вступление в одновременный конфликт с Британией и Россией.

Члены британского кабинета министров встретились с послом Риббентропом 4 июня 1935 г. Их благожелательность распространялась настолько широко, что Германии было позволено иметь подводный флот в 45 % британского. Страшный опыт почти задушенной в блокаде страны был забыт напрочь. (В 1938 г. Германия достигла равенства с Британией по этому виду вооружений). Лондон сделал свой шаг без совета и согласия Парижа и Рима. Оставленная в одиночестве Франция постаралась во второй половине 1935 г. достичь соглашения с Германией, премьер Лаваль стремился найти новую основу отношений с рейнским соседом.

Сталин усвоил урок. В Берлине его доверенное лицо Д. Канделаки начал завязывать контакты с высшими лицами рейха. И ответные действия не заставили себя ждать. Ялмар Шахт заявил о предоставлении России кредита в 500 млн. рейхсмарок. Канделаки попытался перевести сотрудничество в область безопасности. В декабре 1935 г. советские представители предложили дополнить Берлинский договор 1926 г. пактом о ненападении; в следующем 1936 г. советские предложения были повторены, но дело завершилось лишь банальным торгово-платежным соглашением.

Муссолини использовал практику односторонних действий и 5 октября 1935 года начал вооруженный захват Абиссинии, что привело немцев в восторг: если Муссолини споткнется об Абиссинию, это «вышибет» его из Европы и позволит Германии захватить Австрию. Если он

победит в Африке, то вызовет неотвратимое и непоправимое отчуждение Британии и Франции. Совершилось как по писаному. Муссолини перестал опекать Австрию и рассорился с западными демократиями. Новая обстановка позволила Гитлеру сделать следующий шаг: 7 марта 1936 года германские войска вошли в демилитаризованную Рейнскую область.

Переводчик Гитлера П. Шмидт вспоминает, как тот говорил: «Сорок восемь часов после вступления войск в Рейнланд были временем самого большого напряжения для моих нервов во всей моей жизни. Если бы французы двинулись в Рейнскую область, «мы должны были бы отступить, поджав хвост, поскольку военные ресурсы, имевшиеся в нашем распоряжении, были абсолютно недостаточны даже для слабого сопротивления».

Министр иностранных дел Франции П. Фланден вылетел в Лондон; 11 марта он просил британское правительство поддержать Францию в военном противодействии немцам в Рейнской области. Но британское правительство отказало в поддержке. Лорд Лотиан заметил: «В конце концов, немцы просто забираются в свой собственный задний дворик». Теперь Гитлеру стало ясно, что Париж и Лондон не готовы к серьезному сопротивлению Германии. Возможно, Гитлер в Берлине и Черчилль в Лондоне лучше других понимали, что возвращение немецких войск в Рейнскую область изменило баланс сил в Европе. Черчилль, чтобы побудить французов отреагировать на оккупацию немцами Рейнской области, изменил привычке всей жизни – встал на рассвете и выехал в Лондон для встречи с прибывшим сюда министром иностранных дел Франции Фланденом. Черчилль видел возможность мобилизации сил не только Франции и Англии, но и Польши, Чехословакии, Австрии, Югославии, Румынии. «Превосходящие силы будут в грядущей войне на стороне союзников. Для того, чтобы победить, им нужно только действовать». Вечером перед комитетом по иностранным делам палаты общин он развернул карту, на которой показал все страны, готовые помочь англо-французам в борьбе против Германии. Невилл Чемберлен беседовал с Фланденом 12 марта 1936 года. Он сказал, что общественное мнение страны не поддержит энергичных санкций. Ради умиротворения Гитлера он готов был предложить ему африканскую колонию. Чемберлен ошибался: Гитлер не нуждался в колониях, он желал одного – господства в Европе. Риббентроп объяснил молодому английскому министру иностранных дел Идену, что Германия заинтересована в «жизненном пространстве» Европы, причем преимущественно в восточной ее части.

Отчаявшийся Фланден на пресс-конференции в Лондоне предпочел забыть о дипломатическом языке. Обращаясь к журналистам, он сказал: «Сегодня весь мир и особенно малые нации смотрят на Англию. Англия, если она покажет способность к действию, поведет за собой всю Европу. Если нам четко обозначить курс своей политики, весь мир последует за нами, и мы предотвратим войну. Это наш последний шанс. Если вы не сможете остановить Германию сейчас, все кончено. Франция не сможет больше обеспечить свои гарантии Чехословакии, потому что это невозможно географически». Если Британия не выступит, Франция с ее небольшим населением и устаревшей промышленностью будет лежать у ног перевооружившейся Германии. Англия в состоянии сейчас достичь взаимопонимания с Гитлером, но оно не может быть продолжительным. Если Гитлера не остановить при помощи силы сегодня, война неизбежна.

Ему вторил посол СССР в Лондоне И. Майский 19 марта: «Есть люди, которые полагают, что война может быть локализована. Эти люди думают, что при определенных соглашениях война начнется, допустим, на востоке или на юго-востоке Европе, но обойдет стороной страны Западной Европы... Это величайший самообман... Мир – неделим».

В парламенте Черчилль посчитал момент подходящим, чтобы дать оценку всему происходящему. «Помня о гигантской силе и влиянии нашей страны, мы не можем испытывать удовлетворение, глядя на нашу внешнюю политику последних пяти лет. Безусловно, это были годы бедствия... Каков главный факт, который мы должны учитывать? Вот он. Невероятный триумф нацистского режима. Нарушение демилитаризованного режима Рейнской области является серьезным обстоятельством с точки зрения угрозы, которой подвергаются Голландия,

Бельгия и Франция. Когда эта область будет укреплена, она станет барьером у центральной двери Германии, давая ей свободу продвижения на востоке и на юге через свой черный ход». В то же время вся Европа, а особенно СССР, Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия увидели, что Франция не готова дать отпор нарушителю Версальского договора. Европа вступила в новый период. Если сто дивизий Франции не осмелились противостоять трем батальонам в Рейнланде, на какую помощь могли рассчитывать ее союзники? В Германии Гитлер, действуя смело, укрепил свой контроль над военной кастой, которая почти вся была уверена в контрдействиях французов. На общенациональном референдуме 99 процентов немцев поддержали действия Гитлера, что упрочило его позиции и престиж.

Жалкое поведение западных союзников привело бельгийского короля Леопольда к заключению, что на таких союзников полагаться нельзя. Он денонсировал договор о военном союзе, подписанный двадцать лет назад. Теперь французские войска могли войти в Бельгию только после вторжения в нее Германии. По словам Алистера Хорна, британского военного историка, «стратегия «линии Мажино» (она простиралась от Швейцарии лишь до бельгийской границы) была разбита одним ударом.

Посол США Буллит сообщал в Вашингтон о своей беседе с германским министром иностранных дел фон Нейратом 18 мая 1936 года: «Фон Нейрат сказал, что Германия ничего не предпримет во внешней политике до тех пор, пока Рейнская область не будет переварена». Он объяснил, что имеет в виду следующие обстоятельства: пока не создана система германских укреплений на французской и бельгийской границах, германское правительство сделает все возможное, чтобы предотвратить, а не поощрить выступления нацистов в Австрии, и будет придерживаться «тихой» дипломатии в отношении Чехословакии. Но «как только наши фортификации будут возведены и страны Центральной Европы поймут, что Франция не сможет войти на германскую территорию по своему желанию, все эти страны будут чувствовать себя совершенно иначе в подходе к своей внешней политике, и в результате сложится новое соотношение сил».

Последствия рейнского эпизода сказались достаточно быстро. Австрийское правительство, чтобы не раздражать Германию, выпустило на свободу всех арестованных нацистов и пообещало Гитлеру действовать во внешней политике «как немецкое государство». Стало ясно, что Муссолини, увязнувший в Абиссинии, поссорившийся с Англией и Францией, перестал быть протектором Австрии.

Программа развития германской армии, принятая в августе 1936 г., создала наступательную силу вермахта. Конфликт в Испании сблизил два фашистских государства. Германский посол в Риме фон Хассель сообщал в декабре 1936 года в Берлин. «Роль, выполняемая испанским конфликтом в отношениях Италии с Францией и Англией, подобна роли абиссинского конфликта, он ясно показал противоположность интересов этих стран и предотвратил сползание Италии в сеть западных держав. Борьба за доминирующее политическое влияние в Испании создала естественное противостояние Италии и Франции; в то же время позиция Италии как державы западного Средиземноморья пришла в столкновение с позицией Британии. Со все большей ясностью Италия осознает желательность противостояния западным державам плечом к плечу с Германией».

Гитлер сказал 24 октября 1936 года зятю Муссолини – министру иностранных дел Италии Чиано в Берхтесгадене: «Дуче – лидирующий государственный деятель в мире, с ним никого нельзя сравнить даже отдаленно». Будучи вместе, Италия и Германия победят не только большевизм, но и Запад. «Германское и итальянское перевооружение протекает гораздо быстрее, чем перевооружение Англии... Через три года Германия будет готова». Выступая в Милане, Муссолини заявил, что германо-итальянские отношения образуют «ось», вокруг которой теперь будет вращаться европейская политика. В Испании немцы и итальянцы опробовали

свое оружие, испытали своих пилотов. Отвлекающая внимание Испания помогала Германии перевооружиться. Немцы определенно сблизились с итальянцами.

Теперь Гитлер попытался договориться с Англией. Он послал в Лондон своим представителем (в августе 1936 года) Риббентропа. На Востоке, ища союзников против СССР, он подписал 25 ноября 1936 года «Антикоминтерновский пакт» с Японией. Схема «Майн кампф» действовала.

Геринг, второе лицо в государстве, недавно назначенный ответственным за выполнение четырехлетнего плана, сказал 17 декабря 1936 года на закрытом совещании промышленников Германии: «Битва, к которой мы приближаемся, требует колоссальной производительности. Предела процессу перевооружения не видно. Альтернативами являются победа или разрушение... Мы живем во время, когда на горизонте видна конечная битва. Мы уже на пороге мобилизации, и мы уже вступили в войну. Единственное, чего пока нет, это собственно стрельбы».

Необходимость вооружиться

Великая страна на востоке Европы ощутила угрозу. 600-тысячная армия 1934 г. превратилась в 940-тысячную армию в 1935 г. Военные расходы голодного 1933 г. (1,5 млрд. рублей) достигли к 1938 г. 23 млрд. рублей. Вторая пятилетка создала военную промышленность на Урале и за ним. Плеяда начальника штаба Красной Армии М. Н. Тухачевского изучала передовой опыт ведения войны, совместные действия наземных и воздушных сил. За ними стояли самые большие людские ресурсы в мире и современная промышленность. Еще в начале 1930-х годов Тухачевский создал общий план обороны страны, который пережил своего автора. Главной идеей этого плана было сосредоточение основных ударных сил на Украине с тем, чтобы угрожать правому флангу нападающей державы.

В соответствии с избранной схемой обороны в начале 1936 года началось строительство оборонительных фортификационных укреплений. Тогда в мощь оборонительных сооружений беззаветно верили и на Западе («линия Мажино» во Франции, «линия Зигфрида» в Германии). Французы показали советским специалистам ряд секретов своей оборонительной системы. В результате была создана т. н. «линия Сталина», местами более впечатляющая, чем французский прототип. Вот как описывала ее германская разведка: «Опасная комбинация бетона, полевых укреплений и естественных препятствий, противотанковых рвов, минных полей, болот вокруг фортов, искусственных озер, окруженных дефиле, с подрезанной растительностью полей, открывающей простор траектории пулеметного огня. Позиции защитников закамуфлированы с впечатляющим искусством... На фронте в 120 километров не менее чем двенадцать барьеров, тщательно закамуфлированных и защищенных от легких бомб и снарядов 75- и 100-миллиметрового калибра. Тысячи надолбов и бревенчатых укрытий, которые атакующий обнаружит лишь тогда, когда будет поздно... Три ряда надолбов, покрытых колючей проволокой. Бетонные пирамиды...»

Несколько отрезков «линии Сталина» были действительно впечатляющими, особенно вокруг Пскова, Минска, Одессы. Но укрепленные районы не были в достаточной степени связаны между собой, не являлись сплошной оборонительной линией. (Название «линия» не соответствовало этому фортификационному сооружению. В 1941 году оно явилось своего рода географической иллюзией. Присоединенные в 1939 году территории заставили войска выйти из прикрытий. Сталин считал дополнительную территорию важнее стационарных укреплений. Это ослабило «линию Сталина», но не сделало более маневренными вышедшие навстречу своей судьбе войска.) Советская закупочная комиссия приобрела быстроходный американский танк «Кристи», а в 1932 году был куплен британский шеститонный танк компании «Виккерс», положивший начало серии танков Т-26.

Находящемуся в пике своей популярности и власти маршалу Тухачевскому Сталин позволил длительную поездку на Запад и в Германию. Как пишет А. Кларк, «в этом туре вел себя особенно несдержанно, – качество, если его энергично и постоянно не контролируют, – составляющее часть национального характера. Может быть, самое важное из того, что сказал тогда словоохотливый военачальник, были слова, обращенные к немецкой аудитории: «Если дело дойдет до войны, то, что встретит Германия, не будет старой Россией... Но если Германия изменит свою позицию, ничто не помешает дальнейшему советско-германскому сотрудничеству, как это было тогда, когда в прошлом обе страны ощущали преимущества своей дружбы, ведь тогда они могут диктовать свои условия всему миру». Но в течение года по возвращении домой судьба Тухачевского оказалась трагически решенной Сталиным. Из восьмидесяти членов Военного совета состава 1934 года в живых к 1938 году остались лишь пятеро. Все одиннадцать заместителей наркома обороны были уничтожены.

Как пишет А. Кларк, «в России офицерский корпус был не изолирован, а уничтожен. Когда чистки окончились, Красная Армия стояла покорной до точки потери сознания; готовой исполнять приказы, но без опыта; лишенной политического веса и амбиций за счет инициативы, склонности к экспериментированию и желания вводить новшества. Вставал вопрос, сможет ли их природный патриотизм, исконная любовь к России-матери, которая звала вперед их предков при режимах еще более варварских и тиранических, чем сталинский, поднять их на отражение вторгшегося врага? Ибо это: и воля, и фатализм, и готовность принять страшные страдания – все, что представляют собой исконные русские качества, – потребуется во всей полноте в первые ужасающие недели германского наступления».

В Советской России был аккумулирован опыт военных действий в Испании. Прибывший оттуда ведущий танковый специалист Павлов доложил Сталину и Ворошилову: «Танк не может играть независимой роли на поле боя». Танковые батальоны были рассредоточены как вспомогательные при пехотных дивизиях. Гордость Тухачевского – танковые дивизии были расформированы. Лишь очевидный опыт немцев в Польше и Франции заставил советское руководство лихорадочно снова собирать силы в кулак.

В начале 1939 года армия обратилась к танкам. Было решено создать тяжелый танк и средний танк. Две машины привлекли внимание. Первая модель – «Клим Ворошилов-1», или KB-1, соответствовал лучшим стандартам: дизельный мотор, одна башня, мощная броня, исключительно мощная 152-мм пушка. Красная Армия приняла этот танк на вооружение уже в 1939 году. После инспекции представленных образцов в августе основная задача танкостроителям была создать быстрый средний танк. Конструктор Кошкин создал модель Т-34, которая в конечном счете превзошла по своим данным все конкурирующие модели. Особая сталь защищала экипаж, мощный и легкий мотор вместе с широкими гусеницами делали машину быстрой и надежной. Народный комиссариат обороны в конечном счете признал Т-34 лучшей машиной. Пройдет время, и весь мир признает «тридцатьчетверку» лучшей машиной Второй мировой войны.

Проблема на рубеже 40-х годов заключалась в том, что СССР имел множество устаревших моделей (общее число танков в СССР превосходило численность танков во всем остальном мире) и «смена поколений» происходила медленнее желаемого. В 1940 году было произведено только 243 танка KB и 115 танков Т-34.

Представила проблему и структура танковой части. В середине 30-х годов устойчивым образованием стала танковая бригада в 500 машин, но опыт мировой войны диктовал необходимость более крупных частей. В проекте уже было создано образование в три дивизии (две танковые и одна моторизованная) с общим количеством танков 1031 машина.

Не лучшие времена переживала автотранспортная и дорожная служба, что наглядно продемонстрировала война с Финляндией. 100 машин ГАЗ по заказу Генерального штаба прошли маршрутом Горький-Москва-Калинин-Ленинград-Карельский перешеек. Результат выглядел

очень впечатляюще. Многие машины на разбитых русских дорогах не вынесли тяжести пути, малоопытные армейские шоферы терялись в сложном переходе. Недостача запасных частей, суровость зимы, слабая организация обнажили слабые места огромной армии. Но принятое в конце финской войны решение было худшим из возможных: закрыть слабое место вообще. При значительном давлении любимца Сталина танкиста Д. Г. Павлова автотранспортная служба была закрыта. В условиях общей слабости службы тыла закрытие специализированной транспортной структуры было очевидной ошибкой.

В середине 30-х годов СССР обладал весьма внушительной авиацией, особенно впечатляющей дальней бомбардировочной. Многомоторные бомбардировщики (особенно туполевского КБ – типа АНТ) могли достичь любой столицы Европы. Война в Испании, в которой советская авиация принимала действенное участие, несколько девальвировала значимость тяжелой авиации. Таков был, по меньшей мере, вывод доклада Смущкевича, руководившего авиацией республиканской Испании, сделанного Сталину. И немцы и русские пришли к одному и тому же выводу: войска нуждаются в самолетах непосредственной воздушной поддержки в наступлении, в бою, в наземном маневрировании. Немцы создали «Мессершмитт-109», а наши конструкторы были остановлены волной политических чисток. Конструктор бомбардировщиков Туполев оказался арестованным (что дало шанс Петлякову), конструктор Калинин был расстрелян (он строил тяжелые самолеты). Ведущим строителем истребителей стал Лавочкин. В результате Советская Россия подошла к мировой войне с огромным численно (5 000 единиц) самолетным парком, но современных машин было немного. Ситуация напоминала танковую.

Что касается истребителей, новые машины либо лежали в чертежах, либо совершали первые полеты. МиГ-1, родоначальник славной династии, поднялся в небо в марте 1940 года. ЛаГГ-1 уже был в воздухе с марта 1939 года, а в 1940 году ему вдогонку взлетел ЛаГГ-3. Испытания Як-1 пришлось на лето 1940 года – именно он пошел в массовое производство, хотя в 1940 году было произведено лишь 64 машины. Лучший самолет Петлякова – легкий истребитель Пе-2 показал превосходные качества, но в 1940 году с конвейера сошли лишь две машины. А подлинно бесценная машина будущих боев – штурмовик Ильюшин-2 тоже был лишь в начальной стадии массового производства. Что являлось зияющим провалом, так это отсутствие эквивалента немецкой «раме» – самолету-рекогносцировщику, способному руководить боем, обеспечивать данными о происходящем на поле боя и окрестностях.

Профессор Бонч-Бруевич в 1936 году сумел создать прототип радара (Буря-1). Буря-2 и Буря-3, созданные в 1939 году, уже имели радиус 17 километров. Затем последовали Русь-1 и Редут, ставшие основой современной противовоздушной обороны. К середине 1941 года 30 радаров действовали в Европейской части СССР, 45 – на Дальнем Востоке и в Закавказье.

Летом 1940 года учения РККА прошли по всей стране: негативный опыт финской кампании обязывал.

Умиротворение Германии

Гитлер продолжал считать, что на этом этапе согласие с Британией является ключевым элементом, оно развяжет Германии руки. Глава политического департамента министерства иностранных дел фон Вайцзеккер подписал 10 ноября 1937 года секретный меморандум, в котором говорилось: «От Британии мы можем требовать колоний и свободы действий на Востоке... Потребность Британии в спокойствии велика. Было бы полезно узнать, что Англия готова заплатить за такое спокойствие».

Весной 1937 года Гитлер решил постараться добиться от Англии признания лидерства Германии в Европе. Показательно, что он начал зондаж своих планов с Черчилля. Чартвельского затворника пригласили 21 мая в германское посольство, и беседа с Риббентропом про-

должалась полных два часа. Германский посол объявил, ни больше, ни меньше, что фюрер решил гарантировать целостность Британской империи. Черчилль ответил, что эту задачу уже несколько столетий выполняет британский флот. Риббентроп предложил присовокупить германские гарантии. Чего же хотели немцы взамен? Это и было самым интересным для Черчилля. Риббентроп подошел к висящей на стене карте. Рейх нуждается в жизненном пространстве. Широким жестом посол обвел территорию, необходимую Германии. Рейх претендовал на всю Польшу, всю Украину, всю Белоруссию, что означало пятикратное увеличение его площади.

Черчилль выдержал долгую паузу. Затем он сказал, что хотя англичане «находятся в плохих отношениях с Советской Россией и ненавидят коммунизм так же, как Гитлер, они все же не ненавидят ее настолько». Ни одно британское правительство не потерпит доминирования Германии в Центральной и Восточной Европе. В таком случае, ответил Риббентроп, война неизбежна. Черчилль предостерег посла: «Не недооценивайте Англию, не судите о ней по нынешней администрации. Британия «необычная страна и не многие иностранцы могут ее понять... Она умна. Если вы ввергнете нас еще в одну великую войну, мы приведем с собой весь мир, как это было в последний раз». Риббентроп отмахнулся: «Да, Англия действительно может быть умна, но на этот раз она не приведет весь мир против Германии».

Теперь Черчилль еще внимательнее изучал карту Европы в своей чартвельской «комнате карт». Увеличилось число людей, которые, рискуя карьерой, готовы были снабжать его закрытой информацией. Необходимые сведения сообщали Черчиллю три члена кабинета Чемберлена, из военного министерства ему писал начальник имперского генерального штаба сэр Эдмунд Айронсайд, из штаба ВВС – маршал военно-воздушных сил и несколько офицеров, из адмиралтейства – группа адмиралов, из министерства иностранных дел – ведущие чиновники. Лежа утром в постели и приступая к первому коктейлю, Черчилль сравнивал данные из Берлина с сообщениями любовницы одного из помощников Муссолини, а также с донесениями послов практически из всех крупных столиц. Три французских премьера – Блюм, Фланден и Даладье присылали ему свои аналитические обзоры. Благодаря Даладье удалось выяснить, что за 1937 год немцы увеличили мощь своих вооруженных сил в семь раз.

Что же так успокаивало Лондон и Париж? Сейчас мы можем с полным основанием сказать, что их поддерживала вера в то, что Гитлер не бросится на Запад, что его главный враг находится на Востоке. Германии гораздо выгоднее выступить против России, такой спасительной мысли придерживались в Британии Болдуин и Чемберлен. Они полагали, что от Гитлера можно откупиться, что есть цена, заплатив которую, можно обратить взоры рейха на Восток. С этого времени начинаются активные действия английской дипломатии по умиротворению Германии посредством дипломатических переговоров. Сейчас, имея перед собой документы и свидетельства современников, мы видим, что не было цены, за которую гитлеровская Германия отказалась бы от достижения гегемонии в Европе. На Западе быстрее всех это понял Черчилль. Но это понимание отнюдь не увеличило его влияния в стране, напротив, отойдя от «основной дороги», «основного стереотипа мышления», он обрек себя на одиночество. Возможно, пиком его отстраненности от политической жизни был 1937 год, когда влияние Черчилля в стране опустилось до нулевой отметки.

В мае 1937 года Стэнли Болдуин уступил пост премьер-министра Нэвиллю Чемберлену. Новые люди стали определять внешнюю политику страны, четверо из них были самыми влиятельными – сам премьер Чемберлен, Саймон, Гор и Галифакс.

Начиная новый тур примирения, Чемберлен послал виконта Галифакса на встречу с Гитлером в Берхтесгаден. Принятие приглашения немцев было откровенным ударом по союзнической солидарности с французами – их демонстративно не пригласили на встречу. Но дело не заладилось с самого начала. Прибыв в горное поместье Гитлера, он остался в машине – английские виконты не открывают двери сами. Когда к машине приблизился человек в черных брю-

ках, недовольный виконт попросил его поторопиться. Свою ошибку Галифакс понял только по реакции шофера, который, повернувшись, хрипло прошептал: «Фюрер!» Окончательно круша приличия, Галифакс объяснил Гитлеру, в чем дело. Меньше всего Адольф Гитлер хотел, чтобы его принимали за слугу. И хотя английский лорд вслух смеялся над своей оплошностью, начало уже было малообещающим.

Граница между смешным и серьезным вообще была смыта в ходе этой встречи. Гитлер посоветовал англичанам решить свои индийские проблемы расстрелом Ганди. Галифакс и слушавший его отчет Чемберлен были в восторге от юмора Гитлера. Представить себе, что фюрер был серьезен, они попросту не могли.

Чемберлен между тем вырабатывал свою внешнюю политику. Британии, по его мнению, следовало укрепить отношения с фашистской Италией и нацистской Германией, отодвигая на второй план дружбу с Францией. Так Чемберлен надеялся избежать европейского катаклизма. Как найти каналы сближения с Германией? Чемберлен пришел к выводу, что помочь этому может выделение Германии нескольких колоний – наступала эра «колониального примирения». Таким образом, Чемберлен как бы отвечал на громогласные (в 1934–1938 годах) обвинения Гитлера в краже у Германии победителями в Первой мировой войне ее колониальных владений. Британский премьер решил открыто поднять вопрос о возвращении немцам части колоний. В начале 1938 года он предложил кабинету министров начать «совершенно новую главу в истории африканского колониального развития» посредством достижения договоренности с Германией, «превращения ее в одну из африканских колониальных держав, во владение которой будут даны некоторые территории». Политика Чемберлена была одобрена Галифаксом и послом в Берлине Гендерсоном. Министр же иностранных дел Иден не выразил особого энтузиазма. Карьера Идена, блестяще начатая, оказалась под угрозой.

Наибольшее сопротивление этой идее оказали французы. Они указывали, что бывшие немецкие колонии получены англичанами в качестве подмандатных территорий Лиги Наций и они могут быть возвращены Лиге, но не Германии. Да и странно бы выглядела передача немцам колоний, население которых открыто рассматривалось ими как принадлежащее к заведомо низшей расе.

Англичане не вняли этим аргументам. Лорд Галифакс оповестил Риббентропа – немецкого посла в Лондоне, что Англия «готова пойти на уступки в колониальном вопросе». Что же может дать Германия взамен? Речь уже не шла о «равных» уступках, британское правительство просило о жестах «в направлении обеспечения мира в Европе». Чемберлен – это и ныне звучит фантастично – предложил Гитлеру не что иное, как поделить французские колонии: Бельгийское Конго и португальскую Анголу. Заинтригованный Гитлер спросил: а что, если европейские метрополии не согласятся? Чемберлен ответил, что не только Бельгия и Португалия, но и Франция «будут в конечном итоге участвовать в разрешении этого вопроса». (Попутно отметим, что Париж, Брюссель и Лиссабон не были об этом оповещены.) К счастью для Чемберлена, Гитлер опять поступил непредсказуемо – он отверг широкий английский жест. Пораженный Гендерсон 3 марта 1938 года услышал от фюрера, что тот не нуждается в колониях, – «они будут для меня лишь бременем». Этот вопрос может «подождать четыре, шесть, восемь или даже десять лет». Гендерсон, и тот стал понимать (он записал это в дневник), что Гитлера не интересует достижение взаимопонимания с Великобританией, желанным для него было достижение доминирования в Центральной и Восточной Европе.

В стратегии умиротворителей наметился новый поворот. Об этом красноречиво свидетельствует выступление в Оксфорде одного из наиболее популярных английских журналистов – Доусона: «Если немцы так могущественны, не должны ли мы пойти вместе с ними?».

Первые признаки грозы

Для того, чтобы понять, что привело германских солдат на нашу землю, следует особое внимание обратить на военно-политическую обстановку в Германии в те месяцы, когда она официально отвергла версальские ограничения. Обратимся к сверхсекретному (сделано было лишь четыре копии) документу «Общая политическая ситуация», с которым военный министр Бломберг ознакомил глав трех родов войск 24 июля 1937 года. В преамбуле этой директивы говорилось, что положение Германии стабильно, ей не следует ожидать нападения ни с какой стороны. Ни западные державы, ни Россия не желают войны с Германией, да они попросту и не готовы к ней. «Тем не менее политически нестабильная мировая ситуация, не исключающая неожиданных инцидентов, требует от германских вооруженных сил постоянной готовности к войне, с тем чтобы сделать возможным военное использование политически благоприятных возможностей в случае их возникновения. Приготовления вооруженных сил к возможной войне в мобилизационный период 1937–1938 годов должны проводиться с учетом указанной точки зрения».

Предусматривалось два вида военных действий, приготовления к которым следовало начинать заранее.

I. Война на два фронта с основным упором на Запад (стратегический план «Рот»).

II. Война на два фронта с главным упором на Юго-Восток (стратегический план «Грюн»).

В первом случае главным противником была бы Франция. Во втором война на Востоке могла начаться с «неожиданного германского нападения на Чехословакию с целью парировать выступление превосходящей коалиции противника. Необходимые условия оправдания таких действий политически и в глазах международного права должны быть созданы заранее». Предполагалось Чехословакию «элиминировать с самого начала» и оккупировать.

Были предусмотрены три случая «особых приготовлений».

I. Вооруженная интервенция против Австрии (особый план «Отто»).

II. Военные осложнения отношений с Красной Испанией (особый план «Рихард»).

III. Англия, Польша и Литва «участвуют в войне против нас» (продолжение «Рот»/«Грюн»).

Примечательно, что в этом документе скептически оценивается возможность примирения с Англией, которая «будет использовать все находящиеся в ее распоряжении экономические и военные ресурсы против нас». И если она присоединится к Польше и Литве, В Германии «военное положение ухудшится до непереносимого состояния, почти безнадежного. Политические лидеры поэтому должны сделать все, чтобы сохранить эти страны нейтральными, особенно Англию».

Милитаристские планы Германии получили дальнейшее развитие в ходе совещания 5 ноября 1937 года на Вильгельмштрассе самого узкого клана военных и политиков (военный министр Бломберг, начальник штаба армии фон Фрич, командующий военно-воздушными силами Геринг, министр иностранных дел фон Нейрат, военный адъютант фюрера полковник Хосбах). Заседание шло под председательством Гитлера. Хосбах вел протокол, дающий нам возможность проникнуть в темный мир, порождающий войну.

Гитлер заявил, что опыт четырех с половиной лет пребывания у власти позволил ему прийти к некоторым выводам. (Он придавал им настолько важное значение, что просил, в случае его гибели, рассматривать их как свое политическое завещание.) 85 млн. немцев скучены на узком пространстве, страдая более чем какой-либо другой народ. «Цель германской политики – обеспечить и сохранить расовое сообщество, расширить сферу его действия. Поэтому встает вопрос о жизненном пространстве. Немцы имеют право жить на большем жизненном пространстве, чем другие народы... Будущее Германии полностью зависит от разрешения про-

блемы ее жизненного пространства... Единственное средство – приобрести большее жизненное пространство. История всех времен, в частности история Римской и Британской империй, показала, что экспансия может осуществляться лишь путем борьбы с окружающим миром и при условии готовности к риску... Никогда еще не было владения без хозяина, и нет такого сегодня; нападающий всегда выступает против владельца». Главными объектами в политических устремлениях Германии являются Британия, Франция и Россия. «Проблема Германии может быть решена лишь обращением к оружию, а это всегда сопровождается наличием риска... Остается ответить на вопросы «где» и «когда».

По мнению Гитлера, отмечает Хосбах, силовые решения должны были быть приняты до 1943–1945 годов, после этого периода «можно ожидать лишь перемены ситуации не в нашу пользу. «Жизненное пространство нужно искать в Европе, а не за морем. Оснащение армии, флота и воздушных сил почти завершено. Оружие и техника отвечают требованиям сегодняшнего дня; в дальнейшем возникает опасность их устаревания... Внешний мир будет крепить свою оборону, и мы должны предпринять наступление заранее... Можно полагаться на негибкую решимость фюрера разрешить проблему пространства для Германии до 1943–45 годов... Наша первая задача заключается в одновременном захвате Чехословакии и Австрии с целью уничтожения угрозы нашему флангу в любых возможных операциях против Запада». Границы станут короче и более удобны для обороны. Аннексия этих двух государств будет означать «приобретение продуктов питания для 5–6 млн. человек, учитывая тот факт, что вполне предсказуема принудительная эмиграция 2 млн. человек из Чехословакии и одного миллиона из Австрии». Гитлер ни разу не упомянул об «освобождении судетских немцев» – основной мотив его публичных выступлений. Просто «чехов надо раздавить».

На дальнейшем следует сосредоточить особое внимание. Гитлер выразил полную убежденность в том, что «Британия и, возможно, Франция уже втайне списали чехов со счетов». Позиция Британии будет иметь исключительное значение для Франции, но в решающий момент англичане дрогнут. «Трудности, связанные с империей, а также перспектива быть втянутой еще раз в длительную европейскую войну оказались для Британии решающими доводами против участия ее в войне против Германии... Таким образом, очень маловероятно нападение со стороны Франции без британской поддержки». Захват Чехословакии и Австрии волеет в население рейха еще двенадцать миллионов человек, даст дополнительные источники питания для пяти-шести миллионов жителей рейха, возможность мобилизовать еще двенадцать дивизий. Советский Союз, по мнению Гитлера, не выступит «в свете позиции Японии».

Сохраненный и зачитанный на Нюрнбергском процессе документ ясно свидетельствует о том, что уже в конце 1937 года нацистское руководство Германии было готово к войне. Следующий – 1938 год – объявлялся Гитлером приемлемой датой европейской войны, которую следовало завершить не позднее 1943–1945 годов. В своей более чем четырехчасовой речи Гитлер сообщил, что намерен продлить войну в Испании помимо прочего потому, что это может привести Италию к вооруженному конфликту с Англией и Францией. Это откроет Германии путь к решению чешского и австрийского вопросов. Аннексия Австрии и Чехословакии резко улучшит стратегическое положение Германии.

В конце совещания Гитлер позволил присутствующим высказать свои мнения. Оппозиция обнаружилась довольно быстро. Триумвират дипломатов и военных – Нейрат, Бломберг и Фрич – заявил, что мысль о возможности войны между Британией и Италией является абсурдной. У Чехословакии военный союз с Францией. Французы заключили пакт с СССР. Всего два месяца назад французский министр иностранных дел подчеркнул, что Франция выполнит свои союзнические обязательства, и в этом случае, как сообщил британский Форин-офис, Англия последует за Францией. Гитлер не забыл ни слова. Этой зимой он порвал с традиционной элитой. Не прошло и трех месяцев, как Нейрат уступил портфель министра иностранных дел Риббентропу. Бломберг был уволен на том основании, что его жена прежде занима-

лась проституцией. Фон Фрича обвинили в гомосексуализме. Аристократ потребовал военного трибунала. Не имея доказательств, Гитлер попросту его уволил, приняв на себя 4 февраля 1938 года командование германскими вооруженными силами.

Встретив как-то в театре журналиста Вальтера Функа, Гитлер отвел его в сторону и попросил взять на себя пост Ялмара Шахта – министра экономики и следовать указаниям уполномоченного за выполнение четырехлетнего плана Геринга. Министерство финансов, министерство иностранных дел и, главное, армия к весне 1938 г. были подчинены диктатору полностью.

Уже к марту 1938 года он командовал 4 миллионами хорошо обученных и вооруженных солдат и офицеров. Пришло время реализации плана «Отто». Из Лондона Риббентроп докладывал: Англия не сделает ничего ради Австрии, даже если Германия прибегнет к силе, важно лишь, чтобы «решение» было быстрым.

Поглощение Австрии

Вечером 11 февраля 1938 года в обстановке строжайшей секретности австрийский канцлер Шушниг прибыл в Зальцбург и на автомобиле пересек германскую границу, чтобы встретить в Берхтесгадене Гитлера. Посланный Гитлером фон Папен спросил у канцлера, не будет ли он протестовать против присутствия на встрече случайно прибывших в Берхтесгаден Кейтеля (недавно назначенного руководителем ОКВ – главного командования вермахта), Рейхенау, возглавлявшего армейские силы, стоящие на германо-австрийской границе, и Шперле – командира авиации в данном районе.

Гитлер, одетый в черные брюки и коричневую рубашку, встретил Шушнига в окружении трех генералов. Австриец встретил австрийца. Шушнига трудно было назвать слабым человеком, ему шел всего сорок второй год, он получил безукоризненное образование, в частности, у иезуитов. В лучших традициях своего воспитания он начал беседу восторгами по поводу альпийских видов из окон кабинета фюрера. Тот оборвал его словами: «Мы собрались здесь рассуждать не о видах и погоде». В написанном по памяти отчете австрийского канцлера дальнейшее обозначается как «односторонняя беседа». Смысл монолога Гитлера заключался в следующем: «Германский рейх является одной из величайших держав, и никто не поднимет свой голос, когда он решает проблемы на своих границах». Гитлер был неудержим: «Я исполняю историческую миссию, и я завершу ее, потому что меня избрало провидение... Кто не со мною, будет сокрушен... Я избрал самую трудную дорогу, по которой когда-либо шел немец; у меня самые большие достижения за всю историю Германии, более великие, чем у любого немца».

Будущее Австрии связано с будущим Германии. «Стоит мне лишь отдать приказ, и в течение одной ночи весь ваш смехотворный оборонный механизм рассыплется на куски... Я хотел бы, чтобы Австрия избежала такой судьбы, потому что она означает пролитие крови. За армией мои СА и Австрийский легион войдут в страну, и никто не сможет предотвратить их мести». Может ли кто помешать Германии? «Ни секунды не думайте о том, что кто-либо на земле сможет противостоять моим решениям. Италия? Мы нашли с Муссолини согласие... Англия? Англия не пошевелит даже пальцем ради Австрии. Франция? Она могла остановить Германию в Рейнской области, но сегодня время для Франции упущено».

Во время ланча, пишет Шушниг, Гитлер позволил себе расслабиться. Он воодушевленно говорил о лошадях и о том, что намерен построить небоскребы такой высоты, что сами американцы будут поражены. Но ланч закончился, и новый германский министр иностранных дел Риббентроп вручил Шушнигу проект «соглашения», подчеркнув, что это окончательный вариант. В нем содержалось требование сдать в течение недели, отменить запрет на деятельность австрийской нацистской партии, а ее лидера доктора Зейсс-Инкварта назначить министром внутренних дел. Другому нацисту – Глейзе-Хорстенау следовало дать пост военного министра.

Кроме того, должны быть сделаны приготовления для ассимиляции австрийцев в германскую экономическую систему.

Австрийский канцлер не решался подписать документ о капитуляции своей страны. Гитлер, якобы потеряв терпение, открыл дверь кабинета и громко позвал: «Генерал Кейтель!». Затем, обернувшись к Шушнигу, добавил: «А вас я вызову позже». Папен свидетельствует, что после ухода Шушнига Гитлер встретил Кейтеля широкой ухмылкой: «К вам у меня нет приказов, я просто хотел убедиться, что вы здесь».

Через полчаса Шушниг (который, по его словам, ожидал ареста) подписал смертный приговор своей стране. По собственной оценке канцлера, принятие условий Гитлера означало «окончание независимости австрийского правительства». Шушниг отказался от ужина и направился в сопровождении фон Папена к австрийской границе.

Шестнадцатого февраля было объявлено об амнистии членов национал-социалистической партии и о реорганизации кабинета. Через четыре дня Гитлер выступил в рейхстаге: «Более десяти миллионов немцев живут в двух соседних государствах... Для мировой державы невыносимо знать, что братья по расе претерпевают суровые лишения из-за их симпатии ко всей нации, ее судьбе и взгляду на мир. Интересам германского рейха будет служить защита этих немцев». Толпы нацистов слушали эту речь в Австрии. Они срывали красно-бело-красные австрийские знамена, водружая красные знамена со свастикой. Полиция, руководимая теперь Зейсс-Инквартом, не вмешивалась в действия нацистов. Шушниг попытался обратиться к профсоюзам, в которых преобладали социал-демократы и которые вели за собой более 40 процентов избирателей. Те готовы были помочь при одном условии (уже дарованном нацистам) – праве на создание своей партии. Канцлер согласился, но было уже поздно.

Последним шансом Шушнига являлось проведение в Австрии общенационального плебисцита. Ставился вопрос: «Выступаете ли вы за свободную, независимую, социальную, христианскую и единую Австрию – да или нет?» Объявление о плебисците было сделано 9 марта, сам плебисцит должен был состояться 13 марта 1938 года, а 10 марта Гитлер приказал привести в состояние боевой готовности три армейских корпуса и военно-воздушные силы. В два часа ночи 11 марта Гитлер издал директиву номер один по плану «Отто»: «1. Если все другие меры окажутся безуспешными, я намерен вторгнуться в Австрию для создания конституционных условий и для предотвращения дальнейших оскорблений прогерманского населения. 2. Я беру на себя руководство всей операцией... 4. Подразделения армии и военно-воздушных сил должны быть готовы к вторжению 12 марта 1938 года самое позднее до 12.00... 5. Проведение войск должно создать впечатление, что мы не желаем вести боевых действий против наших австрийских братьев. Если же, однако, возникнет сопротивление, оно должно быть безжалостно подавлено силой оружия».

Гитлеру необходимо было заручиться согласием прежнего протектора Австрии – Муссолини. Во второй половине дня 10 марта специальный самолет принца Филиппа Гессенского взлетел с Письмом Гитлера Муссолини. В нем говорилось, что Австрия и Чехословакия намерены восстановить династию Габсбургов и бросить массу по меньшей мере двадцати миллионов человек против Германии. Гитлер писал, что в критический для Италии час он оказал ей помощь, а сейчас пришло время Муссолини поддержать Берлин. Из Рима в Вену была послана телеграмма: «Итальянское правительство объявляет, что оно не в состоянии дать совет в текущей ситуации». Австрийские нацисты к тому времени уже завладели центром Вены. Шушниг выступил по национальному радио со словами: «Президент Миклаш попросил меня сказать австрийскому народу, что мы уступаем силе, поскольку мы не готовы даже в этот ужасный час пролить кровь. Мы отдали войскам приказ не оказывать сопротивления». Из Рима принц Филипп Гессенский позвонил Гитлеру: «Муссолини сказал, что он не имеет к Австрии никакого отношения». Гитлер ответил: «Скажите Муссолини, что я никогда не забуду ему этого!»

В этот трагический час крушения Сен-Жерменского договора, запрещавшего слияние Германии и Австрии, Франция (как это часто бывало) оказалась без правительства: 10 марта подал в отставку кабинет Шотана. В Англии министр иностранных дел Иден также подал в отставку, не согласный с политикой умиротворения Муссолини. Его сменил на этом посту лорд Галифакс. Риббентроп, который завершал свои дела в Лондоне, прежде чем обосноваться на Вильгельмштрассе, после беседы с Галифаксом 10 марта сообщил в Берлин, что «Англия ничего не сделает в отношении Австрии». В эти же дни нарком Литвинов предупредил ЦК ВКП (б): «Аннексия Австрии – важнейшее событие со времени мировой войны, оно влечет за собой огромную опасность, в том числе и для СССР».

Получив гарантии Муссолини, Гитлер теперь беспокоился по поводу реакции Чехословакии. Вечером 11 марта маршал Геринг разыскал в Государственной опере посла Чехословакии доктора Мастны и дал ему слово чести, что Чехословакии нечего бояться Германии, что вхождение германских войск в Австрию «семейное дело», что Гитлер желает улучшения отношений с Прагой. Мастны позвонил в свое министерство иностранных дел, вернулся в зал и сказал Герингу, что чешская армия не мобилизуется и у Чехословакии нет намерения вмешиваться в события, связанные с Австрией. Тридцатого марта Гитлер возложил венок на могилу своих родителей и выступил в Линце: «Провидение однажды позвало меня отсюда для того, чтобы сделать фюрером рейха, и теперь возвращаю мою родину германскому рейху». Именно в этом городе была объявлена недействительной статья 88 Сен-Жерменского договора, провозгласившая независимость Австрии.

Советское правительство 17 марта 1938 года предложило созвать международную конференцию с целью определения метода предотвращения дальнейшей германской агрессии. Как пишет английский историк А. Буллок, «Сталин ясно понимал, что курс, взятый Гитлером, приведет к войне, если фюрера не остановить, ему было очевидно, что поставить заслон на пути агрессора – в общих интересах и что великим державам удастся заставить Гитлера отступить, если они будут действовать сообща.» Советский посол сообщил президенту Бенешу, что СССР готов предпринять необходимые шаги для гарантии безопасности Чехословакии. По иронии истории именно Бенеш при подписании советско-чешского договора настоял на том, чтобы взаимопомощь была обусловлена выполнением своих обязательств Францией.

Франция, увы, не дала ответа вовсе. Британский премьер Чемберлен 24 марта в палате общин отверг советское предложение: «Неизбежным следствием любого подобного действия было бы усиление тенденции в пользу создания закрытых групп наций, что осложняет возможности европейского мира». Слово уже не было подписано «Антикоминтерновский пакт» и против Британии не действовала «ось» Берлин – Рим. Позволив Гитлеру завладеть Австрией, европейские правительства предали те силы в стране, которые выступали против аншлуса и нацизма. В течение первого месяца после вхождения в Австрию германских войск лишь в одной Вене было арестовано семьдесят тысяч человек. Протест посла Гендерсона вызвал следующую реакцию Вильгельмштрассе: «Отношения между рейхом и Австрией могут рассматриваться лишь как внутреннее дело германского народа».

В палате общин Черчилль произнес речь, которую Никольсон назвал «лучшей речью его жизни». Овладение нацистами Веней, «центром всех коммуникаций всех стран, которые входили в старую Австро-Венгерскую империю, и всех стран, лежащих на юго-востоке Европы», создает угрозу для всего Дунайского бассейна, особенно для Чехословакии. Черчилль напомнил слушателям, что чешская армия в три раза превосходит по численности английскую, ее военные запасы втрое превышают итальянские.

Первые слова Черчилля были встречены смехом. Он оборвал смеющихся: «Смейтесь, но слушайте», – и обратил внимание присутствующих на три государства Малой Антанты – Чехословакию, Румынию и Югославию. Они являлись странами «второго ранга», но, вместе взятые, образовывали мощную силу. Первая страна давала военные заводы, вторая – нефть, третья

– жизненно важное сырье. Перед каждой теперь стояла альтернатива: подчиниться, подобно Австрии, или предпринять эффективные меры самозащиты. Малой Антанте следовало сблизиться с двумя другими дунайскими странами – Венгрией и Болгарией. Это поставит заслон движению рейха на Восток. В то же время Британия и Франция должны пообещать начать боевые действия против Германии в случае ее нападения на любую страну в Восточной Европе. Перед Германией тогда встанет опасность ведения войны на два фронта. Если намеченные планы привести в исполнение в 1938 году («а это последний срок»), то войны еще можно будет избежать.

Эта речь имела отклики повсюду. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов публично одобрил предложения Черчилля. Во Франции слышались голоса поддержки.

Но, как отмечал в дневнике Гарольд Никольсон, «правительство предало свою страну, эти тори думают только о красной опасности и ведут дело к распаду империи». Лорд Бусби писал: «С 1935 по 1939 год я наблюдал политических лидеров Британии, и я пришел к выводу, который с тех пор не изменился: исключая двоих, Уинстона Черчилля и Леопольда Эмери, они были запуганными людьми... жалкой комбинацией трусости и жадности».

Премьер Чемберлен 18 марта 1938 года сообщил своему кабинету, что претензии Гитлера, по его убеждению, ограничены в Европе Судетами. Черчилль в тот же день прокомментировал это заявление: «Если смертельная катастрофа вовлечет в себя британскую нацию и Британскую империю, историки через тысячу лет будут озадаченно размышлять над тайной наших поступков. Они никогда не поймут, как могла эта победоносная нация, имея все в своих руках, упасть так низко, отказаться от всего, чем она овладела благодаря безмерным жертвам и абсолютной победе – все оказалось унесенным ветром! Ныне победители унижены, а те, кто бросил свое оружие и просил о перемирии, устремились к мировому господству. Происходит гигантская трансформация... Наступило время поднять за собой нацию. Мы должны преодолеть все препятствия и постараться объединить силу и дух нашего народа, снова поднять британскую нацию перед всем миром; ибо эта нация, восстав в своей прежней энергии, может даже в этот час спасти цивилизацию».

Ни одна из популярных газет не поместила этой речи, зато все опубликовали полное изложение речи премьера Чемберлена. «Гардиан» писала: «Мистер Чемберлен возобладал над противниками в собственном лагере». На следующий день «Ивнинг стандарт» расторгла контракт с Черчиллем, поскольку, как объяснял редактор, его взгляды на внешнюю политику «совершенно очевидно противоречат воззрениям нации».

Глава вторая

Германские планы в Европе

Гитлер ненавидел чехов со времен своей жизни в Вене (славянские «недочеловеки»). Послевоенную Чехословакию он воспринимал как «искусственное порождение Версаля». Субсидирование судетских немцев-сепаратистов началось в 1935 г. План «решения» проблемы вырабатывался совместно с лидером судетских немцев Гейнлейном в Берлине 28–29 марта 1938 г. Гейнлейн сразу же понял свою задачу: «Мы должны предъявить требования, которые невозможно удовлетворить».

Двадцать первого апреля 1938 года Гитлер призвал к себе генерала Кейтеля. Благодаря стенографическим записям майора Шмундта, военного помощника Гитлера, в нашем распоряжении есть отчет об этой встрече, во время которой, по существу, была решена судьба Чехословакии. Гитлер считал, что необходимы «молниеносные действия, основанные на инциденте (например, убийстве германского посла во время антигерманской демонстрации)... Первые четыре дня военных действий в политическом смысле являются решающими. Если нам не будет сопутствовать военный успех, определенно возникнет европейский кризис. Свершившееся же действие должно убедить иностранные державы в безнадежности военного вмешательства». Кейтелю поручалось подготовить план внезапного нападения с тем, чтобы сокрушить чешские пограничные заслоны и одержать решающую победу не позднее чем в четырехдневный срок – чтобы союзники не смогли прийти на помощь Чехословакии.

Детально разработанная директива по плану «Грюн» появилась в Берлине 20 мая 1938 года. Ее язык лучше, чем что-либо другое, характеризует гитлеризм. «Моим намерением является сокрушение Чехословакии путем проведения военной операции в ближайшем будущем». Быстрота осуществления военной операции должна продемонстрировать враждебным государствам «безнадежность чешской позиции с военной точки зрения, а также обеспечить стимулы тем государствам, которые имеют территориальные претензии к Чехословакии, с тем чтобы они присоединились к действиям против нее». Гитлер имел в виду Польшу и Венгрию. Обращает на себя внимание следующий факт: Гитлер считал сомнительным выполнение французами своих обязательств в отношении Чехословакии, но предупреждал, что следует ожидать попытки России предоставить Чехословакии военную помощь. Немцы были настолько уверены в том, что французы не окажут поддержки своему союзнику, что Гитлер и Кейтель специально оговорили: «Минимум сил должен быть оставлен для прикрытия операции с запада».

Трагические черты приобретает вся европейская ситуация. Гитлер и его окружение впервые формулируют «свой» способ ведения войны, тотальной и лишенной «предрассудков». Частью войны становятся пропаганда и экономика. «Пропагандистская война должна, с одной стороны, запугать чехов посредством угроз и низвести до нуля их способность к сопротивлению; с другой стороны, она должна показать национальным меньшинствам, как следует поддерживать наши военные операции, влиять на нейтралов в позитивном для нас направлении. Экономическая война имеет своей целью использование всех наличных экономических ресурсов с целью ускорения коллапса чехов». Но затем экономический потенциал противника должен быть восстановлен: «Чешские индустриальные и инженерные мощности могут иметь решающее значение для нас».

Весь май пропагандистская машина Геббельса снабжала мир историями о «терроре чехов» против немцев Судетской области – трех миллионов немцев, бывших до 1918 года подданными Австро-Венгрии.

Чешская разведка сумела добыть документы, свидетельствующие о готовящихся немецких военных действиях. Начальник генерального штаба Чехословакии генерал Крейци 21 мая

сообщил германскому военному атташе полковнику Туссену, что у него есть неопровержимые доказательства того, что в Саксонии сконцентрировано от восьми до десяти дивизий. Президент Бенеш объявил о частичной мобилизации. Известный американский журналист историк У. Ширер, бывший в это время в Германии, позднее писал: «Если бы Чемберлен открыто сказал в этот момент, что Британия сделает то, что она в конечном счете и сделала перед лицом нацистской агрессии, фюрер никогда бы не бросился в авантюру, вызвавшую вторую мировую войну, – это подтверждается последующим изучением секретных германских документов».

Прежде чем броситься на Чехословакию, Гитлер решил посетить ближайшего союзника. Празднование 49-летия ввело его в минор – его могут убить на пути в Италию. Всю дорогу на Апеннины он составлял завещание и приводил в порядок свои дела. За исключением подарков родственникам, все свое имущество, Бергхоф, мебель и картины он завещал нацистской партии. Он оплатил поездку в Италию Евы Браун, но она постоянно была в отдалении, лишь из толпы наблюдая за фюрером, сидевшим в автомобиле рядом с королем Виктором-Эммануилом. В то же время германские войска концентрировались на границе с Чехословакией.

Гитлер, ощутив слабость и колебание потенциальных противников, 28 мая 1938 года созвал верхушку генералитета в рейхсканцелярию. Через восемь месяцев он рассказал об этой встрече рейхстагу: «Я решил раз и навсегда покончить с судетским вопросом. 28 мая я приказал: 1. Приготовления к военной акции против этого государства должны быть сделаны ко 2 октября. 2. Строительство наших оборонительных рубежей на Западе должно быть ускорено... Должна быть запланирована мобилизация 96 дивизий».

В эти дни начальником штаба германской армии становится пятидесятичетырехлетний генерал из Баварии Ф. Гальдер, которому придется активнейшим образом участвовать в разработке плана «Барбаросса». Гальдер прервал традицию – впервые штаб германской армии возглавил не прусский протестант, а баварский католик, хобби которого были математика и ботаника. Он производил впечатление университетского ученого. История испытала его моральную стойкость: временами сомневаясь в нацизме, Гальдер в конечном счете склонился перед Гитлером.

Британия склоняется

В правящих кругах Британии между тем крепло ощущение, что пора отходить от увлеченной социалистическими экспериментами Франции и использовать все возможности для заключения союза с новой Германией ради создания единого фронта против Советского Союза. Это настроение повлияло на судьбу Судетской области. Посол Британии в Берлине не питал по этому поводу никаких сомнений. Он характеризовал чехов как «свиноголовую расу», а президента Бенеша, выпускника Карлова, Парижского и Дижонского университетов, как «самого свиноголового в своем стаде». Немцам он говорил: «Великобритания не собирается рисковать ни одним своим матросом или летчиком ради Чехословакии».

Оставалось определить позицию Советского Союза, который явно был заинтересован в сохранении линии чешских крепостей на границе с рейхом. Не зря Гитлер называл Чехословакию «авианосцем Советской России». Но умиротворители во главе с Чемберленом делали вид, что великой страны на Востоке не существует. По крайней мере, все дипломатические демарши Литвинова были безуспешны. Обращаясь к французскому поверенному в делах в Москве, Литвинов предложил «немедленно начать штабные переговоры между советскими, французскими и чешскими экспертами». Министр иностранных дел Франции Бонне никому не сказал о советском предложении. Более того, через два дня он заявил британскому послу в Париже, что Румыния не позволит русским военным самолетам нарушать воздушное пространство. И это при том, что у англичан уже были точные сведения от румын, что допуск советских самолетов гарантируется.

В конце июня Литвинов выступил с речью, которую немецкий посол незамедлительно передал в Берлин: «Последние пять лет в дипломатических кругах Запада все сводится к попыткам не замечать откровенно агрессивной политики Германии, к соглашательству на ее требования, а зачастую и капризы, из опасения вызвать малейшее недовольство... Мы намеренно воздерживаемся от непрошенных советов чехословацкому правительству... Советское правительство не несет ответственности за дальнейшее развитие событий. СССР не ищет для себя никакой выгоды, также не желает он никому навязывать себя в качестве партнера или союзника, но готов согласиться на коллективное сотрудничество». По соглашению с командующим чешскими ВВС генералом Файфром Советский Союз обещал прислать 700 истребителей. Румыния согласилась на высотный пролет советской авиации.

Помощник Чемберлена Вильсон боялся только одного: совместная с СССР акция может быть воспринята немцами как запугивание. Брат писателя Сомерсета Моэма, лорд Моэм, заявил, что в Судетской области «британские интересы не затронуты никоим образом». На это Дафф Купер ответил, что «главный интерес Британии заключается в предотвращении доминирования одной страны в Европе, а нацистская Германия представляет собой самую мощную державу, которая когда-либо доминировала в ней, следовательно, противодействие Германии совершенно очевидно соответствует британским интересам».

Кризис зрел все летние месяцы и начал приближаться к кульминации в сентябре. В начале сентября 1938 г. посол Майский сообщил Черчиллю, что в случае нападения Германии на Чехословакию СССР применит силу. Десятого сентября Геринг обратился к ревущей толпе Нюрнбергского партайтага: «Малый сегмент Европы оскорбляет человеческую расу... Эта жалкая раса пигмеев (чехословаки) угнетает культурный народ, а за ними прячется Москва и вечная маска еврейского дьявола». 21 сентября в Женеве Литвинов дал положительный ответ на вопрос чехов, могут ли они рассчитывать на поддержку СССР в случае германского нападения. Советская мобилизация (согласно мемуарам маршала Захарова) началась 21 сентября. 10 дивизий во главе с маршалом Тимошенко разместились вдоль польской границы. Французы были уведомлены (об этом стало известно в 1958 г.) о ходе успешной мобилизации советских войск.

Гитлер, который уже обозначил 1 октября как дату начала военных действий, в Нюрнберге просто потребовал от чешского правительства «справедливости» в отношении судетских немцев. В Судетах нацисты обратились к оружию, и Прага послала туда войска. Французский кабинет заседал 13 сентября весь день, так и не решив, будет ли правительство соблюдать свое обязательство помогать Чехословакии в случае войны. Премьер Даладье вызвал из оперы британского посла сэра Эрика Фипса для того, чтобы попросить Чемберлена быть послом мира. В одиннадцать часов вечера Чемберлен обратился к Гитлеру с экстренным посланием: «Я полагаю необходимым немедленно прибыть к вам с целью попытаться найти мирное решение. Я могу вылететь на самолете и готов сделать это завтра».

Когда Гитлер прочел это послание, он смог воскликнуть лишь: «Я свалился с неба!» Премьер-министр Британской империи готов был покорно прибыть в отдаленнейший уголок рейха, заведомо склонный обсудить уступки. Немалое число англичан полагали, что Чемберлен собирается сказать Гитлеру то, что не сказал кайзеру премьер Асквит в 1914 году, – что Британия выступит за поруганные права малой нации. Документы же свидетельствуют: немцы знали истинную цель полета Чемберлена. Поверенный в делах Германии в Англии Т. Кордт сообщил в Берлин, что премьер собирается позитивно рассмотреть «далеко идущие германские предложения».

Организация Гейнлейна активизировалась в Судетах, и Прага ввела здесь военное положение. Германские газеты объявили о царстве террора в Судетенланде. В Лондоне Черчилль предложил министру иностранных дел Галифаксу сообщить Германии, что она, в случае посягательства на чехословацкую землю, будет находиться в состоянии войны с Британией. 15 сен-

тября он писал в «Дейли телеграф», что чехи будут отчаянно сражаться и выведут из строя от 300 до 400 тысяч солдат противника. Весь мир придет на помощь Чехословакии.

В тот же день Невилл Чемберлен, впервые в жизни сев в самолет, приземлился в Мюнхене. Встречавшие его в почетном карауле эсэсовцы были взяты из охраны Дахау, из дивизии «Мертвая голова». «Я чувствовал себя совершенно свежим», – сообщал он сестре. Толпы немцев приветствовали его на пути к железнодорожной станции. Трехчасовая езда завершилась в Берхтесгадене. На ступеньках Бергхофа его встретил Гитлер, одетый в хаки со свастикой на рукаве. «...Он выглядит совершенно неприметным. Ты никогда бы не выделила его в толпе».

Во время встречи Гитлер не давал присутствующим говорить, он повторял на все лады, что не позволит притеснения трех миллионов судетских немцев. Он готов «к риску мировой войны». Улучив момент, Чемберлен поинтересовался, в чем же, в таком случае, заключается цель его визита? В ответ Гитлер стал рассказывать Чемберлену, как много им сделано для англо-германского примирения. Между двумя странами осталась лишь одна проблема, которую следует «так или иначе» разрешить: три миллиона немцев из Чехословакии должны «вернуться» в рейх. Он не желает больше позволять маленькой, второстепенной стране обращаться с тысячелетним германским рейхом как с чем-то второстепенным. Ему сорок девять лет, и если Германии суждено оказаться в мировой войне из-за чехословацкого вопроса, он желает вести свою страну, находясь в полной силе своего возраста. Он готов встретить любую войну, даже мировую. Остальной мир пусть делает все, что ему заблагорассудится, он, Гитлер, не отступит ни на шаг.

Чемберлен ответил, что не может дать согласие на аннексию Судет без предварительной консультации с кабинетом и французами. Но – это важно – он добавил, что лично он признает принцип отделения Судетской области и желает возвратиться в Англию для доклада правительству и обеспечения поддержки своему мнению. То был решающий шаг. Теперь ситуация отличалась от ситуации 1914 года. Величайшая империя мира уступала грубой силе. Находящиеся в Берлине посольства наиболее крупных стран получили германскую оценку происходящего: «Автономия судетских немцев более не рассматривается, вопрос стоит о возвращении этого региона Германии. Чемберлен выразил свое личное одобрение. Он ныне консультируется с британским кабинетом и находится в контакте с Парижем. Следующая встреча фюрера и Чемберлена запланирована на очень близкое будущее».

Через несколько дней Чемберлен писал сестре: «Мне удалось установить определенную степень доверия, что было моей целью, и, несмотря на жестокость и безжалостность, выражение которых я видел на его лице, у меня сложилось впечатление, что это был человек, на которого можно положиться, если он дал свое слово». В то же время Гендерсон сообщил, что на фюрера Чемберлен произвел «наилучшее впечатление». Чемберлен удовлетворен: «У меня сложилось мнение, что герр Гитлер говорит правду».

Пока Чемберлен полагался на обещание получить Судеты мирным путем, германская военная машина работала на полных оборотах, планируя боевые действия против Чехословакии. Характерная черта: был дан приказ действовать не только быстро, но и жестоко. В тот день (18 сентября), когда Чемберлен уговаривал своих министров, Гитлер и его генералы начали план действий пяти армий, предназначенных к вторжению. Для оккупации Чехословакии вермахт выделял 36 дивизий. Двадцать второго сентября к границам Чехословакии подошли польские и венгерские войска. Судетские немцы (свободный корпус, возглавляемый Гейнлейном) захватили чешские города Аш и Эгер.

На совместное англо-французское предложение согласиться с германскими требованиями чешское правительство ответило отказом – их принятие означало бы, что вся Чехословакия раньше или позже оказалась бы под полным господством Германии. Прага напомнила Парижу о его обязательствах. Британский посол в Праге сэр Камил Крофт заявил, что неприимая позиция чехов приведет к отчуждению Британии. Посол де Лакруа вторил ему от

имени Франции. Президент Бенеш попросил де Лакруа письменно подтвердить отказ Франции сражаться. Как средство убеждения этот жест ничего не значил, но история должна была знать нарушившего свое слово.

Оставался Советский Союз. То был решающий час для Европы. Агрессор на марше мог быть остановлен преобладающими силами своих потенциальных жертв. Хватит ли у них решимости? Народный комиссар иностранных дел Литвинов 21 сентября в Женеве публично объявил, что Советский Союз будет верен договору с Чехословакией. Вызванный Бенешом посол СССР повторил обещание Литвинова. Правда, по условиям пакта СССР оказывает помощь, если это делает и Франция. Но советская сторона дала понять, что это условие не является для нее абсолютным, она готова прийти на помощь в случае просьбы чехословацкого правительства.

Чемберлен снова вылетел в Германию и 22–23 сентября совещался с Гитлером на Рейне.

Собрав немногочисленных сторонников, Черчилль предложил потребовать от Чемберлена настаивать на немецкой демобилизации, управлении Судетами международной комиссией, отказе обсуждать польские и венгерские претензии на чехословацкую территорию, немецких гарантиях чехословацкой территории. Один из присутствующих воскликнул: «Но Гитлер никогда не пойдет на такие условия!». В этом случае, сказал Черчилль, Чемберлен должен вернуться и объявить войну.

Фюрер попросил Чемберлена довести до сведения чехов, что эвакуация чехов с уступаемых территорий должна начаться 26 и завершиться 28 сентября. «Чтобы доставить вам удовольствие, мистер Чемберлен, я готов уступить. Вы – один из немногих, которым я когда-либо делал одолжение. Если это облегчит вашу задачу, я готов удовлетвориться 1 октября в качестве дня эвакуации чехов. Чемберлен вспоминал, что ощутил «растущее между ним и фюрером доверие», и по возвращении сказал кабинету, что он убежден, что «герр Гитлер не будет изощряться, обманывать человека, которого уважает и с которым ведет переговоры».

Когда Гитлер и Чемберлен прощались 23 сентября, окружившие их журналисты были поражены сердечностью расставания. Переводчик Шмидт подтвердил сближение. «Чемберлен обратился с сердечными словами прощания к фюреру. Он сказал, что ощущает рост чувства доверия между ним и фюрером в результате бесед последних дней... По прошествии текущего кризиса он будет рад обсудить другие проблемы с фюрером в том же духе».

Гитлер, получив согласие англичан, немедленно повысил ставки. Он потребовал согласия на оккупацию Судетской области до октября. Кризис обострился вновь. Могла ли Чехословакия сражаться в конце сентября 1938 года? В вооруженные силы был мобилизован один миллион человек. Франция объявила о своей частичной мобилизации. Вместе с французами чехословаки превосходили вермахт в отношении два к одному. В случае помощи СССР (а она была гарантирована) соотношение сил менялось еще больше. 25 сентября советское правительство также предприняло шаги по мобилизации своих войск. Согласно воспоминаниям маршала Захарова, если бы СССР, Франция и Англия действовали сообща, соотношение сил было следующим: 51 немецкая дивизия на трех (!) фронтах против 90 русских, 65 французских и 38 чешских дивизий. Шансы Германии, при всем престиже ее войск, были невелики.

Давнишний друг Германии, шведский король, предупредил германского посла, что если Гитлер не отставит свое требование, свой ультиматум «решить» судетский вопрос до 1 октября, Германия будет разбита в новой мировой войне. Даже основная масса германских генералов понимала это. Фанатизм не помешал и Гитлеру более трезво взглянуть на складывающуюся картину, что и заставило его вечером 27 сентября 1938 года написать письмо Чемберлену: он готов еще раз обсудить чехословацкую проблему и «дать окончательные гарантии тому, что останется от Чехословакии». Чехи, мол, держатся надеждой втянуть Британию и Францию в мировую войну против Германии.

Срок немецкого ультиматума истекал 28 сентября 1938 года. Чемберлен объяснял палате общин сложившуюся ситуацию, когда в зал принесли письмо. Галифакс передал его Саймону, тот прочел и протянул премьер-министру. В тишине был слышен вопрос Чемберлена: «Должен ли я сказать об этом сейчас?». Когда Саймон улыбнулся, премьер объявил: «Герр Гитлер согласился отложить мобилизацию на двадцать четыре часа, а также встретиться со мной, синьором Муссолини и месье Даладье в Мюнхене». Молчание продолжалось лишь мгновение, затем зал утонул в приветствиях. Но ликовали не все. Иден не смог этого вынести, он вышел. Гарольду Никольсону потребовалось немалое мужество, чтобы остаться. Макмиллан вспоминает: «Я увидел одного человека, сидящего молча, втянув голову в плечи, всем своим видом демонстрирующего нечто среднее между отчаянием и возмущением. Это был Черчилль».

Чемберлен немедленно ответил Гитлеру: «После прочтения Вашего письма я определенно чувствую, что Вы можете получить все существенное, не обращаясь к войне, и вскоре. Я готов прибыть немедленно, чтобы обсудить все обстоятельства с Вами и представителями чешского правительства совместно с представителями Франции и Италии, если Вы того желаете».

Характерно, что даже Форин-офис напомнил премьер-министру сложности исключения других стран из работы конференции. Речь шла, разумеется, о Советском Союзе. Но Чемберлен не имел никакого желания приглашать СССР на такую конференцию. Ненависть к большевизму была у него, пожалуй, не меньше неприязни к нацизму. Чемберлен поступал иррационально, исключая страну, которая, собственно, одна в Европе могла гарантировать выживание Британии.

В лондонской квартире Черчилля 26 сентября собрались политические соратники времен первой мировой войны и послевоенных колебаний европейской политики. Это были Ллойд Джордж, Бонар Лоу, лорд Сесиль, Брендан Бракен – старшее поколение английских политиков XX века. Все они полагали, что в интересах Великобритании необходимо привлечь к европейскому конфликту Советский Союз. В этот критический для Европы час старые вожди британского империализма более ясно понимали интересы своей страны, чем их самонадеянные наследники, которые в Мюнхене вместе с Даладье уступили нажиму Гитлера, поддерживаемого Муссолини.

Мюнхен

В своем дневнике Йодль 28 сентября 1938 года записал слова Геринга: «Великой войны едва ли можно избежать. Она может продолжаться семь лет, и мы выиграем ее».

В этот же день в одиннадцать часов утра Муссолини позвонил своему послу в Берлине Аттолико: «Британское правительство попросило меня быть посредником в судетском вопросе. Различие во взглядах очень невелико. Скажите канцлеру, что я и фашистская Италия стоят за ним. Он может решить вопрос». Переводчик Шмидт зафиксировал реакцию Гитлера: «Сообщите дуче, что принимаю его предложение». Последовали приглашения Чемберлену, Даладье и Муссолини прибыть в Мюнхен. В Москву приглашения не посылали – а ведь Советский Союз был союзником Чехословакии и Франции, французы могли потребовать присутствия его представителей. Но они предпочли сепаратный стговор. Посол Чехословакии Ян Масарик обратился к Чемберлену и Саймону с вопросом, приглашены ли в Мюнхен представители его страны. Нет, Гитлер этого не потерпит. «Джентльмены, – заявил Масарик, – если вы жертвуете моей страной ради сохранения мира в мире, я буду первый аплодировать вам. Но если этого не получится, пусть бог спасет ваши души».

На состоявшейся конференции лишь Муссолини был единственным, кто изъяснялся на иностранных языках и кому доверили составление основы соглашения. В результате Мюнхенского соглашения Чехословакия была вынуждена передать Германии значительную часть своей территории, где жили 2,8 миллиона немцев и 0,8 миллиона чехов. Внутри этой терри-

тории находились крупные чешские фортификации. Немцы были поражены их мощью. Чехословакия потеряла 66 процентов угольных месторождений, 80 процентов металлургической промышленности, 70 процентов источников электроэнергии. Йодль торжествующе записал в дневнике: «Чехословакия как держава скончалась...» Потеря тридцати пяти чехословацких дивизий ослабила позиции стран, являвшихся потенциальными жертвами Германии. Англия и Франция отдавали Судетскую область немцам, но не ограничивали германских притязаний. И напрасно Чемберлен размахивал листком, подписанным Гитлером в Мюнхене, говоря: «Это мир в наше время». На Нюрнбергском процессе фельдмаршал Кейтель объяснил: «Целью Мюнхена было изгнать Советский Союз из Европы», завершить германское перевооружение и приготовиться к будущему.

После заключения мюнхенской сделки президент Бенеш выступил по радио: «Не ожидайте от меня ни единого слова упрека. Но вот что я скажу: жертва, которую нас заставили сделать, огромна и бесконечно несправедлива». Он проследовал в Лондон, чтобы там создать правительство в изгнании. А новое чешское правительство было озабочено исключительно умиротворением Берлина: Гитлер выдвигал все новые и новые требования. Польша получила район Тешина, часть Словакии была отдана Венгрии.

Чемберлен тоже прибыл в Лондон триумфатором. Он был «приятно утомлен». Огромная толпа ожидала его в аэропорту Хестон, и довольному премьеру показалось, что он сбросил полсотни лет.

Считая Мюнхен национальным предательством, несколько членов британского кабинета в знак протеста вышли в отставку. Так, к примеру, сделал первый лорд адмиралтейства Дафф Купер. В палате общин он сказал: «Я призываю своих коллег посмотреть на эту проблему не только как на чехословацкую. Возможно, придет такое время, когда из-за поражения Чехословакии начнется европейская война... Мы будем втянуты в эту войну, мы не сможем избежать этой участи».

Затем выступил Черчилль: «Я хочу сказать самые непопулярные и самые нежелательные слова... Мы потерпели полное и безусловное поражение... Грабитель, грозя пистолетом, потребовал один фунт. Получив его, он потребовал два». Где же выход? Франция и Британия, особенно если они будут поддерживать тесные связи с Россией, смогут воздействовать на малые страны Европы и на политику Польши. Но это возможно в будущем. А пока «...все кончено. Молчаливая, скорбящая, покинутая, брошенная Чехословакия отступает в темноту. Она претерпела это все, будучи связанной западными демократиями... Через некоторое время, не через годы, а через месяцы, Чехословакия будет включена в нацистский режим, мы присутствуем при катастрофе гигантского масштаба, в которую попали Великобритания и Франция. Давайте не обманывать себя в этом. Но не думайте, что это конец. Это только начало подведения счетов. Это только первый глоток – первое предвкушение горестной чаши, которую нам предстоит пить год за годом, если – посредством высшего акта восстановления нашего морального здоровья и воинской доблести – не восстанем снова и не выступим в защиту свободы, как в старые времена».

В этом последнем мирном году Германия создала вдвое больше военных припасов, чем Англия и Франция вместе взятые. Потеря Чехословакии лишила западных союзников 21 отборной дивизии, 15 или 16 дивизий второй линии, а также тех чешских крепостей, которые в дни Мюнхена приковывали к себе не меньше 30 германских дивизий. Кроме того, чешские заводы «Шкода» представляли собой второй по величине военно-индустриальный комплекс в Европе, который произвел между сентябрем 1938 и сентябрем 1939 года почти столько же военной продукции, сколько вся военная промышленность Англии.

Советник германского посольства в Москве Вальтер фон Типпельскирх 3 октября 1938 года передал в Берлин свою оценку влияния происшедшего в Мюнхене на советское руководство. «Типпельскирх считал само собой разумеющимся, что Советскому Союзу придется

пересмотреть свою внешнюю политику, «посуроветь» в отношении Франции и быть «более позитивным» в отношении Германии. Он полагал, что «сложившиеся обстоятельства дают благоприятные возможности для нового и более широкого германского экономического соглашения с Советским Союзом» Это было первое указание на процесс, который в конечном счете привел к августу 1939 года.

Остановился ли Гитлер на Судетах? Мы знаем его идеи, выраженные в «Майн кампф», и конкретные планы, высказанные на совещании генералитета 14 октября 1938 года. На нем Геринг огласил новые цели фюрера: увеличение боевой мощи авиации вдвое; увеличение поставок тяжелой артиллерии и танков для армии; рост выпуска запчастей; усовершенствование коммуникаций; эксплуатация Судет; введение трехсменного рабочего дня на оборонных заводах; прекращение выпуска какой бы то ни было продукции, не имеющей отношения к приоритетным направлениям.

Цели, поставленные Гитлером перед германским военным руководством 21 октября 1938 года, выглядели совершенно закономерно. «Дальнейшие задачи вооруженным силам и приготовления к войне, вытекающие из поставленных задач, будут изложены мною в более поздней директиве. До ее подписания вооруженные силы должны быть готовы к следующему развитию событий: 1. Обеспечение границ Германии. 2. Ликвидация остатка Чехословакии. 3. Оккупация Мемельской области».

В определенном смысле это был поворотный пункт. Гитлер решил начать завоевание негерманских земель и, заметим, славянских земель, лежащих в восточном направлении. Обратим внимание на меморандум директора политического департамента министерства иностранных дел Э. Вермана, который 7 октября 1938 года предложил создание «независимой Словакии», «слабой конституционно», которая будет, соответственно, «наилучшим образом служить германским потребностям проникновения на Восток для его заселения». Итак, слово было произнесено.

Гитлер считал, что в 1938 году рейх на волне ликвидации безработицы, экономического бума и внешних успехов достиг степени зрелости и готовности к большим испытаниям. Сохранится ли это состояние надолго? Мы не знаем, были ли у Гитлера сомнения на этот счет, но со второй половины 1938 года он рвется в бой. Поразительный успех в Мюнхене даже несколько разочаровал его, он хотел въехать в Прагу на танке. О царившей в верхушке рейха атмосфере дает представление Чиано, описавшего 28 октября 1938 года свои впечатления от бесед с Риббентропом: «Фюрер убежден что мы должны неизбежно вступить в войну с западными демократиями в течение ближайших нескольких лет, возможно, трех или четырех... Чешский кризис показал нашу мощь! Мы имеем преимущество, владея инициативой, и мы хозяева ситуации. Мы не можем быть атакованы. Наше военное положение превосходно: начиная с сентября будущего года мы можем с уверенностью смотреть на перспективу войны с демократиями». На первом заседании Совета обороны рейха Геринг говорил прежде всего о трехкратном увеличении производства вооружений.

Что должен был принести новый, 1939 год? Английская разведка давала самые пессимистические прогнозы. Министр иностранных дел лорд Галифакс 28 января секретно уведомил президента Рузвельта, что «начиная с ноября 1938 года появились признаки, со временем становившиеся все более определенными, что Гитлер наметил дальнейшие внешние авантюры на весну 1939 года... Донесения показывают, что Гитлер, поддерживаемый Риббентропом, Гиммлером и другими, рассматривает возможность нападения на западные державы в качестве предварительной операции, за которой последуют действия на Востоке».

В январе 1939 г. Гитлер утвердил план «Z», согласно которому к 1943 г. строились четыре линейных судна, а к 1944 г. – 6 линкоров водоизмещением 60 тысяч тонн каждый. «Если мне удалось за шесть лет создать Третий рейх, то флот вполне может выстроить за то же время шесть кораблей». Авиационная промышленность, по наметкам фюрера, должна была выпус-

каль 20–30 тысяч самолетов в год, в том числе 2 тысячи тяжелых бомбардировщиков стратегического назначения, способных достичь Англии, России и США. Число бронетанковых и моторизованных дивизий должно было к середине 1940-х годов увеличиться с 6 до 20. Предстояла всеобщая модернизация железных дорог рейха.

Немцы эффективно использовали возникшие возможности. В Германию были привезены 40 тысяч квалифицированных чешских рабочих. Три бронетанковые дивизии вермахта были оснащены танками, пушками и грузовиками, собранными на чешских заводах. Два самых крупных чешских завода – «Шкода» в Праге и государственный Чешский оборонный завод были включены в собственность рейха. Французское экономическое влияние в Восточной Европе быстро было заполнено германским влиянием.

Что касается положения вещей внутри рейха, то Гитлер говорил журналистам о «необходимости психологически переориентировать немецкий народ и довести до его сознания, что существуют вещи, добиться которых можно только силой». Военным сообщалось: «Я взял на себя ответственность за разрешение проблемы жизненного пространства Германии. Прошу вас вполне осознать это. В момент, когда я понимаю, что могу победить, я немедленно наношу удар и не страшусь подойти к краю пропасти».

Политические чистки в Москве влияли на планирование Гитлера. Отправленный в Рим Риббентроп приводил тот аргумент, что, «поскольку мощь России подорвана на много лет вперед, мы можем обратить всю нашу энергию против западных демократических государств».

Со своей стороны Советская Россия после Мюнхена зримо ослабляет свою внешнеполитическую активность. Разведка докладывала об активизации немцев на польском направлении. Здесь на этом этапе не было злорадства – Сталин явственно боялся выхода немцев к советским границам. Москва предложила Варшаве возобновить Пакт о ненападении 1932 г. Были начаты переговоры, в результате которых в декабре 1938 г. было подписано торговое соглашение. Германия, помимо прочего, пугала тем, что отказалась предоставить крупный заем на приобретение немецкого оружия.

Теперь, после крушения системы европейской безопасности, Сталин без прежней охоты шел на контакт с западными державами. Английские попытки улучшить отношения с СССР не получили поддержки. Обращаясь к XVIII съезду ВКП (б) 10 марта 1938 г., Сталин заявил о начале новой империалистической войны, о «переделе мира, пересмотре границ, сфер влияния, колоний – при помощи военных действий». В Европе, по его мнению, уже сложились два блока империалистических держав. С одной стороны – страны Антикоминтерновского блока, а с другой – Запад, возглавляемый Британией и Францией. «Франция и Англия отвергли политику коллективной безопасности, коллективного сопротивления и заняли позицию нейтралитета... А политика невмешательства означает молчаливое согласие, попустительство агрессии, потворство в развязывании войны... Это опасная игра, равносильная погружению всех воюющих держав в трясину войны... с тем чтобы ослабить и измотать друг друга, подстрекательная немцев идти на восток, обещая легкую наживу и внушая: «Только начните войну с большевиками – и все будет в порядке».

Гитлер в Праге

В начале февраля 1939 г. на повестку дня Гитлера стал окончательный разгром Чехословакии. Семь армейских корпусов ждали на границе. Роль судетских немцев на этот раз должны были сыграть словаки, которым немцы пообещали независимость.

Прогноз на весну 1939 года оказался верным: 12 марта «жребий был брошен» (слова Гитлера. – А. У.). Он отдал приказ германским войскам пересечь границу и инкорпорировать Чехословакию в германский рейх в ближайшие дни. Четырнадцатого марта 1939 года Гитлер вызвал в Берлин президента «укороченной» Чехословакии Гаху. Чешскую делегацию разме-

стили в отеле «Адлон», где в лучшем номере был устроен прием. Супруга чехословацкого президента получила шоколад от Гитлера – личный подарок канцлера, а его дочь – огромный букет цветов. В час ночи 15 ноября Гаха был вызван в рейхсканцелярию. Чешским гостям предлагалось пригласить вермахт в собственную страну. Согласно записям переводчика Шмидта, «президент Гаха и Хвалковский (министр иностранных дел. – А. У.) сидели словно окаменев. Только глаза выдавали, что они живы». На следующий день французский посол Кулондр направил в Париж отчет об этой встрече: Геринг и Риббентроп «были безжалостны. Они буквально охотились за Гахой и Хвалковским, бегая вокруг стола, на котором лежал документ, подталкивая их, всовывая ручку им в руки, постоянно повторяя, что в случае их отказа половина Праги будет через два часа лежать в руинах, и это будет лишь начало. Сотни бомбардировщиков ожидают приказа». Президент терял сознание, и после двух уколов он подписал акт национального самоубийства: он «с доверием вручает судьбу чешского народа и страны в руки фюрера германского рейха».

Ликующий Гитлер ворвался к секретарям, и, обнимая женщин, кричал: «Дети! Это величайший день в моей жизни! Я войду в историю как величайший немец!». В 8 утра Гитлер вылетел из Берлина, чтобы прибыть в Прагу вместе с войсками.

Для истории же этот день 15 марта 1939 года, день триумфа Гитлера, был днем, когда и на Западе, и на Востоке сознание неотвратимости военного конфликта пронзило даже тех, кто верил в мирный исход событий. И этот день, возможно, стал началом того пути, который привел Германию к крушению.

В 6 часов утра 15 марта 1939 года немецкие войска вошли в Чехословакию. Во второй половине дня в Прагу прибыл Гитлер. Он остановился в Градчанском замке. Теперь он был хозяином Центральной Европы и объявил об этом миру: «В течение тысячи лет провинции Богемия и Моравия составляли часть жизненного пространства германского народа... Чехословакия показала внутреннюю неспособность выжить и поэтому ныне пала жертвой фактического распада. Германский рейх не может терпеть постоянные потрясения в этом районе и теперь он намерен восстановить основания разумного порядка в Центральной Европе. Ибо тысяча лет исторического развития уже доказали, что, благодаря своему величию и внутренним качествам, лишь германский народ может осуществить эту задачу».

16 марта немецкие войска вошли в Словакию. Вся операция заняла три дня, и 18 марта Гитлер был уже в Вене. 20 марта он возвратился в Берлин, где, как прежде Гаху и Тису, принял министра иностранных дел Литвы Урбиса. Под угрозой воздушного нападения рано утром Литва подписала соглашение, по которому Мемель отходил к Германии. Гитлер триумфально прибыл в Мемель.

Чемберлен, наконец, словно проснулся: «Теперь нам говорят, что этот захват территории был вызван внутренними потрясениями в Чехословакии... Если там были потрясения, то не были ли они вызваны извне?... Является ли происходящее концом старой авантюры или началом новой? Является ли это последним нападением на малое государство, или за ним последуют другие? Не является ли это шагом в направлении достижения мирового господства, совершенного силой оружия?... Нельзя сделать большей ошибки, чем предположить, что, видя в войне безжалостность и жестокость, наша нация потеряла внутреннюю силу и что она не примет участия в отражении всеми имеющимися у нее силами данного вызова».

Выступая 17 марта 1939 года в Бирмингеме, Н. Чемберлен перечислил все обещания Гитлера, в том числе и последние (мюнхенские) гарантии Чехословакии: «Это последние территориальные претензии, которые мы имеем в Европе. Я больше не заинтересован в чешском государстве». В свете германского вероломства герой Мюнхена Чемберлен изменил свою точку зрения на ход событий в Европе. Теперь он желал найти ту крайнюю черту, дальше которой английское правительство отступать не будет. Эту черту он видел в обеспечении целостности польского государства – следующей возможной жертвы Германии. Он заявил 31 марта 1939

года перед полным составом парламента: «Правительство Его Величества намерено предоставить польскому правительству всю возможную поддержку. Мы дали польскому правительству все необходимые заверения по этому поводу». Гарантии Польше поддержали лидеры всех партий. Как пишет У. Манчестер, «Чемберлен изменил британскую политику, принятую в 1918 году, – избегать обязывающих союзов на континенте. Он еще не подписал договора о формальном военном «союзе, но он уже предпринял значительные шаги в этом направлении. Вопреки всем свидетельствам, он верил в то, что может отвратить Гитлера от выступления против поляков. И он верил также в то, что Польша была мощной военной державой. В обоих случаях он был не прав».

Гитлер поворачивает к Польше

В фокусе европейской политики теперь находилась Польша. В течение одного дня, 15 марта 1939 года, когда Гитлер послал войска в Чехословакию, Польша оказалась окруженной с трех сторон. Ровно через неделю Риббентроп вызвал к себе польского посла в Берлине Липского: «Польша должна понять, что она не может держаться среднего курса между Россией и Германией». Ее спасение в «разумном сотрудничестве с Германией и фюрером», в проведении «совместной антисоветской политики». По существу Польше предлагался выбор: либо стать сателлитом Германии и сохранить таким образом свой статус в Европе, либо исчезнуть с политической карты мира.

В это время Гитлер и Редер были на борту карманного линкора «Дойчланд», направлявшегося к Мемелю, который Литва получила в результате Версальского договора. Риббентроп в Берлине вызвал к себе представителя литовского правительства и через несколько часов радировал фюреру, что литовцы подписали отказ от Мемеля. Двадцать третьего марта Гитлер приветствовал «освобожденный» город.

Возможно, в этот момент поляки почувствовали опасность, это был, по словам германского посла в Варшаве фон Мольтке, «очень неприятный сюрприз для польского правительства». Оно впервые ощутило себя на месте австрийцев и чехов. Его взоры обратились на Лондон и Париж.

Разумеется, тревогу теперь испытывал и Советский Союз. М. М. Литвинов 18 марта 1939 года выдвинул предложение о созыве в Бухаресте конференции шести держав: СССР, Румынии, Польши, Британии, Франции и Турции – для создания «мирного фронта» против германской экспансии. Примечательно, что в Париже не осталось никаких письменных свидетельств реакции французского правительства на предложение, которое могло бы спасти это правительство. В мемуарах министра иностранных дел Бонне, где немало страниц посвящено малоизвестным событиям, нет даже упоминания об этой инициативе. Чемберлен и Галифакс, по крайней мере, засвидетельствовали факт прочтения ими этого предложения. Чемберлен отверг его на том основании, что оно «преждевременно». Министр иностранных дел Галифакс назвал его «неприемлемым».

Посол СССР И. Майский 19 марта попросил у Галифакса разъяснений. Галифакс ответил, что министры короны «слишком заняты», чтобы участвовать в бухарестской встрече. Чемберлен 23 марта в палате общин выступил в принципе против создания «противостоящих друг другу блоков» в Европе. Мотивы, которыми он руководствовался, были изложены им в частном письме 26 марта: «Я должен признаться в самом глубоком недоверии к России. Я не верю, что она способна к эффективному выступлению, даже если бы она хотела этого. Я не верю и ее мотивам». Посол Майский охарактеризовал этот отказ как «еще один огромный удар по политике коллективной безопасности».

Позиция Лондона была ключевой. Он, с одной стороны, якобы не желал создания блоков, а с другой, понимал, что еще один-два шага, и Британия почувствует себя в Европе

чужой. Легче всего в данной ситуации было договориться с Варшавой, где, собственно, и не видели этому альтернативы. Чемберлен считал русских ненадежными партнерами. Он доказывал, что решающую роль играет не Россия, не имеющая общих границ с Германией, а Польша. В Лондоне было принято решение о создании коалиции вокруг Польши, а не вокруг СССР. Наследники Пилсудского отвергали идеи четырехстороннего (СССР, Англия, Франция, Польша) оборонительного союза. Им оставалось полагаться на Запад. В польской многонациональной стране в очередной раз началось движение по заранее обреченному пути.

Вечером, 30 марта британский посол Кеннард обратился к министру иностранных дел Польши полковнику Беку с предложением о тройственном союзе. Прежнее, о союзе Британии, Франции, Польши, СССР, Бек отверг и теперь принимал «усеченный» вариант. Чемберлен и сам разделял чувства Бека. В инструкции Кеннардлу говорилось: «Ясно, что наши попытки консолидировать ситуацию будут разрушены, если Советский Союз открыто ассоциирует себя с этой схемой. Полученные в последнее время телеграммы из ряда миссий Его Величества за рубежом предупреждают нас о невозможности включения России – это не только подорвало бы успех наших конструктивных усилий, но и консолидировало бы «Антикоминтерновский пакт», а также вызвало бы обеспокоенность среди дружественных правительств».

Ощущая, что промедление опасно, Чемберлен 31 марта 1939 года выступил в переполненной палате общин и прилюдно гарантировал границы Польши. Его слова были встречены с энтузиазмом. Теперь Британия привязывала себя к польским границам.

Бек был доволен обещанием Лондона. Попросту говоря, он ненавидел Россию и не любил Францию (откуда его в бытность молодым дипломатом изгнали за шпионаж). Гарантии, данные Беку, делали Британию заложником государства, которое за короткий период своей независимости перевоевало со всеми своими соседями, отняло у них часть территории и антагонизировало их.

Были ли англичане слепы? Военный атташе Британии в Варшаве полковник Сворд прислал 22 марта в Лондон абсолютно реалистическую оценку стратегического положения Польши, окруженной с трех сторон Германией. Он отмечал отсутствие у польской армии современного вооружения. Коллега Сворда британский военно-воздушный атташе капитан Уочел был еще худшего мнения о боевых возможностях поляков. В польской армии, считал он, не более 600 самолетов, многие из которых не могут сравниться с германскими. Посол Кеннард обобщил мнение своих помощников: поляки не смогут защитить свою границу с Германией. «Дружественная Россия представляет первостепенный интерес для Польши».

Приехавшему У. Липпману Черчилль обрисовал свой план на ближайшее будущее: «Ограничить потери на Дальнем Востоке; исключить распыление флота; договориться с Японией после войны. Центральную Европу следовало бы мобилизовать как единое целое подобно тому, что было в 1914 году. В то время Германия имела десять мобилизованных в Чехии и Словакии дивизий. Теперь она держит здесь шесть дивизий в качестве оккупационных войск. Венгрия, Югославия и Румыния опасны и ненадежны. Польша – новая сила, а позади нее Россия».

Незачем говорить, что Германия не окружена. Лучше возобладать над нею в праведном возмущении. Единственный действенный аргумент – сила. Незачем кроить политику по меркам Геббельса. Нужно следовать своей линии. В случае германской мобилизации мобилизовать флот; в случае первых же провокационных действий перерезать германские железнодорожные коммуникации с Европой и бросить им вызов». Он предлагал послать флот на Балтику. Но Черчилль ощущал слабость своих планов. В «Мировом кризисе» он прямо писал, что западные союзники могли продержаться три первых года первой мировой войны только потому, что огромная армия царя сковала немцев с востока. Об этом следовало помнить. Советский Союз стоял на тропе нацистских завоеваний, каждый мог прочесть это в «Майн кампф».

Черчиллю не нужно было доказывать, что он противник большевиков, – это знали все. Но теперь речь шла о выживании Британской империи. И он открыто говорил и в палате общин, и повсюду, что нуждается в пяти миллионах солдат Красной Армии как оплоте против вермахта. «Россия представляет собой колеблющийся противовес на весах мира. Мы не можем даже измерить поддержку, которая может поступить из Советской России... Наша задача: максимум возможного сотрудничества. Разумеется, в свете прошлого опыта трудно ждать ее автоматической помощи. Но надежду в возникающей ситуации дает то, что Советская Россия в высшей степени затронута амбициями нацистской Германии. Никто не может сказать, что не существует солидной общности интересов между западными демократиями и Советской Россией... Величайшей глупостью, которую мы могли бы совершить, был бы подрыв нашего естественного сотрудничества с Советской Россией». Выход для Британии – забыть идеологические распри и сформировать тройственный союз с Францией и Россией.

Чемберлен, размышляя о позиции своей страны в создавшейся обстановке, продолжал полагать, что Россия, а не Германия, представляет собой главную угрозу западной цивилизации. Окружение Черчилля сопротивлялось тому, чтобы тесно связать себя с судьбой Польши. Бусби писал Черчиллю: «Это самый сумасшедший шаг, когда-либо предпринятый нашей страной. Лорд разговаривал с Гитлером более часа, и когда фюрер сказал ему, что намерен использовать Польшу как трамплин для вторжения в СССР, он увидел в глазах Гитлера «безошибочно определенные признаки сумасшествия». Гитлер заверил Бусби, что Германия «не намерена атаковать Британию и Британскую империю, но если Англия станет польским или русским союзником, у него не будет выбора». И теперь, к ужасу Бусби, Чемберлен давал «неожиданные безоговорочные гарантии Польше без каких-либо гарантий русской помощи». Бэзил Лиддел-Гарт, крупнейший военный теоретик, полагал, что гарантии Польше – «глупый, бессмысленный и провоцирующий, плохо обдуманый жест», который «отдает судьбу Британии в руки хозяев Польши, людей сомнительных и переменчивых убеждений». В знак протеста Лиддел-Гарт ушел с поста военного корреспондента «Таймс». Дафф Купер записал в дневнике: «Никогда в нашей истории мы не отдавали в руки одной из малых стран решение о вступлении Британии в войну». Ллойд Джордж был определенно против гарантий Польше в 1939 году. Он говорил о них как об очевидной глупости, как об иррациональном акте.

Гитлер был весьма удивлен действиями англичан. Выступая на спуске линкора «Тирпиц» в Вильгельмсхафене, он сказал: «Я решительно настроен идти намеченным путем... Если же кто-нибудь захочет померяться с нами силами, немецкий народ всегда готов принять этот вызов: мы готовы и исполнены решимости». На совещании своих генералов он выразился оптимистически: «Мы без труда удержим Польшу в изоляции, несмотря на все происки врагов, если нам удастся напасть первыми и нанести тяжелые удары». Первым шагом к победе является деморализация противника. Гитлер использовал свое пятидесятилетие. По центру Берлина 20 апреля прошли шесть армейских дивизий и 600 танков.

В Лондоне еще не знали, что 3 апреля 1939 года верховное командование германской армии издало директиву в отношении Польши, в которую были вписаны слова Гитлера: «Приготовления нужно осуществить таким образом, чтобы операция могла быть произведена в любое время, начиная с 1 сентября». На следующий день, 4 апреля, Чемберлен пригласил Черчилля на обед в честь полковника Бека – польского министра иностранных дел. Черчилль задал Беку только один вопрос: «Вы будете возвращаться в Польшу в вашем специальном поезде через Германию?» Когда тот ответил утвердительно, Черчилль заметил: «Я думаю, что пока у Вас еще есть время для этого». Черчилль хотел подчеркнуть экстренность момента, – времени оставалось все меньше.

На рассвете 7 апреля 1939 года итальянские войска выступили против Албании. Подобно тому как Чехословакия была прецедентом агрессии против Польши, агрессия против Албании являлась прелюдией итальянских действий против Греции и Югославии. Черчилль полагал,

что Англия не должна оставлять эти страны на произвол судьбы. В противном случае Германия и Италия усиливались до такой степени, что могли перерезать «сонную артерию» Британской империи – путь через Суэцкий канал, ведущий к Индии и доминионам. Черчилль написал Чемберлену 9 апреля 1939 года: «Сейчас мы накануне решения будущего для Балканского полуострова. Если государства, находящиеся здесь, останутся уязвимыми для германского и итальянского давления, то в конечном счете они будут вынуждены искать способы достижения соглашения с Берлином и Римом. Наши позиции здесь будут утеряны. Мы будем привязаны к Польше, но изолируем себя от других стран, лишимся надежд на создание союза, который был бы для нас спасением».

Тем временем президент Рузвельт направил личное послание Гитлеру и Муссолини, предлагая двум диктаторам пообещать миру не предпринимать новой агрессии в течение 10 или даже 25 лет. Вначале Муссолини отказался читать этот документ, а затем прочел и заметил: «Вот вам и результат детского паралича». Гитлер проявил к неожиданному заморскому посланию не больше уважения.

Безотносительно к оценке роли Сталина в ходе поляризации сил в Европе, следует отметить, что британская односторонняя гарантия Польше не могла не убедить его в том, что лидер Запада – Британия – предпочитает союз с Польшей улучшению отношений (не говоря уже о союзе) с СССР. И если вокруг Польши состоится новый Мюнхен, то западные державы постараются устранить Советский Союз (как это уже произошло в Мюнхене). Отсюда возникает вопрос: не состоится ли этот «новый Мюнхен» за счет «аморфного Востока»?

Гарантии Польше

Как резюмирует английский историк А.Буллок, «английские гарантии Польше вызвали возмущение как в Берлине, так и в Москве. Хотя англичане и вели с Россией переговоры о способах предотвращения агрессии в Восточной Европе, они не информировали русских ни о своих планах, ни о своем решении в одностороннем порядке принять декларацию. Литвинов почувствовал, что это известие делает его собственное положение крайне шатким; отмахнувшись от попыток британского посла объяснить, он заявил, что все его усилия, направленные на укрепление советско-английского сотрудничества «на данном этапе потерпели поражение», что с Советского правительства довольно, и впредь «оно будет считать себя свободным от каких бы то ни было обязательств».

Почему примирители бросились к Польше, не успев договориться с СССР? Согласно Лиддел Гарту, Галифакс, правая рука Чемберлена, полагал, что Польша в военном смысле ценнее России. И это мнение преобладало на Даунинг-стрит тогда, когда, по словам Лиддел Гарта, польские генералы «все еще связывали все свои надежды с огромной массой кавалерии и были убеждены в возможности конных атак. В этом отношении их идеи отстали от своего времени на восемьдесят лет, поскольку бессмысленность кавалерийских атак была доказана уже во время гражданской войны в Америке». Поляки отобили тридцать пехотных дивизий и двенадцать кавалерийских бригад. В Берлине уже подписали планы выступления против Польши девяносто восемью дивизиями, командиры которых вполне осознавали значение моторизованной техники.

Возможно, беседы с Бекон несколько отрезвили Чемберлена. Премьер спросил польского лидера, куда, по его мнению, будут нанесены следующие удары Гитлера? Бек с отсутствующим выражением лица предположил, что, видимо, речь пойдет о колониях. Чемберлен поинтересовался, может ли СССР оказать помощь Польше. Бек ответил, что любая форма ассоциации между Польшей и Россией будет означать войну между Польшей и Германией. Может ли Польша гарантировать помощь Румынии? «Пусть та будет предоставлена сама себе, – ответил Бек. Он пошел в своем самоослеплении еще дальше: «Риббентроп... недавно заверил

меня, – сказал Бек, – что Германия не претендует на Данциг». Ослабил ли Польшу захват немцами чешских заводов «Шкода»? Вовсе нет. В области военного снаряжения Польша большей частью обеспечивает себя сама, она даже поставляла орудия Великобритании. Это было слишком даже для Чемберлена, который знал, по крайней мере, то, что в Британии не видели польских пушек. Бравада Бека дорого стоила его стране.

В Англии начала расти группа сторонников укрепления связей с СССР.

Черчилль привел Майского в курительную комнату палаты общин: «Господин посол, если мы желаем добиться успеха, нам нужна помощь России. Ныне меня не волнует ваша система, но поляки и румыны относятся к ней неодобрительно. В крайнем случае, они могут позволить вам войти, но они хотели бы получить гарантии, что вы в конечном счете выйдете. Можете ли вы дать такие гарантии?» Обращаясь к вопросу о сближении с СССР, Черчилль сказал 13 апреля 1939 года в палате общин: «У России огромный интерес к тому, чтобы предотвратить нацистскую экспансию в восточном направлении. Именно на этот глубокий, естественный, законный интерес мы должны полагаться, необходимо добиться полного возможного сотрудничества с Россией, сделать так, чтобы никаким предрассудкам со стороны Англии или Франции не было позволено вмешаться в теснейшее сотрудничество между нашими странами, обеспечивая тем самым для нашей комбинации сил огромный контрбаланс русской мощи».

Однако официальное мнение было иным. Англия и Франция представили своеобразный ответ на предложение Москвы о конференции шести держав. Лондон просил лишь одного – гарантировать независимость Польши и Румынии. Лондону это было сделать проще – он располагался в другом конце Европы, а если Берлин воспримет такие гарантии как казус белли? Чемберлен не соглашался даже с тем, что нарушение суверенитета указанных стран будет рассматриваться его правительством как прецедент, автоматически включающий процесс взаимной помощи.

Через несколько дней Литвинов вручил послу Великобритании в СССР сэру Уильяму Сидсу официальное предложение: считать, что любое продвижение германских вооруженных сил на восток будет расцениваться как нападение на Советский Союз; Красная Армия станет действовать соответственно. СССР, Англия и Франция окажут друг другу взаимную военную помощь. Польша, если пожелает, может подключиться к их союзу. Предложение было разумным. Гитлер в этом случае попадал в железное кольцо. Причем Литвинов, зная о подозрительности Сталина, потребовал немедленного обсуждения военных условий союза. Оценивая данное предложение, Макмиллан пишет в мемуарах: «Это был последний шанс Литвинова. И наш тоже».

Черчилль подытожил ситуацию таким образом: «Если бы мистер Чемберлен по получении русского предложения ответил: «Да. Давайте сомкнем руки и разобьем Гитлеру нос», – или похожими по смыслу словами, парламент поддержал бы его. Сталин пришел бы к определенному мнению, и история пошла бы другим курсом». После долгих внутренних переговоров Париж принял предложение СССР, а Лондон нет. Здесь его обсуждение происходило 19 апреля. Вступивший на пост министра вместо Галифакса Кадоган охарактеризовал московский план как «чрезвычайно неудобный». Он заявил, что военный потенциал СССР незначителен, и заключил: «С практической точки зрения все аргументы говорят за то, чтобы не принимать русского предложения». Но отвергнуть его было очень сложно. К тому же существовала, хотя и «очень отдаленная», возможность того, что СССР найдет общий язык с Германией. И все же предложение Литвинова нельзя было принимать на том основании, что оно могло «вызвать отчуждение наших друзей и укрепить пропаганду наших врагов, не дав при этом реального материального вклада в укрепление нашего фронта».

Чемберлен был в затруднении, зная, что завтра Черчилль укажет на него пальцем. И все же старая команда: Чемберлен, Галифакс, Вильсон, Кадоган, Инскип и Саймон – выступила против союза с большевиками, приводя в качестве основного аргумента возможное недоволь-

ство Польши и Румынии. Военные тоже помогли: согласно их экспертизе, военная помощь, которую мог оказать Польше и Румынии Советский Союз, «не столь велика, как это принято считать». В своих мемуарах Черчилль так определил утраченные возможности: «Теперь, глядя на эти события издали, приходишь к выводу, что Британия и Франция должны были принять русское предложение, провозгласить трехсторонний союз и оставить выяснение метода конкретных действий союза в случае войны на будущее. Тройственный союз мог бы перехватить дипломатическую инициативу, и Гитлер не смог бы прибегнуть к своей излюбленной тактике действий то на одном участке, то на другом... Британский народ принял принцип обязательной военной службы, и он имеет право совместно с Французской республикой призвать Польшу не создавать препятствия на пути реализации общего замысла. Мы должны были полностью поддерживать идею сотрудничества с Россией, все балтийские государства – Литва, Латвия, Эстония – должны были также войти в ассоциацию... Не существовало никаких средств образования Восточного фронта против нацистской агрессии без активной помощи России. Русские интересы самым непосредственным образом были связаны с предотвращением реализации планов Гитлера в Восточной Европе. Это давало надежду на консолидацию всех государств и народов от Балтийского до Черного моря в единый фронт против агрессии». Последовавшая со стороны западных держав пауза, по мнению Черчилля, имела роковое значение.

После многодневного молчания Чемберлен сказал, что скорее уйдет в отставку, чем заключит союз с Советами. Более простодушный адмирал Четфилд выразил обеспокоенность тем, как бы Россия не заключила союза с Германией. «Это создает для нас самую опасную ситуацию». Протокол в этом месте фиксирует оживленное изумление по поводу страхов адмирала.

После двух недель молчания Лондона Сталин сместил Литвинова с поста комиссара иностранных дел. Его место занял Молотов. Как пишет американский историк У. Манчестер, «исследовать сознание психопата невозможно – кратчайшее расстояние между двумя точками становится лабиринтом, и все же... в мышлении Сталина был метод. По-своему, следуя собственным извращенным представлениям, он все же был патриотом; как Уинстон, он видел опасность рейха и желал своей стране избежать этой опасности. Такова была его цель. Любые средства были приемлемы для него. Он начал поиски выхода из данного положения. Без сомнения, он предпочел бы избежать привязанности к союзникам вовсе. Если на него с подозрением смотрели в европейских столицах, то и он наблюдал за западными лидерами с немалой долей паранойи». Пока союз с Британией и Францией выглядел предпочтительнее. Поэтому Молотову было поручено не прекращать дискуссий с Галифаксом и Бонне.

Гитлер следил за переменами в Кремле. В сообщении, полученном из Варшавы, говорилось, что Литвинов был снят со своего поста после того, как маршал Ворошилов сказал ему, что Красная Армия не готова воевать за Польшу, и осудил от имени генерального штаба «излишне далеко идущие обязательства». Германский поверенный в делах сообщил из Москвы в Берлин: «Не далее как 2 мая Литвинов принимал английского посла и был назван в прессе среди почетных гостей на параде. Его смещение представляется результатом спонтанного решения Сталина... На последнем партийном съезде Сталин призвал к осторожности, с тем чтобы избежать втягивания Советского Союза в конфликт. Молотов (не еврей) рассматривается как наиболее близкий сотрудник Сталина. Его значение очевидно гарантирует, что внешняя политика будет вестись строго в соответствии с идеями Сталина».

Естественно, на Западе гадали о том, какой будет новая советская политика, обсуждались возможные повороты. По мнению Черчилля, «советское правительство под воздействием Мюнхена убедилось в том, что ни Британия, ни Франция не станут воевать до тех пор, пока немцы на них не нападут. Поэтому рассчитывать на них не приходилось... Россия обязана была позаботиться о себе. Смещение Литвинова означало конец эпохи. Оно регистрировало то обстоятельство, что в Кремле потеряли веру в обеспечение безопасности совместно с запад-

ными державами и в возможность организации совместного восточного фронта против Германии».

Глава третья

Начало Второй мировой войны

Война была внутренней необходимостью нацизма. Через восемь дней после прихода к власти – 8 февраля 1933 г. – канцлер Гитлер заявил своему кабинету: «Следующие пять лет должны быть посвящены тому, чтобы сделать германский народ снова способным носить оружие. Это должно быть главной мыслью, всегда и везде». Парадоксально, но факт – Гитлер не был доволен овладением частью Чехословакии мирными способами. В ноябре 1938 г. он говорит о необходимости «преподнести германскому народу дипломатические события таким образом, чтобы внутренний голос самой нации взывал к силе... Нужно воспламенить боевой дух германского народа, яд пацифизма нужно уничтожить».

Муссолини и Гитлер 22 мая 1939 года подписали так называемый «Стальной пакт», обещая использовать силу для обеспечения жизненного пространства своим народам. В случае вступления одной стороны в войну другая обязывалась «немедленно прийти на помощь в качестве союзника, поддерживая союзную сторону всеми вооруженными силами на суше, в море и воздухе».

В Европе складывалась своеобразная ситуация. Красная Армия (столь низко оцениваемая Чемберленом) насчитывала триста дивизий. Вермахт – двести дивизий. Франция и Италия – по сто дивизий.

Немцы были очень активны на Балтике. Под их давлением литовцы отдали Германии Мемель. Финляндия, Эстония и Латвия отвергли предложение СССР подписать двусторонние договоры о ненападении, но подписали такие договоры с немцами. Генерал Гальдер из ОКХ проинспектировал их оборонительные сооружения. На западе Бельгия под давлением немцев заявила о своем нейтралитете.

По подсчетам Гитлера, к первой годовщине Мюнхена у него должно было быть более 7 миллионов солдат во всех родах войск. Он полагал, что это тот случай, возможности которого не следовало упускать. Приказы об уничтожении Польши уже были отданы. Едва ли уже что-либо могло остановить хорошо смазанную военную машину Германии. В будущем она могла предполагать относительное ослабление своей мощи.

За пределами узкого круга германского руководства тогда еще не знали, что Гитлер намерен вторгнуться в Польшу во что бы то ни стало.

Собственно, Гитлер не считал нужным сохранять полное молчание. Верховному комиссару Данцига Карлу Буркхардту он сказал: «В случае малейшего инцидента я сокрошу поляков без предупреждения таким образом, что впоследствии от Польши не останется и следов. Я нанесу удар всей мощью механизированной армии, о которой поляки не имеют и представления». Буркхардт сообщил это Галифаксу. Конечно, удобнее было думать, что это блеф.

Но факты свидетельствуют, что период блефа окончился. В обстановке величайшей секретности 3 апреля была издана директива вооруженным силам (напечатано было лишь пять экземпляров). В «Белом плане» значилось следующее: «Цель – уничтожение польской военной мощи и создание на Востоке ситуации, которая удовлетворяет требованиям национальной обороны... Задачей является изоляция Польши. Развитие внутреннего кризиса во Франции и, как результат, осмотрительность англичан могут создать такую ситуацию в недалеком будущем... Вмешательства России едва ли следует ждать. Позиция Италии определена осью Рим – Берлин... Войну следует начать неожиданными мощными ударами, добиваясь быстрого успеха».

Были ли у Германии шансы выиграть в начинающейся войне? Фактически ответу на этот вопрос была посвящена лекция руководителя военного отдела верховного командования генерала Томаса перед личным составом министерства иностранных дел 24 мая 1939 года. Генерал

сравнивал процесс подготовки Германии к Первой мировой войне и текущий период. За шестнадцать предшествовавших войне лет – с 1898 по 1914 год – численный состав кайзеровской армии вырос с сорока трех до пятидесяти дивизий. За четыре года (1935–1938) численность армии новой Германии увеличилась с семи до пятидесяти одной дивизии. В ее составе были силы, которых не было у других стран, – пять тяжелых бронетанковых дивизий и четыре легких. Начавшийся с нуля военно-морской флот теперь имел два сверхсовременных линкора, два тяжелых крейсера, семнадцать эсминцев и сорок семь подводных лодок. На стапелях стояли два гигантских линкора, авианосец, четыре тяжелых крейсера, семь подводных лодок. В люфтваффе входила двадцать одна эскадрилья. Четыре года назад их не было, а сейчас в ВВС насчитывалось 260 тысяч человек. Военная промышленность уже превосходила пик достигнутого в предшествующей войне. Производство в основных отраслях превышало показатели любой страны.

Германия была сильна и способна на многое лишь при условии разъединения Запада и Востока. Ей никогда бы не удалось разгромить объединенные силы СССР, Британии и Франции. Поэтому расчет Гитлера строился на предотвращении создания такой коалиции. Первая попытка объединения, предпринятая Литвиновым, была отвергнута Чемберленом. Вторая намечалась на лето 1939 года.

Президент Рузвельт попытался спасти мир в быстро распадающейся на блоки Европе. Он призвал Гитлера дать обещание не нападать на тридцать одну европейскую страну. Ответ фюрера вызвал восторг рейхстага. Нам он любопытен как один из лучших образцов той идейной схемы, которая в исключительной степени овладела Германией, сделала ее заложницей опасных для национального выживания авантюр. Итак, Гитлер в рейхстаге 28 апреля 1939 года: «Мистер Рузвельт! Я полностью представляю себе огромность вашей нации и невероятное богатство вашей страны, позволяющее вам чувствовать ответственность перед историей за весь мир и за историю всех наций. Я, сэр, нахожусь в гораздо более скромной сфере...

Однажды я взял власть в государстве, которое находилось перед угрозой полного краха из-за того, что оно поверило обещаниям остального мира и отвратительному режиму демократических правительств... Я преодолел хаос в Германии, восстановил порядок и в огромной степени увеличил производство... развил транспортную систему, создал прекрасные дороги, выкопал каналы, вызвал к жизни гигантские новые заводы и в то же время сумел помочь распространению образования и культуры нашего народа.

Я сумел найти полезную работу более чем семи миллионам безработных... Я не только объединил германский народ политически, но и перевооружил его. Я взялся также за дело уничтожения страница за страницей договора, который в своих четырехстах сорока восьми параграфах обосновывал самое низкое угнетение, которое народы и отдельные люди могли встретить на своем пути.

Я вернул рейху провинции, украденные у него в 1919 году. Я вернул родине миллионы немцев, которые были отторгнуты от нас и прозябали в нищете... И все это я, мистер Рузвельт, сделал, не пролив крови и не ввергнув мой народ и, соответственно, другие народы в ужасы войны...

У вас есть время обратиться к вселенским проблемам... Мир, в котором Провидение поместило меня и в котором я обязан работать, бесконечно меньше, к сожалению, хотя для меня он ценнее всего, ибо в нем находится мой народ!» Таков типичный образец политического искусства Гитлера, сумевшего при помощи самого грубого национализма побудить готовность к самопожертвованию великой европейской нации.

До конца мая 1939 года Гитлер мог питать надежду на относительно бескровное завоевание Европы. Обеспокоенность, возникшая и на западе и на востоке континента, привела его к заключению, что в дальнейшем, если он не откажется от своих целей, массовое кровопролитие неизбежно. Гитлер так и сказал об этом 23 мая 1939 года своему высшему генералитету,

созванному в его обширный кабинет в новой рейхсканцелярии. Присутствовали четырнадцать военачальников, среди них были: Геринг, Редер, Браухич, Гальдер, Кейтель. Протокол, благодаря которому мы знаем, что происходило на этой встрече, вел адъютант фюрера подполковник Р. Шмундт. Запись сделана от руки, снять копии никто не отважился.

Это была роковая конференция. Здесь, перед своими генералами, Гитлер не занимался пропагандой. Он сказал им прямо, что намерен совершить нападение на Польшу, а если это вызовет известные последствия, то вступить в войну с Британией и Францией.

«Дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без пролития крови... Если судьба ведет нас к столкновению с Западом, бесценным является обладание большими территориями на Востоке. В военное время мы не сможем более рассчитывать на рекордные урожаи». Население Востока рассматривалось как источник рабочей силы. Первая цель – Польша. «Не может быть вопроса о том, чтобы упустить Польшу, и нам оставлен один выход: атаковать ее при первой возможности... Не совсем ясно, приведет ли германо-польский конфликт к войне с Западом, когда мы должны будем сражаться против Англии и Франции. Если же будет создан союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии, я буду вынужден нанести по Англии и Франции несколько уничтожающих ударов. Я сомневаюсь в возможности достичь мирного соглашения с Англией. Англия видит в нашем развитии предпосылки гегемонии, которая может ослабить английские позиции в мире. Поэтому Англия является нашим врагом, и конфликт с ней будет борьбой не на жизнь, а на смерть. Голландские и бельгийские воздушные базы должны быть оккупированы нашими вооруженными силами, при этом декларация о нейтралитете должна игнорироваться. Если Англия намерена вмешаться в войну с Польшей, мы должны оккупировать Голландию со скоростью молнии... Англия знает, что поражение в этой войне будет означать конец ее как мировой державы. Англия – это движущая сила коалиции против Германии. Англичане сами по себе – гордый, отважный, упорный в сопротивлении народ, одаренный большими организаторскими способностями. Они знают, как использовать каждую возникающую возможность. Им присущи любовь к авантюре и смелость нордической расы. Но средние германские показатели выше. Если бы в Первой мировой войне у нас было на два линейных корабля больше или если бы Ютландская битва началась утром, британский флот потерпел бы поражение и Англия была бы поставлена на колени. Сейчас континентальные возможности Англии должны быть ликвидированы, армия должна захватить все позиции для укрепления нашего военно-морского флота и военно-воздушных сил. Если Голландия и Бельгия будут успешно оккупированы и удержаны и если Франция тоже потерпит поражение, то фундаментальные условия для успешной борьбы против Англии будут обеспечены».

На что будет похож этот конфликт? «Англия не может покончить с Германией несколькими мощными ударами. Решающее значение для Англии имеет ведение вооруженных действий в максимальном приближении к Руру».

Гитлер наметил оккупацию Бельгии и Голландии. А в целом «война с Англией и Францией будет войной не на жизнь, а на смерть... Мы должны сжечь свои корабли и ставить вопрос не о том, кто прав, а кто виноват, но вопрос – быть или не быть восьмидесяти миллионному народу».

Гитлер бросился в отчаянную авантюру. Но 23 мая 1939 года ни один из присутствующих не решился ни на какую форму оппозиции. А часть военных уже активно работала над планами агрессии. Начиная с 7 мая генералы Блюментрит, Рундштедт и Манштейн, создав «рабочий штаб», планировали военные операции против Польши.

Отношение к России

Напомним, что британское правительство лишь 8 мая ответило на выдвинутое 16 апреля Советским правительством предложение о военном союзе. И этот ответ означал практический

отказ от такого союза. С этого времени Сталин начал предпринимать попытки сближения с немцами. Уполномоченный в делах СССР в Германии Г. Астахов на переговорах по экономическим проблемам с Ю. Шнурре 7 мая 1939 года затронул более широкие аспекты взаимоотношений двух стран: «Между Германией и Советским Союзом не существует конфликтов, и нет оснований для враждебности между двумя странами. Справедливо, что Советский Союз испытал определенное чувство угрозы со стороны Германии. Несомненно, существует возможность ослабления этого чувства в Москве».

Нарком иностранных дел Молотов, обращаясь к Верховному Совету СССР накануне рокового лета, выдвинул предложение о создании оборонительной системы в Европе, состоящее из трех пунктов: 1) заключение трехстороннего (СССР, Британия, Франция) пакта о взаимной помощи; 2) предоставление гарантий всем государствам Центральной и Восточной Европы; 3) подписание соглашения о формах и объеме помощи государствам, являющимся потенциальными жертвами агрессии.

Одновременно Молотов заявил, что переговоры с Западом не означают отказа от деловых отношений в практической сфере с Германией и Италией. Именно в это время эффективная разведывательная сеть советских спецслужб доложила, что Германия отказалась выполнить желание Японии – заключить союз против СССР. В свою очередь Токио отказался заключить с Германией союз против Запада. И у Москвы были достоверные сведения о том, что Германия непременно выступит против Польши. До сентября 1939 г. у советской разведки был агент в британском Форин-офисе, позволявший Кремлю знать все о британской политике. В частности, о силе антисоветских предубеждений британских вождей.

Надежда Гитлера покоилась на расширении такого сотрудничества и перенесении его в политическую сферу. Он спешил. Выступление против Польши было назначено на 1 сентября. Союз СССР, Британии и Франции мог бы быть единственной преградой господству Германии в Европе. Гитлер 26 мая 1939 года отдал распоряжение интенсифицировать активность на русском участке дипломатического фронта. Послу Шуленбургу было предложено сказать Молотову следующее: «Между Германией и Советской Россией не существует подлинного противоречия интересов... Пришло время рассмотреть возможности умиротворения и нормализации германо-советских отношений. Итало-германский альянс не направлен против Советского Союза. Он направлен исключительно против англо-французской группировки. Если вопреки нашим пожеланиям дело дойдет до враждебных действий в отношении Польши, мы твердо уверены, что даже это никоим образом не приведет к столкновению интересов с Советской Россией. Мы готовы пойти настолько далеко, чтобы сказать: при разрешении германо-польского вопроса – в какой бы форме это разрешение ни произошло – мы будем учитывать русские интересы настолько, насколько это возможно».

Посол Шуленбург должен был также указать, что Британии, к союзу с которой стремится Россия, нечего дать русским. Даже военная помощь блокируется возведением немцами Западного вала. «Мы убеждены, что Британия и на этот раз остается верна своей традиционной политике привлечения других для таскания себе каштанов из огня».

Муссолини поддержал (30 мая) инициативу по улучшению отношений с СССР. Отчасти это объяснялось боязнью дуче «раннего» конфликта. Италия будет готова к военным действиям к концу 1942 года.

Посольство Германии в Москве внимательно наблюдало за ходом переговоров представителей СССР с англичанами и французами. Оно знало и сообщало в Берлин о тупике, образовавшемся ввиду проблемы гарантий Польше, Румынии и балтийским государствам. Как показывают документы германского министерства иностранных дел, немцы тайно поддерживали решительный отказ Латвии, Эстонии и Финляндии от советских гарантий.

В мае Черчилль и такие известные английские политики, как Дэвид Ллойд Джордж, Дафф Купер и Леопольд Эмери начали оказывать давление на правительство в пользу немед-

ленного заключения соглашения с Россией. На многих присутствующих произвела впечатление речь Ллойд Джорджа в парламенте. Ситуация напоминала ему раннюю весну 1918 года. «Мы знали, что готовится гигантское наступление со стороны Германии, но никто не знал, где будет нанесен удар... Ныне существует та же степень секретности, что и в 1918 году. И наши противники стараются смутить нас по поводу того, каковы их цели, но ясно, что они готовятся не к обороне. Они рассматривают схемы нападения на того, кого они избрали в качестве первоочередной жертвы». С точки зрения Ллойд Джорджа, продолжительная война не устраивает диктаторов, она лишает их силы. «Германский идеал заключался в скоротечной войне. В 1914 году германские планы были построены на достижении быстрых результатов, и они были бы достигнуты, если бы не Россия. С тех пор, как стало ясно, что быстрая победа достигнута не будет, игра была проиграна». Ллойд Джордж указывал, что на этот раз немцы технически более подготовлены, в частности, они создали тысячи бомбардировщиков.

Речь Ллойд Джорджа подействовала на присутствующих как холодный душ. Еще несколько месяцев назад подобные мысли высмеивались и отвергались, казались плодом воспаленного воображения. Но теперь обстановка радикально изменилась.

Особое внимание членов палаты представителей вызвала оценка сложившейся ситуации Черчиллем: «Я не в состоянии понять сомнения противников соглашения с Россией, учитывая широкие и простые предложения Советского правительства. Эти предложения предусматривают тройственный союз против агрессии, союз между Англией, Францией, Россией, который может распространить свое влияние на другие страны, если это влияние будет затребовано... Ясно, что Россия не собирается заключать соглашения, если с ней не будут обращаться как с равным партнером. Никто не желает связываться с нерешительным руководством и с неопределенной политикой. Наше правительство должно понять, что никто в государствах Восточной Европы не может пойти на войну протяженностью в год, если за их спиной не будет массивной и мощной поддержки дружественной России, связанной с коалицией западных держав, и я согласен с господином Ллойд Джорджем в том, что мы должны обеспечить эффективную поддержку дружественной Советской России. Без эффективного восточного фронта не может быть прочной защиты наших интересов на Западе, а без России не может быть эффективного восточного фронта. Если правительство, не изучив технические элементы проблемы, связанные с обороной Польши и Румынии, теперь отвергнет необходимую помощь России, то тем самым оно приведет нас к худшему из всех возможных результатов, худшей из всех войн».

Каковы же были контраргументы английского правительства? Галифакс утверждал, что такой договор будет негативно воспринят Японией. Румыния выступит против него вместе с Польшей. К договору неприязненно относятся английские католики. Реакцией Испании может быть присоединение к странам «оси». Последует отчуждение Италии. Возникнут возражения у Португалии. Гитлер может предпринять «отчаянные меры». Нетрудно увидеть, что речь идет либо о predetermined (союзе Италии с Германией), либо о явно второстепенном. Напрасно лучшие умы – Ллойд Джордж, Черчилль, Иден – требовали немедленного соглашения с СССР. Чемберлен открыто признал, что не испытывает в этом отношении никакого энтузиазма. Между двумя странами – СССР и Великобританией – «существует некое подобие стены, которую трудно преодолеть». Черчилль полагал, что такая стена существует прежде всего в сознании премьер-министра. Журналист Колин Кут писал, что Чемберлен «по существу желает доминирования в Европе нацистских идей из-за фантастического негативного отношения к Советской России».

Черчилль смог подняться выше идеологических разногласий, когда на карту было поставлено выживание его страны; 19 мая он сказал, обращаясь к скамье, где сидел Чемберлен и его министры: «Когда вы пытаетесь оценить заинтересованность и лояльность русского правительства в этом вопросе, вы не должны руководствоваться сантиментами. Вы должны руководствоваться анализом вовлеченных в эту ситуацию жизненных интересов. Главные жизненные

интересы России диктуют ей необходимость сотрудничества с Великобританией и Францией с целью предотвращения дальнейших актов агрессии». Черчилль прямо спросил у премьера и его кабинета: «Готовы ли вы быть союзником России во время войны?» И, предупреждая ответ, заметил: «Ясно, что Россия не собирается заключать соглашения, если с ней не обращаться как с равной, она должна не только ощущать равенство, но и быть уверенной в том, что методы союзников – на мировом фронте – наилучшим образом ведут к успеху».

Лишь под давлением группы обеспокоенных членов палаты общин Чемберлен 23 мая 1939 года дал свое согласие на переговоры с советскими представителями о заключении союза СССР, Великобритании и Франции.

Прошел май, наступил июнь, но Чемберлен не спешил. Из Москвы запросили о присылке чрезвычайного представителя, и Антони Иден предложил свою кандидатуру. У него были веские основания претендовать на участие в этой миссии – прежде он был министром иностранных дел, встречался со Сталиным и, кажется, нашел с ним общий язык. Но Чемберлен избрал Уильяма Стрэнга, о котором Черчилль сказал: «Способный чиновник, но не имеющий влияния за пределами министерства иностранных дел». Его выбор, по мнению Черчилля, был ошибкой, ибо «посылка столь второстепенной фигуры означала фактическое оскорбление». Размышляя о возможностях переговоров в Москве, Никольсон записал в дневнике 19 июня: «Должен признаться, что у меня дурные предчувствия».

Выдвижение кандидатуры Стрэнга отрицательно подействовало на Сталина. Серьезен ли Лондон в момент, когда речь идет о всеобщем выживании? Паранойя Сталина, его незнание Запада, особенность сформировавшейся в СССР системы заставили обостренно и недоверчиво воспринимать все действия западных союзников. Роковой ошибкой Советского правительства было то, что оно не видело принципиального различия между фашистскими режимами Германии и Италии (с последней у СССР были особенно тесные отношения) и буржуазными демократиями Британии и Франции. В Москве думали о них прежде всего как о недавних лидерах интервенции.

Политические переговоры в Москве многократно описаны, и мы опускаем детали. Отметим лишь, что шли они неспешно и никак не отражали экстренности причины, их породившей. Чемберлена и Галифакса устраивал замедленный ход переговоров, они поощряли перерывы. Казалось бы, англичане должны были почувствовать серьезность надвигающихся событий. Например, 7 июля 1939 года из Рима была получена телеграмма, в которой Муссолини просил британского посла в Италии: «Скажите Чемберлену, что если Англия готова сражаться за Польшу, Италия сомкнет штыки со своим союзником Германией».

После двух недель переговоров в «Правде» 29 июня появилась статья члена Политбюро Жданова, возглавлявшего Комитет по иностранным делам Верховного Совета СССР: «Мне кажется, что британское и французское правительства не готовы к заключению соглашения, приемлемого для СССР, а стремятся лишь продемонстрировать общественному мнению своих стран якобы несговорчивую позицию СССР и таким образом упростить для себя задачу заключения соглашения с агрессорами... Им нужен договор, по которому России будет отведена роль чернорабочего, несущего на своих плечах бремя обязательств. Ни одна уважающая себя страна не пойдет на такой договор, если не хочет стать игрушкой в руках людей, привыкших таскать каштаны из огня чужими руками. Следующие несколько дней покажут, так это или нет».

Посол Шуленбург сразу же увидел в этом сигнале стремление «возложить на Британию и Францию вину за возможный провал переговоров».

В это время, как пишет А. Буллок, «из донесений, присылаемых Зорге из Токио, Сталин уже уяснил, что причина отказа Японии примкнуть к военному союзу с Германией кроется в осознании того, что Гитлер и Риббентроп в значительно большей степени заинтересованы в их участии в войне не против СССР, а в войне против Англии и Франции. Если бы СССР смог аналогичным образом сохранить нейтралитет перед лицом военного конфликта Германии с

великими державами Запада, это, по крайней мере, позволило бы Сталину выиграть время и, возможно, в уплату за нейтралитет, обеспечить территориальные и стратегические преимущества в Восточной Европе. Выигрыш во времени дал бы Сталину возможность укрепить боевую мощь СССР к тому моменту, когда Гитлер начнет осуществление своих планов в отношении России».

Спустя три месяца после советского предложения о переговорах, 13 июля, Черчилль выступил на страницах «Дейли миррор»: не может быть извинений «необъяснимой задержке» в подписании договора между Москвой, Парижем и Лондоном. Премьера же Чемберлена эта задержка не волновала. Он писал сестре: «Я так скептически отношусь к вопросу о ценности русской помощи, что не думаю, что наша позиция сильно ухудшится, если мы обойдемся без них».

Гитлер, напротив, хорошо понимал, что в случае формирования тройственного союза он будет превзойден в людях и вооружении. Он будет «перехитрен», ему нужно будет пересмотреть военные планы и постараться выиграть время. 11 августа 1939 г. Гитлер сказал Карлу Буркхардту, комиссару Лиги Наций в Данциге: «Все, что я предпринимаю, направлено против русских. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, тогда я буду вынужден пойти на соглашение с русскими, побить Запад и затем, после его поражения, снова повернуть против Советского Союза со всеми моими силами.»

Черчилль полагал, что создание ситуации двух фронтов «стоило бы Гитлеру жизни». По его мнению, Чемберлен допустил грубую ошибку, не поставив восходящую звезду британской политики молодого консерватора Антони Идена во главе английской делегации, отправившейся для переговоров в Советский Союз. Второй ошибкой Черчилль считал назначение главой английской делегации Стрэнга, чиновника, не имеющего никаких специальных полномочий, ничего не знающего о советской политической системе. Третьей ошибкой явилось то, что англичане слишком долго собирали делегацию, ее нужно было послать на несколько месяцев раньше. Более того, такую делегацию в Советский Союз надо было послать уже в августе 1938 года, – еще до Мюнхена. Черчилль полагал, что Советский Союз с большей готовностью выступил бы за дружественную Чехословакию, с которой у него имелись достаточно тесные отношения. В случае с Польшей дело обстояло сложнее. Но и здесь прогресс был возможен при большей гибкости и настойчивости Запада.

К сожалению, группа англичан, сидевших на переговорах в Москве, думала, подобно Чемберлену и Галифаксу, что Красная Армия не такое уж и приобретение. И она не видела особой опасности в промедлении. Это было опасное заблуждение.

Советско-германский договор

В июне 1939 г. в газете «Правда» появилась статья «За Родину». «Родина одна только поддерживает горение героизма, горение творческой инициативы во всех областях, во всех сферах нашей богатой, многосторонней жизни... Защита отечества есть высший закон». XVIII съезд ВКП(б) знаменовал окончательную смену политической парадигмы Советской России. Строительство социализма окончательно стало означать не приближение мировой революции, а создание мощного современного государства. Вождь обращается к русской истории в поисках предтеч его курса. Пушкинское выражение «поднять историю на дыбы» цитируется им обильно. Он беседует с Алексеем Толстым в таком духе: «Эпоха Петра Первого – одна из величайших страниц в истории русского народа. Необходима была решительная революция во всех сферах жизни страны, нужно было поднять Россию до уровня культурных стран Европы. И Петр сделал это. Эпоха Петра и наша перекликаются друг с другом своего рода вспышками силы, взрывами человеческой энергии и мощью, направленной на освобождение от иностранной зависимости». И те, кто еще недавно воспевали мировую революцию, говорили теперь

о себе (вслед за Маленковым) как о «слугах государевых». Теперь идеологические шоры не сдерживали Сталина.

В июне немцы предприняли зондаж возможностей начать переговоры со Сталиным, но без малейшего успеха. Но в середине июля Москва сделала важный шаг навстречу Германии. Советский торговый представитель в Берлине Н. И. Бабарин сообщил 18 июля своему германскому контрагенту Шнурре, что СССР хотел бы расширить двусторонние экономические отношения. Русские довели до сведения Германии, что возможна конкретизация экономического соглашения, как и более широкая договоренность. После позитивного ответа Германии через четыре дня было объявлено о возобновлении в Берлине советско-германских торговых переговоров. Шнурре 26 июля пригласил поверенного в делах СССР Астахова и главу советской торговой миссии Варварина на обед. Вот что он говорил советским дипломатам: «Что может Британия предложить России? В лучшем случае участие в европейской войне и враждебность Германии. Что можем предложить мы? Нейтралитет и отстояние от возможного европейского конфликта и, если того пожелает Москва, германо-русское понимание взаимных интересов, что, как и в прошлые времена, будет служить на пользу обеим странам... У Германии и России нет противоречий по всей линии от Балтийского и Черного морей до Дальнего Востока. И в дополнение, несмотря на все различия в образе жизни, существует одно общее в идеологии Германии, Италии и Советского Союза: противостояние капиталистическим демократиям Запада».

Астахов заметил, что в восстановлении дружественных отношений заинтересованы оба государства. Немец не согласился. Если СССР подпишет соглашение с Англией, возможность достижения согласия исчезнет. Политика Германии, по мнению Шнурре, направлена против Англии, но не против СССР. Астахов дал обещание немедленно связаться с Москвой и задал вопрос: «Если состоится советско-германская встреча на высшем уровне, будет ли немецкая сторона придерживаться вышеизложенной точки зрения?» На это Шнурре ответил уверенно: «Непременно».

Вайцзеккер запрашивал Шуленбурга, не ощущается ли в Москве отзвук бесед, проводимых в Берлине? «Если у вас будет возможность беседовать с Молотовым, пожалуйста, прощупайте его на этот счет. Что же касается политического аспекта переговоров с русскими, то мы считаем, что выжидательный срок (намеченный на 30 июня Гитлером) истек. Теперь Гитлер хочет как можно скорее подписать соглашение; возобновление переговоров возложено на послов». У немцев были все основания спешить: 23 июля англичане и французы наконец согласились с предложением СССР начать штабные переговоры. По мнению германского посла в Париже фон Вельчека, они согласились на военные переговоры, только ощутив опасность обрыва политических переговоров.

Одной из причин нежелания западных стран вести военные переговоры было, как уже отмечалось, скептическое отношение Лондона и Парижа к Красной Армии. Еще 6 марта 1939 года военный атташе британского посольства полковник Файербрейс и военно-воздушный атташе Холэвелл прислали своему правительству оценку военных возможностей Красной Армии. Они указывали, что у этой армии значительные оборонительные возможности, но на нее нельзя серьезно полагаться в наступательных операциях. Гибель в политических чистках целого поколения офицеров чрезвычайно ослабила армию. Британские эксперты указывали, что противник может без особого труда вывести из строя те элементы армейской системы, без которых войска останавливаются. (Но оба офицера отмечали, что Красная Армия, убежденная, что предстоит война, упорно к ней готовится.)

Переговоры военных миссий не дали ожидаемых результатов. Нет сомнения, что многое решил невысокий уровень представительства западных союзников. С советской стороны в переговорах участвовали нарком обороны, начальник Генерального штаба, командующие военно-воздушными и военно-морскими силами. Французскую же делегацию возглавлял гене-

рал Думенк, бывший начальник штаба генерала Вейгана. Англичане же выглядели просто одиночно. Еще месяц назад переговоры с поляками вел начальник генерального штаба генерал Айронсайд. А в Москву был послан адмирал Дракс, о котором германский посол Дирксен писал, что он «практически находится в списке подготовленных к отставке и никогда не был в составе военно-морского штаба». По мнению Дирксена, «задачей военной миссии будет определение боевых возможностей советских войск, а не заключение соглашения о военных операциях... Военные атташе разделяют скепсис британских военных кругов относительно предстоящих переговоров с советскими военными».

Дело даже не в том, что глава этой миссии адмирал Дракс не имел письменных полномочий на переговоры (на что жаловался Ворошилов). Сейчас мы знаем содержание инструкций, данных ему при отплытии: «Продвигаться в военных переговорах медленно, соразмеряя их с политическими переговорами». Не следует обмениваться конфиденциальной военной информацией до подписания политического соглашения. Дракс отверг предложение вылететь в Москву, он предпочел путешествовать на старинном пароходе, шедшем в Ленинград с черепашей скоростью. Английские берега были оставлены 5 августа, а в Москве он был лишь 11 августа. Возможно, это было роковое промедление.

Молотов объявил, что возобновление политических переговоров (приостановленных 2 августа) последует только вслед за прогрессом в военных переговорах. Британское правительство посчитало возможным не внять этому предупреждению. Вероятно, англичане полагали, что, затягивая переговоры, они усложняют задачу Гитлеру, отвращают его от последнего шага.

Переговоры военных в Москве также описаны многократно. Отметим лишь два показательных момента. «Линия Мажино», по словам Думенка, простиралась «от швейцарской границы до моря». Можно быть любого мнения о Ворошилове, но о расположении всемирно известных укреплений он знал. Это первое. Второе: Дракс уверял, что Англия выставит «на ранней стадии войны» до шестнадцати дивизий. А незадолго до переговоров англичане сообщили французам, что войск у них в четыре раза меньше, в чем им, в конце концов, и пришлось признаться Ворошилову. Согласно записи французского участника переговоров, в результате этого инцидента «советская делегация лучше, чем прежде, поняла огромную слабость Британской империи».

Каковы действия Польши в случае войны? Как будет происходить процесс помощи со стороны англичан французам на западном фронте? Позиция Бельгии? Думенк, выглядевший наиболее представительным среди западных военных, ответил, что не знает планов Польши (а ведь месяц назад в Варшаве вел переговоры начальник британского генерального штаба Айронсайд). В Бельгию французские войска без приглашения Брюсселя не войдут. Главный вопрос Ворошилов задал 14 августа 1939 года: позволено ли будет Красной Армии пройти через Вильно и Польскую Галицию? Если не осуществить этого выхода, немцы быстро оккупируют Польшу и выйдут к границе СССР. «Мы просим о прямом ответе на эти вопросы... Без четкого, прямого ответа на них продолжать эти военные переговоры бесполезно». Английская делегация сообщила в Лондон, что русские «подняли фундаментальную проблему, от которой зависит успех или неудача переговоров, которая лежит в основе всех наших трудностей с самого начала политических переговоров, а именно, как достичь рабочего соглашения с Советским Союзом в обстановке, когда сосед этой страны придерживается своеобразного бойкота, который будет отменен только тогда, когда будет слишком поздно».

Генерал Думенк телеграфировал в Париж: «СССР желает заключения военного пакта... Он не желает подписывать простой листок бумаги. Маршал Ворошилов указал, что все проблемы будут решены без затруднения, как только то, что он назвал критическим вопросом, будет разрешено». Ныне известные документы свидетельствуют, что Лондон и Париж пытались оказать давление на Варшаву, но она стояла на позиции, которая вела к катастрофе. Запад-

ные историки дают крайне нелестную оценку стратегическому мышлению польского правительства.

Необходимость дать ответ на советский запрос заставила английского и французского послов явиться 18 августа к полковнику Беку. В этот день, когда до конца восстановленного польского государства оставалось менее двух недель, польский президент заявил, что советские войска «не имеют военной ценности», а начальник польского генерального штаба согласно закивал головой. Через два дня министр иностранных дел Польши официально отверг требование англичан и французов пропустить советские войска: «Я не хочу об этом больше слышать». Помимо прочего, согласие Польши провоцировало бы, по его мнению, нападение со стороны Германии.

Поверхностность суждений польского правительства поразила английского и французского послов, и они 19 августа снова попытались склонить поляков принять советское предложение. Теперь министр иностранных дел Бонне, все предшествующие годы стоявший на позициях умиротворения, был всерьез напуган их самоубийственной неуступчивостью: «Было бы ужасным, если бы в результате польского отказа переговоры с русскими потерпели бы крах». Он – это был серьезный шаг – предложил сделать согласие Польши на советскую военную помощь условием предстоявшего формального подписания англо-польского договора о взаимопомощи. Увы, Чемберлен и Галифакс не пошли так далеко в своем давлении на поляков. Гарольд Макмиллан, оценивая поведение англичан, считал их жертвами «искаженного представления о себе». Они видели в Великобритании сверхдержаву, а в СССР – просящую сторону, не учитывая опыт двух последних десятилетий: англичане были интервентами в России, они лишили ее (согласно договорам) дореволюционных территорий. В то же время отношения СССР с Германией в межвоенный период периодически становились очень тесными.

В конечном счете, как пишет У. Манчестер, «Британия и Франция не могли гарантировать Сталину мира – а Гитлер мог. Нацистско-советский пакт о ненападении означал бы мир для России, которая предпочитала остаться нейтральной, и означал бы, без потери единого солдата Красной Армии, возвращение территорий, отнятых Румынией, отданных Польше, возвращение балтийских государств, потерянных двадцать лет назад под давлением западных держав. Если бы Сталин выбрал этот курс и западные союзники были разбиты, он мог бы оказаться перед Германией в одиночестве. Но к тому времени Гитлер мог быть мертв или свергнут, Германия могла потерпеть поражение. Соблазн избежать попадания в водоворот, выиграть время для вооружения был огромным». В те дни даже ведущий американский обозреватель У. Липпман писал: «Отдав Чехословакию в жертву Гитлеру, Британия и Франция в реальности пожертвовали своим союзом с Россией».

Когда Сталин решил протянуть руку Германии? Майский говорил Бусби, что толчком послужило 19 марта 1939 года, в этот день Лондон отверг предложение о «встрече шести» в Бухаресте. Черчилль откровенно признавался, что для него уловить этот момент было невозможно. Но он подчеркивал, что еще до середины августа положение можно было спасти. Нам сейчас известно, что у Сталина наряду с первым каналом – переговорами с англо-французами – уже был открыт второй канал – связи с Берлином.

Согласно «Заметкам для дневника» М. М. Литвинова, Сталин открыл для себя возможность и необходимость переговоров с немцами в период Мюнхена. В записи за январь 1939 года говорится: «Сталин инструктировал посла СССР в Германии Меркулова начать переговоры с германским министерством иностранных дел. Следовало сказать: «До сих пор мы не могли пойти на соглашение, а теперь можем».

Получив в конце июля сообщения о дипломатических демаршах немцев, Сталин отдал распоряжение предоставить данные о Гитлере и нацизме. Он начал с «Истории германского фашизма» Конрада Гейдена и «Германия вооружается» Дороти Вудмен. В «Майн кампф» он

отчеркнул абзацы о жизненном пространстве Германии на востоке. Шуленбург уловил большую заинтересованность Молотова, но советский комиссар никак не спешил.

Французы были более чувствительны к нюансам позиции Москвы. Посол Кулондр задолго до начала советско-германских переговоров предупредил Кэ д'Орсэ, что СССР и Германия могут найти взаимопонимание и поделить Польшу между собой; 22 мая 1939 года он сообщал о словах Риббентропа: Польша «рано или поздно должна будет исчезнуть, будучи поделенной между Германией и Россией».

Дипломатическая машина нацистов прибавила обороты. В то время, когда Дракс на тихом парохоме плыл к Ленинграду, немцы (3 августа) предприняли очень важные и действенные меры. Риббентроп сам стал посылать телеграммы Шуленбургу: «Германия желает перестроить германо-русские отношения, от Балтики до Черного моря нет проблемы, которая не могла бы быть решена к нашему взаимному удовлетворению».

Молотов скептически отнесся к заверениям немцев. А что они могут сказать об «Антикоминтерновском пакте», позиции Японии, поддерживающей Германию, неприглашении СССР в Мюнхен? Но послу стало ясно, что Молотов приоткрывает дверь. «Мое общее мнение заключается в том, что советское правительство в настоящее время полно решимости заключить соглашение с Британией и Францией, если те выполнят все советские пожелания... Я полагаю, что мое заявление произвело впечатление на Молотова; тем не менее, от нас потребуются значительные усилия, чтобы обеспечить поворот курса Советского правительства».

Можно представить себе волнение в Берлине. Без СССР западные союзники не сумеют помочь Польше. Перемену в эмоциональном климате германской столицы отметил французский поверенный в делах Сент-Ардуэн: «Период замешательства, колебаний, склонности к выжиданию и даже умиротворению сменился у нацистских лидеров новой фазой». Написано это было 3 августа 1939 года.

А через десять дней, 12 августа, Астахов информировал Шнурре, что Молотов готов обсудить вопросы, поднятые в немецких заявлениях. Местом таких переговоров может быть Москва. Но не нужно спешки, действовать следует постепенно. Гитлер получил сообщение об этом в Оберзальцбурге. Он уже определил дату нападения на Польшу и потребовал от Шуленбурга ускорить процесс, невзирая на советские требования постепенности. Именно в эти дни Шуленбург писал, что Молотов – «странный человек с тяжелым характером», но все же «любых поспешных шагов в отношениях с Советским Союзом следует избегать».

В понедельник, 14 августа, этот процесс не мог не получить ускорения. Необходимо было дать положительный или отрицательный ответ на «чрезвычайно срочную» телеграмму из Берлина. «Германо-русские отношения подошли к историческому поворотному рубежу... В отношениях Германии и России не существует реального конфликта интересов... Обеим странам было хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами... События могут принять такой оборот, когда восстановление германо-русской дружбы станет невозможным, когда трудно будет совместно прояснить территориальные вопросы в Восточной Европе. Руководство обеих стран не должно позволить ситуации выйти из-под контроля. Было бы фатальной ошибкой, если бы оно стало жертвой взаимного непонимания и два народа разошлись бы врозь».

Риббентроп писал в Москву, подыгрывая Сталину, что англичане и французы «пытаются вовлечь Россию в войну с Германией» (это был точный повтор слов Сталина на XVIII съезде партии). Он добавлял: «Я готов совершить краткую поездку в Москву, чтобы изложить точку зрения фюрера Сталину».

Совсем недавно британский министр Галифакс отказался прибыть в советскую столицу, а министр иностранных дел рейха готов был осуществить это немедленно. Естественно, на Кремль это должно было произвести впечатление. Не случайно Риббентроп потребовал от Шуленбурга, чтобы телеграмма была вручена Сталину лично.

14 августа Гитлер собрал своих высших военачальников в Оберзальцбурге и начал конференцию словами: «Великая драма приближается к своей кульминации». Далее он обрисовал политическую ситуацию в Европе. Британия и Франция не будут воевать. «У Британии нет лидеров нужного калибра. Лидеры, которых я видел в Мюнхене, не способны начать новую мировую войну... Англия, в противоположность тому, что случилось в 1914 году, не позволит себе ошибки воевать на протяжении нескольких лет... Такова судьба богатых стран... У Англии ныне нет даже денег вести мировую войну. И за что Англия будет сражаться? Никто не позволит убить себя даже ради союзника». Франция не преодолеет Западный вал. Бросок через Бельгию не спасет поляков. Польша, оставленная один на один с Германией, погибнет через неделю. Мир убедится в ее крахе и не будет пытаться ей помочь.

Что касается России, то она «ни в малой степени не расположена добывать каштаны из огня для других». С Москвой имеются контакты, и вскоре ему, фюреру, придется решать, какого ранга лицо должно будет быть послано в Москву на переговоры. У СССР нет обязательств перед Западом. Русские с пониманием отнесутся к разрушению Польши. Они заинтересованы в «разграничении сфер интересов».

В середине августа Гитлер начал непосредственные военные приготовления. Очередной съезд партии, созываемый под лозунгом «Съезд мира», был отменен. Железные дороги начали работать в мобилизационном режиме. Завершилась подготовка перевода штаба сухопутных войск в Цоссен. Адмирал Редер доложил о готовности подводных лодок выйти в Атлантику. Генерал Гальдер 17 августа упомянул о «150 польских униформах с аксессуарами для Верхней Силезии». Речь шла об операции «Гиммлер» – имитации захвата поляками радиостанции в приграничном немецком городе Гляйвиц, должной послужить предлогом, «переполнившим чашу терпения» германского народа.

В Москве фон Шуленбург встретился с Молотовым вечером 15 августа и, согласно категорически составленной инструкции, зачитал телеграмму Риббентропа. Молотов выслушал посла «с величайшим интересом» и «тепло приветствовал германское намерение улучшить отношения с Советским Союзом». Предметом обсуждения стала возможность подписания пакта о ненападении и оказание Германией влияния на Японию с целью улучшения советско-японских отношений. Молотов запросил мнение германского правительства о совместных гарантиях балтийским государствам. «Эти вопросы, – сказал Молотов, – должны решаться конкретно и таким образом, чтобы в случае прибытия сюда германского министра иностранных дел последовал бы не протокольный обмен мнениями, а были заключены конкретные соглашения».

Позитивный ответ Москвы был передан ранним утром 16 августа Риббентропу, и тот поспешил к Гитлеру в Оберзальцбург. Новый документ – шаг в диалоге – был готов уже к полудню, и Риббентроп бросился к телепринтеру для передачи через Берлин новой инструкции послу Шуленбургу. Предложение Молотова принято. «Германия готова заключить пакт о ненападении с Советским Союзом, и, если Советское правительство того желает, этот пакт не будет подлежать денонсации в течение двадцати пяти лет. Далее, Германия готова дать гарантии балтийским государствам совместно с Советским Союзом. Наконец, Германия согласна оказать влияние на Японию с целью улучшения и консолидации русско-японских отношений... Я готов прибыть в Москву самолетом в любое время после пятницы, 18 августа, чтобы иметь дело, на основе всех полномочий, данных мне фюрером, со всем спектром германо-русских отношений».

Для Гитлера наступило время томительного ожидания. В Москве же дела шли неспешно. Шуленбург договорился о приеме Молотовым лишь в 8 часов вечера 17 августа. Молотов не склонен был торопиться. Он предлагал поэтапное продвижение. Первая стадия – заключение торгово-кредитного соглашения, вторая – подписание пакта о ненападении. Предложение Риббентропа о приезде в Москву было воспринято положительно. «Оно представляет собой

заметный контраст с Англией, которая в лице Стрэнга послала в Москву второстепенного чиновника». Но Советское правительство не хотело бы делать объявление об этом визите в настоящий момент. Встреча с Молотовым не дала Шуленбургу особых оснований для надежд. Риббентроп дал послу Шуленбургу готовый текст проекта договора. Но Молотов не был впечатлен. Шуленбург в течение часа уговаривал Молотова назвать точную дату приезда Риббентропа. Молотов объяснил, что прежде следует выработать торговое соглашение. Если торговое соглашение будет подписано 20 августа, то Риббентроп может прибыть в Москву для подписания договора.

Немцы не желали затягивать диалог. Соглашение о торговле было заключено уже 18 августа, Оберзальцбург спешил подписать пакт о ненападении. Он обещал при разрешении проблем будущего «принять русские пожелания во внимание. Например, разделение сфер интересов в балтийском регионе».

Приказ о выходе в море подводных лодок задерживался до получения известий из Москвы. Риббентроп потребовал передавать все высказываемое Молотовым телеграммами. Германский посол 18 августа попросил у Молотова аудиенции. В ходе нее Молотов «довольно неожиданно» заговорил об отсрочке визита Риббентропа: требуются более тщательные приготовления. Убитый Шуленбург возвратился в посольство, не зная, как сообщить Гитлеру об остановке его блицманевра. Страх перед Гитлером был столь велик, что аристократ Шуленбург встал на колени; он молился. И всевышний услышал. В половине пятого раздался звонок Молотова, посла просили вернуться.

В Бергхофе Гитлер и Риббентроп лихорадочно читали телетайпную ленту. По воспоминаниям Гауса, он воздел руки к небу и радостно рассмеялся. Эту ночь он не мог заснуть. Он ожидал теперь полного отчета Шуленбурга. Из Берлина сообщили, что глава советской торговой миссии Астахов поздно вечером позвонил Шнурре и выразил согласие подписать торговый договор. Гитлер не выдержал, к рассвету он удалился в спальные покои. И именно в это время пришел подробный отчет посла.

Желанная для немцев телеграмма пришла 19 августа в 7 часов 10 минут утра. Шуленбург объяснял внезапное решение советской стороны непосредственным вмешательством Сталина. «Советское правительство согласно с прибытием министра иностранных дел рейха в Москву через неделю после объявления о подписании экономического соглашения. Молотов заявил, что, если объявить о заключении экономического соглашения завтра, министр иностранных дел рейха мог бы прибыть в Москву 26 или 28 августа. Молотов вручил мне проект пакта о ненападении».

Но Гитлер не мог терпеть неделю. Впервые он обратился к Сталину лично (20 августа). «Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня формирование германской политики на долгое время. Германия таким образом возобновляет политический курс, который был так благоприятен для обоих государств на протяжении прошлых столетий... Я принимаю проект пакта о ненападении... Напряжение в отношениях между Германией и Польшей стало невыносимым. Кризис может разразиться каждый день. Германия полна решимости оградить интересы рейха всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Поэтому я предлагаю вам принять министра иностранных дел во вторник, 22 августа, или, самое крайнее, в среду, 23 августа».

Как полагает английский историк А.Буллок, «Гитлер пошел на уловку с письмом, проигнорировав тот факт, что глава Советского правительства – Молотов, и обратился непосредственно к Верховному. То, что Гитлер поставил на карту свой престиж, не будучи уверенным в ответе, убедило генсека, что у Гитлера серьезные намерения.

В то время англо-польский пакт еще не был подписан, и Галифакс мог сделать условием его подписания согласие Бека на помощь СССР. Французы говорили об этом прямо. Но Чемберлен заявил, что не будет участвовать в подобных «маневрах». Пытаясь спасти положение

в оставшиеся недолгие часы, Даладье приказал Думенку сообщить Молотову, что французы одобряют «в принципе» право русских пересечь границу Польши в случае агрессии Гитлера. Увы, Даладье опоздал.

По свидетельству ближайшего окружения фюрера, Гитлер, ожидая ответа, был на грани коллапса. Он не мог заснуть. Ответ Сталина пришел 21 августа в половине десятого вечера. «Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях друг с другом. Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении закладывает основания для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими двумя странами. Советское правительство поручило мне информировать вас, что оно согласно с прибытием господина фон Риббентропа в Москву 23 августа». Шпеер вспоминает, что, прочитав текст, Гитлер «на мгновение застыл, вперившись в пространство, побагровел и грохнул кулаком по столу, так, что задребезжали стаканы, и воскликнул прерывающимся голосом: «Они у меня в руках! Они у меня в руках!» Секунду спустя он уже вполне овладел собой. Никто не осмеливался ни о чем спросить, трапеза продолжалась».

Вечером следующего дня берлинское радио прервало музыкальную программу неожиданным для всего мира объявлением: «Правительство рейха и Советское правительство согласились заключить между собой пакт о ненападении. Рейхсминистр иностранных дел прибывает в Москву в среду, 23 августа, для завершения переговоров».

Гитлер без колебаний подписал документы, дававшие Риббентропу неограниченные полномочия. Любое делегирование полномочий было приемлемо ради нейтралитета Советского Союза.

Риббентроп 22 августа вылетел в Кенигсберг, провел всю ночь в звонках в Берлин и Берхтесгаден; 23 августа, в полдень, два больших германских «Кондора» приземлились в Москве. Короткий ланч в посольстве, и кортеж машин въехал в Кремль. Уже через час после прибытия Риббентропа в Москву он был встречен Сталиным в Кремле. Первая встреча Сталина и Риббентропа длилась три часа. Ее итоги, как немедленно телеграфировал министр Гитлеру, были «благоприятными». Главные документы – договор о ненападении и секретный протокол – подписаны во время второй встречи, вечером того же дня. Сталин обратил внимание лишь на излишне цветистую, вставленную Риббентропом в преамбулу договора, фразу о дружбе. Он сказал, что шесть лет взаимных поношений не позволяют публиковать такие слова.

Помощники готовили текст, а Сталин и Риббентроп согласились в низкой оценке Британии, а рейхсминистр заверил в сугубо антизападной направленности Антикоминтерновского пакта и позволил себе шутку: «Сталин еще примкнет к Антикоминтерновскому пакту». Сталин предložил тост за здоровье фюрера.

Соглашение между СССР и Германией состояло из двух частей – собственно договора о ненападении и секретного дополнительного протокола. В договоре говорилось, что в случае нападения на одну из сторон третьей стороны вторая «не окажет этой третьей стороне никакой помощи». Ни СССР, ни Германия «не присоединятся ни к какой группе держав, которые прямо или косвенно направлены против второй стороны».

В секретном протоколе говорилось: «1. В случае территориальных и политических трансформаций на территориях, принадлежащих балтийским государствам (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы будет представлять собой границу сфер интересов Германии и СССР. 2. В случае территориальной и политической трансформации территорий, принадлежащих польскому государству, сферы интересов Германии и СССР должны пролегать примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос о заинтересованности обеих сторон в сохранении независимого польского государства и о границах этого государства может быть окончательно определен только в ходе дальнейших политических процессов. В любом случае оба правительства разрешат этот вопрос в духе дружеского взаимопонимания». Советский

Союз также выразил заинтересованность в Бессарабии, захваченной Румынией в 1918 году, а Германия объявила о своей незаинтересованности в этой территории.

Итак, в секретном протоколе Польша была поделена на советскую и германскую зоны влияния по рекам Нарев, Висла, Сан. Немцы претендовали на влияние в Литве, включая Вильнюс (бывший тогда в составе Польши). СССР вводил в сферу своего влияния Финляндию, Эстонию и часть Латвии (по северную часть Двины). Сталин стал претендовать на всю Латвию целиком. Риббентроп позвонил Гитлеру, и тот, бросив взгляд на карту, согласился. По оценке Буллока, «Сталин вернул аннексированные Польшей в 1920 году области Белоруссии и Украины, солидную часть исконных земель Польши; добавив к этому три из четырех балтийских государств, утраченных в 1917 году (так оказалась устраненной причинявшая ему массу беспокойства угроза Ленинграду) и Бессарабию, отошедшую к Румынии в 1918 году».

Беседа с Риббентропом, хладнокровный дележ восточноевропейских пространств и последующие банкетные тосты, когда недавние политические противники пили за здоровье друг друга, все же, видимо, не избавили Сталина от сомнений. Когда Риббентроп заполночь покидал зал переговоров, Сталин отвел его в сторону со словами: «Советское правительство относится к новому пакту очень серьезно. Оно гарантирует словом чести, что Советский Союз не предаст партнера».

Текст секретного протокола стал известен лишь после войны, когда был найден его дубликат в немецких архивах. И лишь в последние годы был найден оригинал протокола, вызвавший ряд вопросов. (К примеру, почему подпись Молотова сделана на немецком языке и т. п.) Это позорная страница в мировой дипломатии. Судьбы миллионов людей решались тайно, за их спиной. Многострадальная Польша была принесена в жертву интересам двух держав.

Но те, кто абсолютизирует зло тайного протокола договора Риббентропа – Молотова, должны помнить, что он, будучи сам по себе аморальным, шел на смену жестоким, несправедливым и тоже аморальным соглашениям. Брест-Литовский мирный договор был подписан тогда, когда Германия поставила кованый сапог на горло России. Версальский мир былработан в отсутствие и Германии, и России (при этом, напомним, он определял границу России и Польши по этнической границе, насильственно передвинутую поляками в 1920 году). Советско-германский договор 1939 года позорен, но справедливо ли унижение России в 1917–1920 годах, когда ее территория при содействии интервентов была оккупирована и передана враждебным Центральной России силам? Даже те, кто возглавлял интервенцию в эти годы – англичане Ллойд Джордж и Черчилль (два, пожалуй, самых блестящих политика Запада в XX веке), видели несправедливость захвата русской территории в ходе гражданской войны. Вудро Вильсон в шестом из своих «14 пунктов» отстаивал тезис о единой России. Прибалтийские провинции и поляки Восточной Польши отчаянно сражались за Россию в ее тяжелый час в 1914–1917 годах. История связала эти народы, и понадобилась немецкая оккупационная политика 1915–1918 годов, чтобы посеять рознь среди верного России населения.

Советско-германский договор не только возвратил утерянные двадцать лет назад территории, но и позволил предоставить советской военной промышленности еще полтора мирных года. Сталин особенно настаивал на этом пункте в своем первом военном выступлении 3 июля 1941 года. Никто, правда, не может с абсолютной точностью сказать, кто больше преуспел за эти полтора года. Советские инженеры и рабочие лихорадочно работали на Урале и за ним, но и немецкая промышленность наращивала свои мощности.

В Берлине экстатически настроенный Риббентроп говорил об «ощущении, что меня окружают старые товарищи по партии». Гитлер назвал его вторым Бисмарком. Внимательно рассмотрев сделанный его личным фотографом Гофманом портрет советского вождя, он пришел к выводу, что Сталин не еврей.

Разумеется, Советский Союз заплатит страшную цену. Но и Запад несет ответственность за случившееся. Как пишет У. Манчестер, «английское и французское правительства сыграли

жалкую роль. Более четырех месяцев прошло со времени выдвижения предложений Литвина. Если бы эта возможность была использована – если бы, скажем, Иден прибыл в Москву облеченным всеми необходимыми полномочиями, – у Гитлера никогда бы не возникло шанса. Россия нуждалась в мире, каждый знал это, но демократии (западные. – А. У.) проявили нечувствительность». Через три года Сталин будет объяснять Черчиллю: «У нас сложилось впечатление, что английское и французское правительства не готовы вступить в войну».

Гитлер так охарактеризовал Муссолини 18 марта 1940 года значение советско-германского договора: «Еще в «Майн кампф» я заявил, что Германия может либо идти с Англией против России, либо с Россией против Англии. Я всегда намеревался сотрудничать с Англией при условии, что она не будет ограничивать Германию в обретении жизненного пространства, особенно на Востоке». Риббентроп – ума палата – приказал это упоминание о «Майн кампф» отослать почтой Советскому правительству. Никто не знает, какова была реакция в Кремле, но если учесть, что книга Гитлера была переведена и достаточно известна, ее можно представить.

Если ликование Гитлера можно понять, то трудно объяснить удовлетворение польского лидера – полковника Бека. Педант по своим привычкам, он в эти десять последних дней мира буквально светился лукавством. Улыбка не сходила с его лица. Своему окружению он сказал, что достигнут большой успех. Он спас Польшу от коммунистов. В Париже и Лондоне не понимали этой эйфории. Позднее французский министр иностранных дел Бонне писал в своих мемуарах: «В эти дни возникло чувство, что происшедшее явилось несчастьем для Франции».

Глубоко оскорбленными почувствовали себя японцы. Токио усмотрел предательство Антикоминтерновского пакта и выразил официальный протест. Эмоции тем более бушевали в Токио, что новый русский генерал Жуков в июле-августе 1939 г. одержал победу в боях на Халхин-Голе. «Оставленным» наедине с СССР японцам не осталось ничего иного, как заключить 15 сентября соглашение с Советским Союзом. Сталин, едва ли не панически боявшийся японцев, был в высшей степени удовлетворен расколом в Пакте; ради этого раскола он во многом шел на договоренность с Германией.

Канун мировой войны

А Гитлер уже 22 августа созвал в Оберзальцбург своих генералов. Даже много лет знавшие фюрера не видели его столь высокомерно настроенным. Бесспорный хозяин страны говорил безапелляционным тоном о том, что фактор его и Муссолини личностей образует основу исторического действия. «В базовом смысле все зависит от меня, от моего существования в свете моих политических талантов. Никогда и никому, вероятно, не удастся завоевать доверие немецкой нации так, как это удалось мне. Возможно, никогда больше не появится человек с таким авторитетом, как у меня». Прусские генералы покорно внимали этому уроку скромности. В Европе, кроме себя, фюрер отметил Муссолини и Франко. «В Англии и Франции нет выдающихся личностей». Далее Гитлер перешел к конкретным вопросам. «Нам нетрудно принять решение. Нам нечего терять; мы можем лишь выиграть. Наша экономическая ситуация такова, что мы не в состоянии держаться более нескольких лет, Геринг может подтвердить это. У нас нет выбора, мы должны действовать. Наши противники рискуют многим, а шансов на успех у них мало. Ставка Англии в войне невообразимо велика. Но нашими врагами руководят посредственности. Нет мастеров, нет людей действия. Никто не знает, сколько мне отпущено еще лет. Сейчас мне пятьдесят, я в самом расцвете сил. И лучше начать войну сейчас, а не через пять лет, когда мы с Муссолини постареем... Политическая ситуация благоприятствует нам: в Средиземном море соперничают Италия, Франция и Англия, на Востоке поднимается давление... Англия находится в огромной опасности. Позиция Франции также ухудшилась. Упадок показателей рождаемости... Югославия содержит в себе микробы распада... Румыния слабее, чем прежде... После смерти Кемала Турцией правят слабые, неуравновешенные, мел-

кие умы. Все эти благоприятные обстоятельства не будут длиться более двух или трех лет. Никто не знает, как долго я буду жить. Поэтому финал, который был преждевременным пять или шесть лет назад, следует приблизить. Ганнибал при Каннах, Фридрих Великий при Лойтене, Гинденбург и Людендорф при Танненберге рисковали. И мы должны сейчас пойти на риск, вооружившись железной решимостью... Наступило время испытать военную машину. Армия должна показать себя в предстоящей битве, прежде чем наступит большое и окончательное сведение счетов на Западе».

Козырную карту Гитлер приберег под занавес. «У врага была надежда, что Россия станет нашим противником после завоевания Польши. Враг не рассчитал величайшей силы моей решимости. Наши враги – это маленькие черви. Я видел их в Мюнхене. Я был убежден, что Сталин никогда не примет английского предложения. Только безудержный оптимист мог поверить в то, что Сталин настолько потеряет рассудок, что не увидит подлинный смысл английских намерений. У России нет никакого интереса поддерживать Польшу... Смещение Литвина было решающим обстоятельством. Я воспринял его как выстрел пушки, извещающий о перемене позиции Москвы в отношении западных держав. Изменение нашей позиции в отношении России я осуществил постепенно. В связи с торговым договором мы начали политические беседы. В конце концов от русских последовало предложение о заключении договора о ненападении. Четыре дня назад я пошел на особый шаг, который привел к тому, что Россия вчера объявила о том, что готова подписать договор. Личный контакт со Сталиным установлен. Послезавтра Риббентроп подпишет договор. Сейчас Польша находится в том положении, в какое я хотел ее поставить... Нам не нужно бояться блокады. Восток снабдит нас зерном, скотом, углем, свинцом и цинком. Это грандиозная цель, требующая грандиозных усилий. Единственное, чего я боюсь, так это того, что какая-нибудь свинья в последний момент испортит мою игру своими посредническими усилиями. В политике перед нами стоят далеко идущие планы. Положено начало сокрушению британской гегемонии. Я завершил политические приготовления, теперь дорога открыта для солдата».

После этих слов Геринг вскочил на стол и исполнил танец дикаря, сопровождая его кровавыми выкриками. (На суде в Нюрнберге маршал отверг этот факт, засвидетельствованный многими: «Речь была произнесена в большой гостиной частного дома Гитлера. У меня нет привычки прыгать на столе в частных домах. Такое поведение абсолютно неприемлемо для германского офицера».)

После общего обеда Гитлер напутствовал своих военачальников следующим образом: «Несгибаемой поступью по всей земле... Длительный мирный период не принесет нам пользы... Задача номер один – разгром Польши, даже если на Западе разразится война... Действуйте безжалостно, 80 миллионов человек должны получить то, что они заслуживают. Их существование надо обеспечить во что бы то ни стало. Максимум жестокости. Вина за неудачи ляжет на тех командиров, которые поддадутся панике. Наша цель разрушить Польшу до основания. Главное – скорость. Преследовать до полного уничтожения».

Нет сомнения, что Сталин ожидал «вязкой» войны на Западе. Судя по всему, он предполагал увидеть повтор окопной войны 1914–1918 годов с ее изматывающими обе стороны последствиями. Ему мнилась роль «третьего радующегося». Если бы Сталин мог представить себе майский блицкриг 1940 года, он не был бы так самонадеян с Риббентропом в августе 1939 года. Но нельзя также забывать, что в 1941 году Британия вела отчаянную войну с Германией, а в 1939 году у Сталина были определенные сомнения по поводу вступления Запада в борьбу, если германские танки после Польши устремятся в Россию. Британия и Франция к тому времени уже пожертвовали Австрией и Чехословакией, к которым они, разумеется, относились с большей симпатией, чем к большевикам.

Настоящий союз с Западом, как показало лето 1939 года, не получился. Германия же указывала: мир на границах России может обеспечить – как и в прежние времена – только она.

Но Сталина, несомненно, страшила перспектива остаться с Германией – почти победившей своих многочисленных противников в 1918 году – один на один.

И все же, если бы летом 1939 года Сталин и его окружение ощущали отличие фашизма от буржуазной демократии, надежность англо-французов и заведомую агрессивность нацизма, события развернулись бы по-иному. Невозможно оправдать шаг, который отводил войну в соседние пределы, давал передышку на время, но в конечном счете гарантировал возвращение зверя на давно намеченную тропу.

Каким бы гигантским ни был конечный просчет Сталина, он сопоставим с просчетом англичан и французов, политическое мышление которых было парализовано страхом перед новой мировой войной. Еще 15 августа, когда Гендерсон и Кулондр посетили Вайцзеккера и тот сказал им, что Советский Союз «в конечном счете присоединится к разделу Польши», ситуацию можно было изменить. Но, как все яснее становится с годами, для Чемберлена Гитлер все же был человеком западных традиций, а Сталин – непримиримым азиатом. То, что главной целью Гитлера была замена британской имперской монополии на германскую, не проникало в сознание премьера. Он как бы «перепутал» своего первого и второго противника.

Печальная роль польской дипломатии дорого оплачена горькой участью самой Польши. В этом смысле западные и восточные славяне прошли один трагический путь. Несомненно, эти народы заслуживали лучшего представительства и лучшей судьбы.

Если Чемберлен и Даладье оправдывали Мюнхен как способ выиграть время для вооружения против агрессора за счет третьей стороны, то ту же логику без особого труда можно приложить к Сталину августа 1939 года. Во всем этом видно общеевропейское смятение трагической первой половины века. Цинизм европейских правителей, их высокомерие, внутренняя сумятица, страх и сомнение позволили «герою» этой истории – Гитлеру – расколоть смертельно опасный для него фронт.

Запад после Московского договора

Подписание советско-германского договора не ослабило решимости Лондона. Во второй половине дня 22 августа британский кабинет подтвердил свои обещания Польше. Были предприняты предмобилизационные меры. На этот раз Чемберлен желал, чтобы не было никакой двусмысленности. С этой целью он написал личное письмо Гитлеру: «Провозглашение германо-советского соглашения воспринято в некоторых кругах в Берлине таким образом, будто не следует рассматривать возможности вмешательства Великобритании на стороне Польши. Большой ошибки сделать просто невозможно. Какой бы ни оказалась сущность германо-советского соглашения, оно не может изменить обязательств Великобритании в отношении Польши. Имеется мнение, что если бы правительство Его Величества сделало свою позицию в 1914 году более ясной, то мировая катастрофа была бы предотвращена. Справедливо это утверждение или нет, но правительство Его Величества на этот раз полно решимости избежать такого трагического взаимонепонимания. Если возникнут соответствующие обстоятельства, оно готово использовать без задержки все силы, находящиеся в его распоряжении».

Получив письмо, Гитлер впал в характерную для него истерику. Фольксдойче в Польше подвергаются преследованиям, шесть из них кастрировано. Посол Гендерсон передавал в Лондон слова фюрера: «Мне пятьдесят лет; я предпочитаю начать войну сейчас, а не тогда, когда мне будет пятьдесят пять или шестьдесят». В германском архиве хранится протокол немецкой стороны: «Англия должна твердо осознать, что, бывший солдат-фронтовик Гитлер знает, что такое война, и использует все имеющиеся в его распоряжении средства. Для каждого ясно, что мировая война (1914–1918 годов) не была бы проиграна, если бы он был канцлером в то время... Если Британия нападет на Германию, она найдет ее в состоянии готовности и полной решимости».

Через два дня, 25 августа, Гитлер пообещал Гендерсону дать «гарантии существования Британской империи» и даже предоставить ей необходимую помощь – но только после германо-польского конфликта. В качестве официального ответа Чемберлену он заявил, что германский рейх готов решить проблему Данцига и польского коридора «с беспрецедентным великодушием». Безоговорочные же гарантии Англии Польше Гитлер оценил как «поощрение волны ужасающего терроризма против миллиона с половиной немцев, живущих в Польше».

Германия уже отобилировала свою армию, но поляки, боясь спровоцировать рейх и следуя совету англичан, откладывали час своей мобилизации. Немцы сосредоточили непосредственно на польских границах пятьдесят шесть дивизий, в том числе девять танковых. Против них стояли лишь тридцать польских дивизий. Полякам дали несколько дополнительных дней мира итальянцы. Утром 25 августа Муссолини получил письмо Гитлера, в котором тот уведомлял, что намерен действовать против Польши «немедленно». Гитлер был уверен в своем союзнике, подписавшем «Стальной пакт» лишь три месяца назад. Однако Муссолини на этом этапе не желал выступать. Им владело не миролюбие, а страх перед войной, к которой Италия не была готова. Вечером этого же дня Гитлер читал ответ своего итальянского союзника: «Италия не сможет противостоять нападению, которое французы и англичане направят преимущественно против нас». Разъяренный Гитлер приказал вызванному Кейтелю: «Остановить все». Была намечена новая дата – 1 сентября 1939 года. Мир еще не знал, сколько дней отделяет его от войны.

Гитлер попытался в последний раз нащупать слабое место англичан. Он обратился к Лондону с шокирующим предложением «заключить союз с Германией». Одно лишь рассмотрение подобного предложения разрушило бы доверие к Британии во Франции, Польше, Румынии, Турции, Греции и – что становилось все более важным – в Соединенных Штатах. Но посол Гендерсон ответил Гитлеру: «Лично я не исключаю такой возможности». Только грубость фюрера оттолкнула этого крайнего сторонника умиротворения: когда Гитлер 29 августа потребовал посылки в Берлин польской делегации для ведения переговоров, посол ответил, что это диктат. При этом Гендерсон все же порекомендовал Парижу оказать давление на польское правительство, «чтобы реализовать визит Бека, который представляет собой единственный шанс предотвращения войны». Посредником попытался выступить и римский папа. Но в Лондоне наконец-то возобладало мнение, что ультиматум Гитлера «полностью лишен смысла».

Даладье также постарался поколебать решимость Гитлера. Он писал 26 августа: «Если кровь Франции и Германии польется снова, как это было двадцать пять лет назад, в еще более длительной и человекоубийственной войне, каждый из наших народов будет сражаться в полной уверенности в своей победе, но наиболее вероятными победителями будут силы разрушения и варварства». Отвечая, Гитлер постарался сыграть на нежелании французов «сражаться за Данциг». Германия не имеет территориальных претензий к Франции, нет никакой нужды обращаться к оружию. Если это все же случится, «ему будет очень больно».

В последний час Гитлер еще раз попытался удержать Британию от вхождения в конфликт. На помощь был призван шведский промышленник Далерус, который вершил свою челночную дипломатию между Лондоном и Берлином. Гитлер принял его с письмом от Галифакса. Далерус говорил о решимости англичан вступить в конфликт глобального масштаба. «Гитлер, – вспоминает Далерус, – слушал меня, не прерывая, но затем внезапно вскочил, разволновался и стал нервно шагать взад и вперед, говоря как бы себе, что Германия неудержима... Его голос сбивался, это было поведение абсолютно ненормального человека. Он говорил прерывающимся голосом: «Если начнется война, я буду строить подводные лодки, строить подводные лодки, подводные лодки, подводные лодки, подводные лодки». Затем он спросил: «Господин Далерус, вы знаете Англию так хорошо, можете ли вы объяснить мне мои постоянные неудачи договориться с ней?». Далерус признается, что вначале он колебался, а затем сказал: «Англичане не имеют доверия к вам и вашему правительству, в этом причина». – «Идиоты! –

вскричал Гитлер, ударив себя рукой в грудь, – лгал ли я когда-нибудь в жизни?». Этот вопрос остался без ответа.

Гитлер вызвал в рейхсканцелярию посла Гендерсона. «Мои солдаты спрашивают меня: «да» или «нет»? Они уже потеряли неделю, они не могут позволить себе потерять еще одну, поскольку к их врагам в Польше добавится дождь». Гитлер хотел еще одного Мюнхена. Гендерсон рекомендовал полякам прибыть к Гитлеру, но и он уже начал терять терпение. Вечером 28 августа Гендерсон сообщил Гитлеру, что поляки могут приступить к переговорам, они ждут германских предложений. На короткий миг в западных столицах затеплилась надежда. Ложная. В психическом плане Гитлер обрел свою самую агрессивную форму и обратился по телефону к возглавляющим верховный штаб вермахта Браухичу и Гальдеру: «Наступление начнется 1 сентября. В случае необходимости задержки фюрер известит нас. Намечено в ходе переговоров поставить поляков перед неприемлемыми условиями и добиться таким образом максимальных результатов... План таков: мы требуем Данцига, прохода через Коридор и плебисцита. Англия, возможно, согласится. Поляки, скорее всего, нет. Вобьем клин между ними!»

Утром 30 августа британский посол в Варшаве протелеграфировал Галифаксу, что «невозможно побудить польское правительство послать господина Бека или любого другого представителя немедленно в Берлин для обсуждения разрешения вопросов на основе, предложенной Гитлером». Они согласны на «переговоры равных в нейтральной стране».

В полдень 31 августа 1939 года Гитлер издал директиву № 1 по ведению войны: «1. Теперь, когда все политические возможности, предоставляемые мирными средствами для изменения ситуации на восточной границе, которая нетерпима для Германии, исчерпаны, я полон решимости приступить к силовому решению. 2. Нападение на Польшу должно быть осуществлено в соответствии с приготовлениями, предусмотренными планом «Вайс»... Дата выступления: 1 сентября 1939 г. Время выступления: 4.45 утра... В ведении войны против Англии должны быть осуществлены приготовления для использования люфтваффе с целью нарушения поступления в Англию запасов морем, уничтожения военной промышленности, предотвращения транспортировки войск во Францию».

Вечером этого последнего дня мира посол Гендерсон, так много – вольно или невольно – сделавший для создания благоприятствующей германскому рейху атмосферы, пришел все же к выводу: силе должна быть противопоставлена сила.

В конце августа 1939 года Черчилль гостил у своих французских друзей в старинном замке. Подписание советско-германского пакта вынудило его вернуться домой. На пути в Лондон он встретился в Париже с генералом Жоржем. Тот предоставил ему цифры, характеризующие мощь французской и германской армий. Результат этого экспозе произвел глубокое впечатление на Черчилля, он удовлетворенно сказал: «Вы их превосходите». Генерал ответил: «Но все же у немцев очень сильная армия, и они не позволят нам нанести удар первыми. Если же они атакуют нас, обе наши страны объединятся, чтобы исполнить свой долг». По прибытии в Чартвел Черчилль попросил генерала Айронсайда, только что вернувшегося из Польши, представить свою оценку польской армии. Эта оценка была в высшей степени лестной для Варшавы. Генерал Айронсайд видел военные маневры поляков, он говорил, что мораль польских войск чрезвычайно высока и что они готовы к борьбе.

У Черчилля не было никаких сомнений, что Гитлер нанесет удар не на Западе, а против Польши. Не следовало позволять немцам быстро сокрушить Польшу, ибо тогда Германия будет иметь лишь один, западный, фронт. Франция может выставить до шести миллионов человек, но она не в силах конкурировать с германской индустрией. Следовало нагнать немцев там, где они были наиболее сильны – в научной организации производства. Концентрация сил решала все. Черчилль посетил границу на Рейне. С французской стороны висел гигантский плакат: «Свобода, равенство, братство». С германской – «Один народ, один рейх, один фюрер». Черчилль вспомнил, как он выступал в 1915 году в пользу «наземных крейсеров». Тогда француз-

ские генералы смеялись от души и говорили, что английские политические деятели еще забавнее французских. Выстоит ли Франция теперь, окажет ли она помощь восточному союзнику? Черчилль видел, что «дух Марны» покинул французскую армию. Эта страна отличалась от той, что выстояла в 1914–1918 годах. Потеря 27 процентов населения от восемнадцати до двадцати семи лет нанесла нации незаживающую рану.

К рассвету 1 сентября 1939 года на польской границе были сосредоточены полтора миллиона германских солдат. Их удар был нацелен на Варшаву с севера, запада и юга. Мир увидел, что такое современная война. Броску танков предшествовала бомбардировка мостов, железнодорожных путей, колонн войск, складов и городов. Террор тотальной войны обозначился с первых минут.

Утром Гитлер прибыл в рейхстаг для объяснения причин войны. Подобранный и покорный рейхстаг притих. «Этой ночью впервые регулярные войска стреляли в нас на нашей собственной территории». Речь шла о фальсифицированной атаке переодетыми в польскую форму немцами радиостанции города Гляйвиц. В течение первого дня войны министерство иностранных дел Германии распространило эту ложь по всему миру. Детали имитации нападения на радиостанцию открылись во время Нюрнбергского процесса.

Своим преемником Гитлер назначил Геринга, а того, в свою очередь, должен был сменить Гесс. Гитлер снова надел серую военную форму и пообещал не снимать ее до «достижения победы, иного я не переживу». Он переселился в специальный поезд, названный «Америка», в пятнадцати вагонах которого располагался его штаб. Отсюда на своем «Мерседесе» выезжал в окрестные места, здесь, называя себя «первым солдатом Германского Рейха», он подолгу сидел над картами. Своими глазами он видел, как созданная им новая германская армия бросилась в первые битвы Второй мировой войны.

Сколько продержалась Польша

В Париже Даладье спросил генерала Гамелена, сколько времени может продержаться Польша. Тот уверенно ответил, что она будет отвлекать основную массу германских войск до весны, к тому времени французы отоблизируют свою армию, а Британия полностью придет на помощь Франции. Но не все армейские чины были столь оптимистичны, и военный совет пришел к заключению, что у Франции нет альтернативы выполнению своего союзнического обязательства – через несколько месяцев Германия чрезвычайно усилится, если в ее распоряжении будут польские и румынские ресурсы.

1 сентября 1939 года Черчилля разбудил телефонный звонок посла Рачиньского, сообщившего, что пятьдесят шесть немецких дивизий пересекли польскую границу. Черчилль принимал ванну и завтракал, когда следовали звонки польского посла: военно-воздушные силы Германии бомбят польские города. Но когда Черчилль связался с военным министерством, там даже не знали, что Германия начала войну против Польши. Генерал Айронсайд отметил в своем дневнике, что в 10 часов утра ему позвонил Черчилль: «Они начали. Сейчас происходит бомбардировка Варшавы и Кракова». Айронсайд позвонил начальнику имперского генерального штаба лорду Горту, и тот отказался поверить этому сообщению. Еще хуже была реакция Франции. Мобилизовав свои силы, она не решилась ринуться через германскую границу, где в то время сотне французских дивизий противостояли десять немецких. Впрочем, Гитлер был абсолютно уверен, что французы не выйдут за «линию Мажино». Более того, и Париж, и Лондон выразили готовность начать переговоры с Берлином, если немецкие войска будут выведены из Польши. Теперь Гитлер твердо знал, что и без помощи Муссолини он решит свою польскую проблему: западные союзники не двинутся вперед.

Вечером 2 сентября премьер Чемберлен, покинув палату общин, позвонил Даладье: «Положение очень тяжелое... В палате общин ожесточение... Если Франция будет настаивать

на сорокавосемичасовом периоде ультиматума, начиная с завтрашнего полудня, правительство здесь не сохранит контроль над ситуацией». Премьер-министр осознал, что именно на Францию падает основное бремя германского наступления. Нужно принимать какие-то меры уже сегодня вечером. Он предлагает компромисс. Ультиматум в 8 утра завтра, истекающий в полдень. Даладье ответил: «Если британские бомбардировщики готовы к действию, для Франции было бы лучше отсрочить их вылет».

Телеграмма Галифакса Гендерсону пришла в 4 часа утра по берлинскому времени. «Если не позже чем в 11 часов утра по британскому летнему времени сегодня, в воскресенье, 3 сентября, удовлетворительные заверения германского правительства не будут переданы правительству Его Величества в Лондоне, между двумя странами с этого часа будет существовать состояние войны».

Гендерсону на Вильгельмштрассе сказали, что Риббентропа не будет до 9 часов утра, но он может оставить свою ноту переводчику Шмидту. Тот, проспав, прибыл в министерство на такси и увидел британского посла, поднимающегося по лестнице. Через боковой вход Шмидт сумел проскользнуть в кабинет Риббентропа, когда часы били 9 утра. Стоя посередине комнаты, Гендерсон зачитал британскую ноту, вручил ее Шмидту и попрощался. Шмидт же помчался в рейхсканцелярию. «Когда я вошел, Гитлер сидел за столом, а Риббентроп стоял у окна. Оба выжидающе посмотрели на меня. Я остановился на некотором расстоянии от стола Гитлера и медленно перевел британский ультиматум. Когда я кончил, наступила полная тишина... «Что теперь?» – спросил Гитлер, дико глядя на Риббентропа, словно министр иностранных дел умышленно неверно ориентировал его относительно возможной реакции Англии. В соседней комнате Геринг, узнав новость, сказал: «Если мы проиграем эту войну, пусть бог будет милостив к нам». Геббельс одиноко стоял в углу, погруженный в себя. Каждый, кого я видел в этой комнате, выглядел озабоченным».

Во второй половине дня 3 сентября 1939 года германское руководство пригласило Сталина присоединиться к выступлению против Польши: «Мы намерены разбить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы возьмем под свой контроль территорию, которая определена в Москве как германская зона влияния. По военным соображениям мы, естественно, будем вести боевые действия против тех польских войск, которые расположены на польской территории, принадлежащей к русской сфере интересов. Пожалуйста, обсудите с Молотовым возможность того, чтобы русские силы двинулись в нужное время против польских сил в сфере русских интересов и оккупировали эту территорию. По нашим оценкам, это будет не только помощью нам, но и соответствием духу московского соглашения, а также советским интересам».

Вечером 3 сентября спецпоезд «Америка» отправился из Берлина в Померанию. Поезд блестел лаком – его подготовили в самые последние дни августа. Личный фотограф был в постоянной готовности запечатлеть сцены нового похода.

Крушение Польши

Гитлер был азартным игроком. На западе он не оставил ни одного танка, ни одного самолета и лишь с трехдневным запасом боеприпасов начал польскую кампанию. Удар французской армии был бы смертелен, но его не последовало. Фантастически точно сбылось предсказание фюрера – западные союзники не шелохнулись. Они не оказали жертве помощи. Тридцать три дивизии, оставленные Гитлером на Западном фронте, зря ожидали удара. 70 французских дивизий с 3 тысячами танков стояли на месте, когда Польша приняла на себя удар страшной силы.

Германские бомбардировщики нанесли удар по штабу польской армии, по основным коммуникациям страны и – ради устрашения – по польским городам. Западные союзники в эти

роковые дни занимались дипломатией, 3-го сентября Англия и Франция предъявили Германии ультиматум, требуя отвода германских войск. По истечении 24 часов они оказались в состоянии войны с германским рейхом. Но к этому времени 4-я германская армия, действовавшая с территории Померании, уже соединилась с 3-й армией, наступавшей со стороны Восточной Пруссии. Польского «коридора», отделявшего Восточную Пруссию от основной части рейха, больше не существовало. К 7-му сентября рухнула линия обороны поляков по реке Варте, западнее Варшавы, и польская столица оказалась открытой перед штурмующими колоннами немцев и с севера, и с запада. А на юге уже в 50 километрах от Варшавы оказалась южная группировка германских войск.

Командиры всех трех армий получили приказ встретиться не в Варшаве, а значительно восточнее, на берегах реки Буг. В эти дни была осуществлена фактически единственная успешная операция польской армии – ее познаньская группировка развернулась и нанесла удар в тыл 8-й и 10-й германским армиям, нанеся им весьма ощутимые потери. И все же Варшава была окружена 17 сентября, и методичный противник польской армии начал безжалостные бомбардировки польской столицы, которые продолжались до 27 сентября, когда защитники столицы и капитулировали. Все замыслы отхода к труднопроходимым Припятским болотам угасли 17 сентября, когда Красная Армия, отвечая на призывы германского командования от 3-го и 10-го сентября, перешла государственную границу. 217 тысяч (из оставшихся 910 тысяч польской армии) оказались в плену Красной Армии, и 6 октября 1939 г. сопротивление польских вооруженных сил прекратилось. Примерно 100 тысяч солдат и офицеров польской армии перешли границу Литвы, Румынии и Венгрии, остальные оказались в плену вермахта и Красной Армии. Польское государство, воссозданное в 1918 году, снова погрузилось в пучину исторического небытия. Германия развязала себе руки на Востоке и могла отныне концентрироваться для наступательных действий на Западе.

И хотя часть германского генералитета все еще считала, что нацистский вермахт – не чета великолепной кайзеровской армии (фон Браухич в присутствии Гитлера в рейхсканцелярии 5 ноября 1940 года), всему миру стало ясно, что Германия создала военную машину феноменальной прочности и эффективности. Поляки, при всем их национальном рвении, ничего не могли противопоставить танковым частям Гудериана и Клейста, их стратегии и тактике, боевым качествам немецких солдат.

Германское военное командование пришло к выводу, что Польша сокрушена, уже на пятый день войны. Гальдер записал в дневнике: «Враг практически разбит». Войска генерала фон Клюге, действовавшие в Померании, сомкнулись с войсками генерала фон Кюхлера, базировавшимися в Восточной Пруссии. Против танков, самолетов-штурмовиков, повсеместно введенного радио поляки выставили эскадроны с пиками. Большинство из пятисот польских самолетов было разбито на земле. Через неделю боев немецкие танки вышли к Варшаве. Мир узнал, что такое блицкриг. Тридцать пять польских дивизий продержались лишь неделю. Следующей после Варшавы целью стал Брест-Литовск. Именно сюда 17 сентября вышли патрули группировки генерала Листа с юга и танки Гудериана с севера. К этому времени польское правительство, покидая страну, уже пересекло румынскую границу.

Нет сомнения в том, что быстрота действий немцев поразила Сталина. Молотов, реагируя на германское предложение выступить против Польши, говорил 5 сентября, что «время еще не пришло». Но время могло и не прийти. О том, что Москва была в растерянности, говорит исходившее оттуда требование соблюдать разделение зон. Очевидно, Сталин боялся полной оккупации Польши, нарушения немцами договоренности, выхода вермахта к советской границе на огромном ее протяжении. По крайней мере, переписка этих дней не похожа на почти союзнические тосты 23 августа. Видно, как быстро наглет одна сторона и как смешаны чувства другой, понимающей, что оправдываются ее худшие подозрения.

Собственно, широко открыл глаза весь мир. Предполагалось, что начнется повторение Первой мировой войны с ее окопами и многолетним стоянием на месте, что оборона будет сильнее нападения. Теперь приходилось болезненно переосмысливать стратегию и тактику. Нападение благодаря мотору оказалось сильнее обороны. Немцы сокрушили Польшу ценой 11 тысяч убитых и 30 тысяч раненых. К немцам в плен попали 694 тысячи польских солдат. В плену у Красной Армии оказалась 217 тысяч. Но нужно отметить, что запасы немцев подошли к концу, и если бы французы предприняли наступление, немецкой армии было бы трудно сопротивляться.

Кремлевское руководство испытывало неприятное потрясение – здесь рассчитывали минимум на «семь недель польского сопротивления» (так говорил Молотов германскому послу 10 сентября). Теперь политика тоже должна была ускорить свой шаг.

Риббентроп пишет 8 сентября Шуленбургу, что боевые действия в Польше «прогрессируют даже быстрее ожидавшегося», поэтому германское правительство желает знать намерения Москвы. На следующий день Молотов пообещал, что советские войска выступят «в течение нескольких дней», а 10 сентября Молотов сказал Шуленбургу следующее: «Польша распадается, и для Советского Союза становится необходимым прийти на помощь украинцам и белорусам, оказавшимся под угрозой Германии». Этот аргумент Молотову, по мнению Шуленбурга, был «необходим для того, чтобы вмешательство Советского Союза стало понятным массам и Советский Союз не выглядел бы агрессором».

Риббентроп сообщил 15 сентября, что правительство рейха приветствовало бы выступление советских войск. Встреча посла с наркомом состоялась 16 сентября, и ее описание было отправлено в Берлин: «Военное вмешательство Советского Союза будет совершено вскоре – возможно, даже завтра или днем позже. Сталин в настоящее время консультируется с военными руководителями... Советское правительство намерено оправдать свои действия следующим образом: польское государство распалось и более не существует, поэтому все соглашения с Польшей недействительны; третьи державы могут попытаться воспользоваться возникшим хаосом; советское правительство считает себя обязанным вмешаться с целью защиты украинских и белорусских братьев и сделать все возможное, чтобы этим несчастным людям можно было работать в мире». Поскольку «третьей державой» могла быть лишь Германия, Шуленбург воспротивился. Молотов пожаловался, что у советской стороны нет иной мотивации, и просил немцев не быть сверхчувствительными.

В 2 часа ночи 17 сентября Шуленбурга принял Сталин и объявил, что Красная Армия пересечет польскую границу в 6 часов утра. Он «с величайшей охотой» (слова Шуленбурга) пошел на желаемые немцам изменения в советском коммюнике по этому поводу. Секрет договоренности прятался так хорошо, что, когда генерал Йодль узнал о выступлении Красной Армии, он спросил: «Против кого?» Немецкие части в некоторых местах на 200 км углубились на территорию, которая, согласно опубликованной в газете «Правде» карте, являлась зоной ответственности Советского Союза. На следующий день (18-го) германские и советские части встретились в Брест-Литовске, в городе, где более двадцати лет назад немцы навязали России жестокий договор.

Не будем преувеличивать достоинств возникшего квазисоюза. Сталин чрезвычайно боялся нарушения немцами соглашения. Он постоянно спрашивал (в частности, Шуленбурга 17 сентября), будут ли немцы соблюдать условия соглашения. «Учитывая хорошо известную недоверчивость Сталина, – писал Шуленбург в Берлин, – я был бы благодарен, если бы мне позволено было сделать заявление, снимающее такие подозрения». Риббентроп успокоил Сталина: «Соглашения, которые я заключил в Москве, безусловно будут соблюдаться, они рассматриваются нами как краеугольный камень новых дружественных отношений между Германией и Советским Союзом». Но в тот же день Сталин пошел еще дальше. По его поручению Молотов сообщил Шуленбургу, что «первоначальное намерение советского правительства и

Сталина лично позволить существование остаточной Польши уступило место намерению разделить Польшу по линии Нисса – Нарев – Висла – Сан. Советское правительство желало бы начать переговоры по этому поводу». Риббентроп 23 сентября ответил положительно: «Русская идея о разграничительной линии по четырем хорошо известным рекам совпадает с точкой зрения правительства рейха». Он согласен прилететь в Москву для окончательного разрешения вопроса о границе.

Сталин спешил определить контуры предстоящей сделки. Шуленбург сообщал в Берлин 25 сентября: «Вся провинция вокруг Варшавы, распространенная до Буга, должна стать нашей долей. В обмен мы должны отказаться от притязаний на Литву». Что же крылось за этим делом? Сталин старался получить все возможное, используя нестабильность ситуации: вернуть территории, потеря которых началась в период исторической слабости России в Брест-Литовске, ввести в состав Союза прибалтийские государства. В то же время он предложил Гитлеру инкорпорировать в германскую зону все польское население. Таким образом, выходя к Балтике, СССР укрепит свои стратегические позиции в Европе, а Германия получит Польшу с ее бессмертной традицией борьбы за национальное возрождение.

Рейхсминистр иностранных дел прибыл в Москву во второй половине дня 28 сентября 1939 года. Перед отъездом в Кремль в посольстве ему показали телеграмму из Таллина: СССР потребовал создания баз на эстонской территории. В Кремле его встретил сам Сталин. Вечером этого дня Риббентроп согласился с созданием баз. А на следующий день он уведомил Сталина о приказе Гитлера эвакуировать в Германию 86 тысяч фольксдойче из Эстонии и Латвии. По мнению А. Буллока, «для Сталина контроль над Литвой позволил бы русским закрыть Балтийский коридор, ведущий к Ленинграду, чему он придавал исключительное значение». В 5 часов утра 29 сентября после дискуссий, изучения топографических карт и внутренних совещаний Молотов и Риббентроп поставили подписи под новым договором – «Германо-советским договором о границе и дружбе». Сталин, согласно немецкому отчету, светился от удовлетворения. Обед в честь германского посла превосходил роскошью все прежнее, после обеда в честь посла в Большом выступали звезды балета.

По возвращении из театра Риббентропа ждал телефонный вызов из Берлина. Гитлер нуждался в стабилизации положения, и он согласился передать Литву в советскую зону влияния. Гитлер, согласно Риббентропу, сказал: «Я хочу установить достаточно прочные и тесные отношения». Что Сталин прокомментировал так: «Гитлер знает свое дело». В «Правде» появилась новая карта Польши, на которой германская доля была увеличена. 28 сентября 1939 г. в Москве было выпущено совместное коммюнике: «После определенного урегулирования проблем, связанных с крахом польского государства... в подлинных интересах всех народов положить конец состоянию войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой».

Переходя в сослагательное и вопросительное наклонение, можно задаться вопросом: мог ли Гитлер продолжить свой блестящий успех в Польше, показавший всему миру мощь вермахта, требуя от Сталина уступок в Польше, Прибалтике, на юго-востоке Европы? Мог, но это было рискованно. На Западе ему объявили войну Англия и Франция, и Гитлер предпочел быть уступчивым в сентябре 1939 года, чтобы «спокойно» решить свою западную задачу, а затем обратиться к финальному решению на Востоке. А Сталин в ноябре 1939 года говорил примирительно о нацистах ближайшему окружению: «Это буржуазные националисты, способные на резкий поворот; они гибкие, они не привязаны к капиталистическим традициям».² Теперь он советовал позабыть о прежних концепциях и «думать о путях, диктуемых меняющимися обстоятельствами». Подписание договора с Германией он назвал «поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы». (Даже после войны он периодически демонстрировал

² «Известия ЦК КПСС», № 4, 1990, с. 202–203.

ностальгию: «Эх, вместе с немцами мы были бы непобедимы».³ В апреле 1941 года Сталин был готов распустить Коминтерн ради сохранения дружбы с Германией).

Сталин и Молотов произносили свои, звучащие сейчас дико, тосты во славу германского оружия, но оба государства, Германия и Советский Союз, понимали, что конечное выяснение отношений им еще предстояло. Вопрос заключался в том, с какими силами обе стороны придут к нему.

³ «Известия ЦК КПСС», № 4, 1990, с. 203–204.

Глава четвертая

Блицкриг на Западе

Весь мир был удивлен тем, что Англия и Франция не помогли Польше в те дни, когда германская военная машина сокрушала польское государство. Английские самолеты лишь разбрасывали листовки над германской территорией. По просьбе французского правительства они даже не бомбили немецкие цели – французы боялись возмездия.

Заметим, что если британские гарантии Польше носили общий характер, то французская сторона имела довольно четкие обязательства. Во время франко-польской военной конференции 19 мая 1939 года было решено, что французы «в прогрессирующем порядке» начнут наступательные операции на третий день после начала всеобщей мобилизации (таким днем стало 1 сентября). Кроме того, французы обещали: «Как только главные германские войска станут разворачиваться против Польши, Франция начнет наступательные действия против Германии основной массой своих войск на пятнадцатый день после первого дня всеобщей французской мобилизации». Было определено, что в этих операциях примет участие тридцать пять – тридцать восемь французских дивизий. Когда Польша гибла, ее союзники развлекали свои войска футбольными матчами. Первый британский солдат погиб на Западном фронте 9 декабря 1939 года. На Нюрнбергском процессе генерал Йодль скажет: «Мы не потерпели поражение в 1939 году только потому, что во время польской кампании примерно 110 французских и британских дивизий на Западе бездействовали, стоя перед 23 немецкими дивизиями».

«Странная война» велась на суше, но не на море. Военно-морское ведомство Британии с самого начала оказалось задействованным в войне, поскольку уже 3 сентября германские подводные лодки начали топить английские суда. У англичан в то время был крупнейший в мире торговый флот водоизмещением в 21 миллион тонн. У немцев имелись 60 боевых подводных лодок, и еще одна сотня подводных лодок должна была быть готова в 1940 году.

В эти дни новый первый лорд адмиралтейства Черчилль был далек от оптимистической оценки международной ситуации. «Польша покорена за неделю; Франция представляет собой слабое отражение бывшей воинственной нации; русский колосс больше не является союзником, а может даже стать и противником, Италия не является другом. Япония не является союзником. Вступит ли Америка снова в войну? Силы Британской империи пока не тронуты, и она объединила их, но она плохо подготовлена, хотя и все еще властвует на морях. Это позволило осуществить блокаду Германии». Германские торговые корабли замерли в портах, где они находились 3 сентября. В конце сентября примерно 325 германских торговых кораблей водоизмещением 750 тысяч тонн были интернированы в иностранных портах или конфискованы.

В представленном военному кабинету 25 сентября 1939 года меморандуме Черчилль писал, что теперь «Германия обнажила свой Восточный фронт. Большая германская армия неизбежно будет оставлена здесь для того, чтобы наблюдать за соседом. Я видел анализ, осуществленный генералом де Голлем, – он также считает, что здесь у немцев должно остаться не меньше 20 дивизий. Поэтому Восточный фронт, хотя и потенциально, но уже существует». Выступая по радио 1 октября 1939 года, Черчилль сказал: «То, что русские стоят на разграничительной линии в Польше, объясняется необходимостью обезопасить Россию от нацистской угрозы. В любом случае уже существует демаркационная линия, и Восточный фронт все же создан. Я не могу предсказать действия России, это загадка... Но, возможно, к ней существует ключ. Этим ключом являются национальные интересы России. Не может совпадать с интересами безопасности России то обстоятельство, что Германия разместится на берегах Черного моря, или то, что она захватит балканские государства и подчинит народы Юго-Восточной

Европы. Это было бы противоположно жизненным интересам России». В свете вышесказанного, полагал Черчилль, советско-германские противоречия неизбежны.

Мирные инициативы Германии

Как обычно, после очередного удара Гитлер появился перед миром с оливковой ветвью. В рейхстаге 6 октября 1939 г. Гитлер сказал: «У Германии нет дальнейших претензий к Франции, и никогда такие претензии не будут выдвигаться... Не меньше усилий я затратил на установление англо-германской дружбы. Зачем нужно вести эту войну на Западе? Ради воссоздания Польши? Польша, созданная по Версальскому договору, никогда не возникнет вновь. Это гарантируется двумя самыми большими государствами в мире... Проблема восстановления польского государства является проблемой, которая не может быть решена в ходе войны на Западе, ее решат Россия и Германия... Было бы бессмысленно уничтожить миллионы людей ради реконструкции государства, где само рождение было абортом для всех неполяков... Если цель – смена режима в Германии, тогда миллионы жизней заведомо будут пожертвованы впустую... Нет, война на Западе не может решить никаких проблем... Если эти проблемы должны быть рано или поздно решены, то было бы разумнее заняться их решением прежде, чем посылать миллионы людей на ненужную смерть... Продолжение настоящего положения дел на Западе немыслимо. Каждый день вскоре будет обходиться увеличивающимися жертвами. Однажды снова возникнет граница между Германией и Францией, но вместо цветущих городов там будут руины и бесконечные кладбища... Если, однако, возобладают мнения господ Черчилля и его последователей, то это мое последнее заявление. Тогда мы будем сражаться, и второго ноября 1918 года в германской истории не будет».

Гитлер предложил созвать общеевропейскую конференцию. Германская пресса писала о «новом мирном предложении Гитлера». Это для доверчивых. Одновременно (10 октября) он требовал быстрой передислокации войск на Запад. Однако на этот раз генералы восстали против импровизации. Им требуется несколько месяцев, чтобы выдвинуть войска на Запад. Ученый, генерал Томас, подсчитал, что ежемесячный дефицит стали составляет 0,6 миллиона тонн. Генерал-оберквартирмейстер фон Штюльпнагель доложил, что снаряжения и амуниции хватит лишь на треть войск для четырнадцатидневной кампании.

Гитлер все меньше обращал внимания на самых видных военных авторитетов. Руководимый им относительно небольшой ОКВ (Оберкомандо Вермахт – Главное командование вооруженных сил) возглавлялся «карманными» генералами-исполнителями Кейтелем и Йодлем, был своего рода совещательным органом, а гораздо более многочисленный ОКХ (Оберкомандо Хеер – Главное командование сухопутных сил) представлял из себя своего рода исполнительный орган. Но ни главнокомандующий фон Браухич, ни близкий к фюреру Кейтель не были посвященными в подлинные замыслы Гитлера. Работавший в ОКВ генерал Варлимонт именно в это время говорит о его «безошибочном инстинкте в разделении властей».

Оппозиция любого рода вызывала ярость вождя. Десятого октября он собрал генералитет и огласил директиву № 6 о ведении войны: «а) Если в ближайшем будущем станет очевидным, что Англия и находящаяся под английским руководством Франция не собираются прекращать войны, я намерен действовать энергично и без промедления... Должны быть сделаны приготовления для наступательных операций через территорию Люксембурга, Бельгии и Голландии. Это наступление должно быть осуществлено как можно скорее... б) Целью является нанесение поражения возможно большей части французской действующей армии, равно как и сражающимся на ее стороне союзникам, а также одновременный захват максимально большой территории в Голландии, Бельгии и Северной Франции как базы для ведения воздушной и морской войны против Англии».

Отдаленной угрозой нашей стране звучат слова меморандума, подписанного Гитлером днем раньше, 9 октября 1939 года: «Никаким договором или пактом не может быть обеспечен с полной определенностью нейтралитет Советской России. В настоящее время все разумные соображения говорят против отхода России с позиций нейтралитета. Но в течение восьми месяцев, одного года или даже нескольких лет это положение может быть изменено. Малое значение договоров было доказано всеми сторонами за последние годы. Величайшим предохраняющим средством против любого русского нападения является быстрая демонстрация германской мощи».

Гитлер полагал, что долгое ведение войны неизбежно обернется против Германии. Дружественные и недружественные нейтралы – СССР, Италия, США – могут перейти на противоположную сторону, как это было в Первую мировую войну. Он признавал ограниченность германских ресурсов, уязвимость Рура. Поражение этого сердца германского промышленного производства «приведет к коллапсу германской военной экономики».

Судя по меморандуму, Гитлер начинает постигать особенности современной войны. Главное – избежать позиционного траншейного противостояния. Чем дольше войска выживают, тем больше опасность того, что англичане и французы оккупируют Нидерланды и станут угрожать сердцу германской экономики – Руру. Психологическое преимущество не должно быть потеряно. Ключ лежит в «импровизации до предела». Армия «не должна затеряться между бесконечными рядами домиков в бельгийских городах», а промчаться сквозь Бельгию и Голландию и разгромить войска противника еще до того, как он стабилизирует свою оборону. Бронетанковые дивизии следует использовать для прорыва фронта. «Нет никакой необходимости атаковать города вовсе, задача танков – поддерживать движение армий, предотвращать стабилизацию фронтов массированными ударами по заранее определенным, слабо защищаемым позициям».

Американский историк У. Ширер задает справедливый вопрос: почему никто из противников Гитлера не сделал тех же выводов из недавнего военного опыта?

Хотя фюрер приказал войскам готовиться к битве на Западе уже этой осенью, сложности транспортировки, концентрации войск, восстановления запасов на фоне неблагоприятных метеорологических прогнозов исключили 1939 год как время выступления на Западе. Документы свидетельствуют, что Гитлер четырнадцать раз переносил дату выступления.

Генералы роптали, они сомневались в успехе авантюрных (как им казалось) планов. А тем временем немецкий ремесленник Георг Эльзер провел тридцать бессонных ночей в Пивном зале Мюнхена, ожидая традиционного выступления фюрера перед «старыми камрадами» нацистского движения в годовщину путча 1923 г. В одной из каменных колонн он выдолбил полость и заполнил ее взрывчаткой. Традиционно Гитлер начинал собрание в восемь с половиной вечера и оставался в зале до десяти. Взрывное устройство было настроено на девять двадцать, а Гитлер ушел в девять десять. Взрыв убил восемь человек и ранил шестьдесят. Избегав смерти после неудачного покушения в мюнхенской пивной 8 ноября 1939 года, Гитлер решил высказаться о своих планах на будущее. «Растущее число германского населения требует увеличения жизненного пространства. Моя цель заключается в создании рациональной взаимосвязи между численностью населения и пространством, на котором оно (население. – А. У.) живет. Борьба должна начинаться здесь. Ни одна нация не может избежать решения этой проблемы. В противном случае она должна уступить и медленно опуститься... Скалькулированная мудрость здесь не поможет; решение может дать только меч. Люди, не способные собрать силы для битвы, должны уйти». Трагедия германской истории заключалась, по мнению Гитлера, в том, что даже такие лидеры, как Бисмарк и Мольтке, не обладали необходимой твердостью. «А решение исторических задач было возможно лишь посредством нападения на соперника в благоприятный момент». Коренная ошибка 1914 года – распыление сил, битва на нескольких фронтах.

Гитлер напомнил, что в 1919 г. мало кто верил в его успех, но providение сказало свое слово. «Как последний фактор я должен, при всей своей скромности, назвать мою собственную персону: незаменимую. Ни военное, ни гражданское лицо не может заменить меня... Я убежден в силе своего интеллекта и решимости... Существующее положение никогда не будет более благоприятным... Если мы пройдем через эту борьбу победоносно – а мы пройдем, – наше время войдет в историю нашего народа. Я выстою или паду в этой борьбе. Я никогда не переживу поражения моего народа. Никакой капитуляции перед внешними силами; никакой революции изнутри». После этой речи фон Браухич подал в отставку, но Гитлер отказался ее принять. Ему нужна была отлаженная военная машина. Его планы становились все грандиознее.

Поздней осенью 1939 года впервые задача выступления против России из теоретической плоскости начинает выходить в практическую. «Россия в настоящее время не опасна. Она ослаблена в результате внутренних процессов. Более того, у нас есть договор с Россией. Договоры, однако, соблюдаются лишь до тех пор, пока они служат поставленной цели. Россия будет его придерживаться, пока ей это выгодно».

Советско-германское сотрудничество

Итак, в результате раздела Польши Сталин получил территорию в 120 тысяч квадратных километров с 13 млн. человек, преобладающее население которой были белорусы и украинцы. Гитлер включил в рейх 55 тыс. кв. км с 10 млн. населения. Оставшаяся территория в 60 тыс. кв. километров образовало т. н. генерал-губернаторство с населением в 11 млн. человек. Губернатором был назначен юридический советник Гитлера Ганс Франк. Гитлер начал осуществление программы германизации Восточной Европы. Первой его идеей было выселение 6 млн. чехов из Богемии – Моравии. Но продукция чешской промышленности была так важна, что весной 1939 г. от программы пришлось отступить. В середине 1941 г. в Польшу переехали 200 тыс. германских переселенцев, получившие десятую часть пахотных польских земель. В завизированном Гитлером докладе Гиммлера от мая 1940 г. предписывалось «разбить бывшее польское государство и его многочисленные расы (поляков, украинцев, белорусов, евреев) на возможно большее число частей и осколков... Расово ценные элементы следует извлекать из этой мешанины... в течение десяти лет население сведется к остаткам недочеловеков... рабочей силы, не имеющей лидеров и способной ежегодно снабжать Германию разнорабочими».

Между августом 1939 года и июнем 1941 года лежит период, когда Советский Союз стремился показать Германии свою надежность как партнера, свою полезность и готовность к сотрудничеству. Германские материалы свидетельствуют, что на советской территории на берегах Черного моря, Арктики и Тихого океана определялись порты, через которые Германия могла получать стратегическое сырье, закрытое для нее на Западе британской блокадой. Торговые отношения расширились. Сырье, зерно и нефть шли в рейх.

В обратном направлении шли станки и оборудование. Нужда в поставках из СССР была такова, что Гитлер 30 марта 1940 года отдал приказ о приоритете поставок в СССР даже перед германскими вооруженными силами. (Разумеется, это была плата за благожелательный нейтралитет.) Частью платы немцев был также недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов». Рассматривался вопрос о продаже Советскому Союзу чертежей гигантского (самого большого в мире) линкора «Бисмарк». Характерная черта того времени – личное участие Сталина в переговорах конца 1939 года. Сохранились стенограммы трех таких заседаний. Сталин поразил скрупулезных немцев знанием деталей и жесткой хваткой. Он счел нужным напомнить немецким торговым представителям, что Советский Союз «оказал очень важную услугу Германии и, оказывая эту помощь, обрел много врагов».

В августе 1939 года СССР и Германия договорились о торговле объемом в 150 миллионов рейхсмарок в год. В феврале 1940 года были подписаны соглашения на последующие восемнадцать месяцев. Их минимальная стоимость составляла 640 миллионов рейхсмарок. Речь шла о крейсере «Лютцов», тяжелых морских орудиях, тридцати новейших германских военных самолетах («Мессершмиттах-109 и 110», штурмовиках «Юнкерс-88»). СССР получал оборудование для электротехнической и нефтяной промышленности, локомотивы, турбины, генераторы, дизельные моторы, корабли, машинное оборудование, закупал образцы германских орудий, танков, взрывчатых веществ. Немецкая сторона в течение первого года экономических обменов получила миллион тонн зерна, 100 тысяч тонн хлопка, 500 тысяч тонн фосфатов, многие другие сырьевые материалы. Шнурре утверждал, что Сталин пообещал ему помощь при закупке сырьевых материалов в третьих странах. «Это соглашение означает для нас открытие Востока... Эффект британской блокады будет ослаблен в решающей степени».

Снижение значимости британской блокады многое объясняет в поведении Гитлера зимой 1939/40 года. Он поддержал СССР в ходе советско-финской войны, закрыл глаза на создание советских военных баз в прибалтийских государствах. Им в это время владела одна идея – удар по Западу, а позиция СССР была для него первостепенной поддержкой. К примеру, в октябре 1939 г. германский флот стал в Баренцевом море пользоваться советскими портовыми гаванями. Германские торговые заявки в СССР быстро выросли с 70 млн. марок до 1,4 млрд. До подписания нового торгового договора немцы позволили советским специалистам ознакомиться с последними германскими военными разработками, в ноябре 1939 г. те посетили экспериментальные лаборатории и самые секретные заводы. Складывается впечатление, что немцы хотели ошеломить низшую расу, неспособную, с их точки зрения, обойти в военно-промышленных разработках признанных мировых лидеров. Речь шла о новейших самолетах, орудиях, кораблях, танках. Там, где немцы закрывали двери, советские специалисты настаивали, они требовали поставки всего заказанного вооружения уже в 1940 г. А. И. Микоян 19 декабря 1939 г.: «Советское правительство считает поставку всего списка единственным удовлетворительным эквивалентом поставок сырьевых материалов, которые в нынешних условиях Германия не смогла бы получить иным способом на мировом рынке». В час ночи 7 января 1940 г. Сталин пригласил в Кремль членов германской делегации – советская сторона готова подписать договор.

Текст договора занял 42 машинописные страницы через полтора интервала. Немцы обязывались передать прототипы всех новейших немецких самолетов, военных судов, технических и химических новшеств. СССР поставлял миллион тонн фуражного зерна, почти миллион тонн нефти, полмиллиона тонн фосфата, 100 тысяч тонн хромовых руд. Было оговорено право закупать сырье в Румынии, Иране, Афганистане, на Дальнем Востоке. В апреле 1940 г. Гитлер приказал поставлять Советской России оружие даже за счет потребностей вермахта. Сталин оказал помощь Германии в самый сложный час – весной 1940 г., когда немцы бросились в Скандинавию и готовились начать наступление на Западе.

Пользуясь поддержкой Германии, Сталин, удивленный финской несговорчивостью, потребовал от командования Красной Армии силового решения для проведения новых финских границ. Наступление ленинградского военного округа началось 30 ноября 1939 г. Поражения первых недель охладили шапкозакидательские настроения советского генералитета. 15 января 1940 г. советская артиллерия начала шестнадцатидневный обстрел линии Маннергейма. Прорыв был осуществлен лишь 17 февраля 1940 г., а 22-го финны отошли на новую линию обороны. 11 марта был подписан мирный договор, согласно которому к СССР перешел весь Карельский перешеек, балтийский порт Ханко и полуостров Рыбачий на севере.

Германский генеральный штаб самым внимательным образом изучал опыт Зимней войны и пришел к такому выводу: «Советская «масса» не может противостоять армии и

искусному командованию». Генералы согласились с Гитлером, что славянская военная сила не устоит перед расово превосходящими немецкими войсками.

Гитлер уже писал и говорил своим генералам, что у него на уме после победы на Западе. Не далее как 17 октября 1939 года он указал Кейтелю: «Польская территория важна для нас с военной точки зрения как выдвинутый вперед трамплин для стратегической концентрации войск. С этой целью железные дороги, шоссейные дороги и линии связи должны содержаться в порядке». Выступая перед генералами 23 ноября, он сказал: «Мы выступим против России, когда освободимся на Западе».

В первые дни 1940 г. дуче прислал Гитлеру письмо, в котором выразил «глубочайшее убеждение», что даже с помощью Италии Гитлеру никогда не удастся победить Англию и Францию – Соединенные Штаты не позволят такому случиться. Муссолини напоминал: «Это же факт, что именно Россия больше всего выиграла в Польше и Прибалтике, не сделав при этом ни единого выстрела. Я, человек, родившийся революционером и не изменившийся ни на йоту, говорю вам, что вы не должны жертвовать непреходящими принципами вашей революции ради тактических потребностей преходящей фазы политического развития. Уверен, вы не можете выбросить знамя антибольшевизма и антисиионизма, которым размахивали двадцать лет». В марте он встретился с Гитлером на Бреннерском перевале и еще раз попытался отговорить Гитлера. Безрезультатно. Министр иностранных дел Чиано записал в дневнике: «Дуче очарован Гитлером – очарованием, которое воздействует на нечто, глубоко укоренившееся в его характере».

Пораженчество на Западе

В целом союзники 1939 года очень отличались от Антанты, которая выступила против Германии в августе 1914 года. Так, во Франции прежний дух реванша иссяк, потеря полутора миллионов человек в Первой мировой войне не могла быть забыта, она оказалась долговременной национальной травмой. Стратегическая мысль отстала от требований дня. Во Франции (как и в Англии) не осознали значимость того факта, что бронированные движущиеся механизмы способны превозмочь артиллерийский огонь и продвигаться на многие километры в день. Написанная полковником де Голлем книга «Действия танков» – яркая и убедительная апология маневренных танковых действий – не получила никакого отклика в военной среде. Стареющая плеяда французских военачальников во главе с маршалом Петэном была неспособна воспринимать новые стратегические идеи, находясь полностью во власти старого мышления, сформировавшегося в то время, когда оборона была сильнее наступления.

К новому, 1940 году Черчилль сделал обзор положения обеих коалиций в мировом конфликте. «Существует некоторая схожесть между нынешней позицией и той, что имела место в конце 1914 года. Переход от мира к войне завершен. Моря к данному моменту очищены от кораблей противника, линия фронта во Франции стала статичной. Мы отбили первую атаку подводных лодок, которая в прежней войне началась только в феврале 1915 года. Во Франции линия фронта пролегает по государственной границе, что гораздо лучше положения 1915 года, когда шесть или семь французских провинций находились в руках противника».

Разумеется, во многом Черчиллем руководило желание найти оптимистическую точку зрения. К началу 1940 года положение западных союзников было не лучше, чем в 1914 году, Россия (Советский Союз) не являлась союзником Запада, как в Первой мировой войне. Западные союзники очень надеялись на Соединенные Штаты, но те еще не вышли из состояния изоляции и отнюдь не спешили присоединиться к западной коалиции. Министерства финансов Британии и Франции уже начинали жаловаться на истощение долларовых запасов. Англия в это время подписала пакт о взаимопомощи с Турцией, но в Лондоне уже трудно было найти средства, которыми можно было бы скрепить эти узы. Советско-финский конфликт ухудшил

отношения западных союзников с СССР. Англия в это время продолжала обхаживать Италию, желая всеми возможными средствами оторвать ее от Германии. Но Муссолини уже твердо решил выступать на стороне Германии, пока же ему выгоднее было соблюдать видимость нейтралитета. Итальянский диктатор писал Гитлеру 3 января 1940 года: «Решение нашего вопроса о жизненном пространстве лежит в России и нигде более. День, когда мы сокрушим большевизм, будет днем нашего триумфа. Затем придет очередь западных демократий».

Девятнадцатого января 1940 года германский пилот приземлился с важнейшими документами на бельгийской территории. Плохая видимость не позволила ему найти аэродром в Кельне. Он пытался уничтожить имевшиеся при нем материалы, но бельгийская полиция успела вовремя – британское и французское правительства получили копии документов, из которых следовало, что германское командование готовится к вторжению в Бельгию, Голландию и, северным путем, во Францию. В тех, кто сам хотел спрятаться в скорлупе неверия в немецкое наступление, легко было заронить сомнение в аутентичности полученных данных. Из государственных деятелей, возможно, лишь Черчилль настаивал на их достоверности. Он указывал, что самое худшее, что могли бы сделать для себя немцы, – это подослать документы, в которых говорилось о возможности нарушения бельгийского суверенитета – ведь только это могло заставить стремящихся уклониться от участия в конфликте бельгийцев примкнуть к англичанам и французам. Для немцев не было никакого смысла в подделке. Тем не менее сознательными и «интуитивными» примиренцами желаемое выдавалось за действительное. Бельгийский король, вопреки очевидной опасности, отказался стать союзником англо-французов и поверить в те планы, о которых он неожиданно узнал. В начале 1940 года Высший военный совет союзников обсуждал вопрос о помощи западных союзников Финляндии в ходе советско-финского конфликта, о посылке, в частности, весной 1940 года в Финляндию воинских частей из Англии и Франции. Положительным казался фактор прихода к власти во Франции кабинета Поля Рейно, обещавшего с большей энергией готовиться к войне. На первом же заседании союзнического совета с участием Рейно Франция и Англия приняли торжественную декларацию, обещавшую «не заключать перемирия или договора о мире без взаимного согласия».

Готовясь к предстоящему конфликту, западные союзники усматривали две слабые стороны позиции Германии: отсутствие запасов железной руды и отсутствие запасов нефти. Основные месторождения этих ископаемых находились в противоположных концах Европы. Железная руда шла к немцам с севера, из Швеции, а нефть в основном поставляла Румыния. Главной слабостью союзников Черчилль считал отсутствие национальной решимости сражаться до конца (он признает в мемуарах, что «ни Франция, ни Британия психологически не были способны выдержать немецкий удар, и только после того, как Франция потерпела поражение, Англия, находясь на краю гибели и угрозы уничтожения, приобрела национальную решимость, равную германской»). Но об этом никто не должен был знать. Выступления Черчилля перед прессой и населением были сугубо оптимистическими, хотя он и признавал их негативное влияние на укрепление решимости страны.

Фактор США

В обстановке тупика «странной войны» все большее значение приобретала политика США. Президент Рузвельт отдавал себе отчет в том, что именно Франция и Англия представляют собой передний край обороны Америки. Оценка же их сил и возможностей, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием панических призывов Парижа и Лондона, была пессимистической. Об этом можно судить, например, по воспоминаниям заместителя государственного секретаря Самнера Уэллеса. Так, он писал, что, по мнению высших правительственных кругов США, «политический хаос», царивший во Франции, почти не оставлял надежд

на ее способность оказать реальное сопротивление Германии, а доминирование последней в Европе в свою очередь поставило бы под вопрос существование Англии.

В этих условиях спасительным представлялся курс на оказание некоторой материальной и, главным образом, моральной поддержки обеим западноевропейским странам, с тем чтобы не допустить их быстрого поражения и таким образом выиграть время для наращивания собственной военной мощи. Вот почему в Вашингтоне вызвали пристальный интерес новые усилия Парижа и Лондона отвлечь от себя угрозу удара гитлеровского вермахта посредством переадресования его на Восток против СССР. Поскольку Франция и Англия полагали, что достигнут этой цели военной поддержкой Финляндии и воздушной бомбардировкой Кавказа, в Вашингтоне сочли необходимым помочь им сделать следующий шаг – найти общий язык с Гитлером. Об этом 1 января 1940 года открыто заявил Хэлл, подчеркивая намерение США использовать в данном направлении свое моральное и материальное влияние. А два дня спустя Рузвельт в послании конгрессу недвусмысленно подтвердил готовность Соединенных Штатов выступить в роли посредника в переговорах о мире с Германией.

Дело не ограничилось словами. Президент решил отправить в Европу Самнера Уэллеса для переговоров с правительствами Германии, Италии, Франции и Англии. Цели миссии не афишировались. Напротив, ей был придан характер поездки представителя строго нейтральной страны. На пресс-конференции 9 февраля Рузвельт объявил, что Уэллес едет «исключительно с целью консультации президента и государственного секретаря относительно современного положения в Европе».

Миссия Уэллеса, пробывшего в Европе более месяца – с 25 февраля по 30 марта, – была связана с предшествующими заявлениями президента и государственного секретаря о предполагаемой мирной инициативе США. Прямое отношение к ней имело и заявление Рузвельта на пресс-конференции 9 февраля о намерении помочь Финляндии в войне против Советского Союза. Сопоставление всех этих высказываний позволяет обнаружить и предполагавшуюся основу примирения с Германией – изоляцию СССР.

Уэллес прежде всего направился в Рим, где встретился с Муссолини и министром иностранных дел Чиано. Между ними состоялся обмен мнениями о политическом положении в Европе и намерениях итальянского правительства. Затем Уэллес посетил Берлин. Здесь он беседовал с Герингом, Риббентропом, Шахтом и статс-секретарем германского министерства иностранных дел Вайцзеккером. Зондаж дал далеко не одинаковые результаты. Так, уже будучи в Париже, Уэллес в беседе с Даладьё о перспективах соглашения между двумя группировками стран в Западной Европе конфиденциально сообщил, что Муссолини «верит в возможность установления мира».

В Берлине же проявили несговорчивость. Здесь не сомневались в том, что Вашингтон взял на себя роль посредника, исходя из стремления направить агрессию гитлеровской Германии на Восток. Подтверждением тому служила состоявшаяся 27 февраля, накануне приезда Уэллеса, беседа Вайцзеккера с американским поверенным в делах в Берлине Кирком. Последний прямо заявил, что, по его мнению, Европа сейчас стоит перед выбором между миром и большевизмом. Но командование вермахта тогда еще не считало себя готовым к нападению на СССР, его планы предусматривали захват территорий прежде всего на Западе, а затем уж на Востоке. Завершая подготовку к вторжению в Норвегию и Данию, Берлин был заинтересован вместе с тем в том, чтобы запугать Англию и Францию. Поэтому в соответствии со специальной инструкцией, разработанной для переговоров с Уэллесом, официальные лица в основном говорили о могуществе Германии и ее решимости «победоносно завершить войну». Причем открыто заявлялось о намерении предпринять наступление на Западе. Уэллес, стремившийся главным образом выяснить, как отнеслись бы противоборствующие стороны к инициативе США по их примирению, не обнаружил в Берлине желания пойти на какие-либо уступки.

Противоположная картина открылась ему во Франции, куда он прибыл 7 марта. Его поразило подавленное настроение парижан. «Казалось, даже на зданиях, – писал он позднее в мемуарах, – лежала печать той же угрюмой апатии, которую можно было прочесть на лицах большинства прохожих, встречавшихся на малолюдных улицах. Всех охватило предчувствие ужасного бедствия». Не лучшими были и его впечатления от бесед с членами правительства. «Опыт моих встреч в Париже в мартовские дни 1940 года, – резюмировал он, – вызвал шокирующий эффект».

Описав в ироническом тоне свой визит к престарелому французскому президенту Лебрену, он в отчете Рузвельту уделил основное внимание высказываниям Даладье. В беседе с глазу на глаз, длившейся около двух часов, премьер-министр Франции сразу же заявил, что готов договориться с Италией и Германией. Правда, он назвал их требования чрезмерными, но считал, что частично они могут быть удовлетворены. Так, он соглашался поделиться с Италией французскими владениями в Сомали, Тунисе, в районе Суэца, признать включение Судетской области и западной части Польши вместе с Данцигом в состав Германии, а взамен требовал восстановления Чехословакии и Польши. Что касается США, то они должны были взять на себя ответственность за переговоры и создание «международных военно-воздушных сил для полицейских целей».

В беседе с посланцем Рузвельта Даладье также выдвинул идею о том, чтобы после решения всех первоочередных проблем осуществить «обоюдное разоружение» Франции и Германии под контролем США. Характерно, что Уэллес отклонил последнее предложение только из-за нежелания США предпринимать какие-либо действия, способные вовлечь их в европейскую войну.

Нельзя не отметить, что и предложения Даладье, и ответ Уэллеса свидетельствуют о том, что не только в Париже, но и в Вашингтоне были далеки от реалистической оценки сложившейся международной обстановки, не понимали истинного характера опасности, угрожавшей Западной Европе, а впоследствии и всему миру. Этим и объяснялись в целом попытки договориться с Берлином и Римом ценою некоторых уступок.

Впрочем, Уэллес обнаружил в Париже и противников компромисса с гитлеровской Германией. Такой позиции придерживался, например, председатель палаты депутатов Эдуард Эррио, считавший, что нельзя вступать в переговоры с противником, ведущим двойную игру. А семидесятисемилетний президент сената Жанненэ, встречавший уже третью войну с Германией, говорил с американским гостем в духе Клемансо: «Есть только один способ обращения с бешеной собакой – убить ее или сковать стальной цепью, которую нельзя разбить».

Однако подавляющее большинство французских государственных деятелей по своим взглядам были близки к точке зрения Даладье. Примирительную позицию занимали вице-премьер Шотан, министр иностранных дел Бонне и многие другие. Даже министр финансов Поль Рейно, пользовавшийся репутацией самого твердого в отношении Германии члена правительства, был настроен пессимистически. Он пожаловался Уэллесу на то, что Франция приближается к тому моменту, когда все ее ресурсы будут брошены на закупку вооружений в США. А затем, сообщив о своей недавней беседе с Черчиллем, требовавшим ведения войны до конца, сокрушенно заметил: «Этот человек выдающихся способностей потерял эластичность мышления».

Таким образом, как подчеркнул в своем отчете Уэллес, действительно, ни одному из ведущих представителей французского правительства не была чужда в той или иной мере мысль о сговоре с нацистской Германией, о новом Мюнхене на еще более широкой основе... Большинство в правительственных сферах Франции так или иначе выступало за переговоры с Германией. Визит Уэллеса усилил эту тенденцию, поскольку заронил несбыточные надежды на эффективность переговоров. Он явился составной частью американской политики выжидания и поисков примирения, способствовавшей моральной дезорганизации Франции перед лицом

угрозы из-за Рейна. Миссия Уэллеса привела, в частности, к дипломатическим маневрам не только Парижа, но и Вашингтона в отношении Италии, хотя надежды расколоть германо-итальянский блок были иллюзорными.

В Лондоне Уэллес убедился, что в английских политических кругах существовала сильная группировка, возглавлявшаяся У. Черчиллем и А. Иденом и выступавшая против соглашения с Германией. Но, как и в Париже, многие члены правительства придерживались иной точки зрения. Премьер-министр Чемберлен и министр иностранных дел Галифакс, беседуя с Уэллесом, высказались за компромисс с Германией. Поисками путей к примирению с ней были заняты министр финансов Саймон, министр без портфеля Хэнки, советник премьер-министра Хорас Вильсон. Оказалось, что и Ллойд Джордж выступал за соглашение, он верил в возможность заключения «пакта четырех» – Англии, Франции, Германии и Италии.

Американскому эмиссару довелось не только обсуждать с английскими и французскими государственными деятелями их проекты перевода войны на антисоветские рельсы, но и увидеть крушение этих планов.

Двенадцатого марта, когда Уэллес еще находился в Европе, был заключен мир между Финляндией и Советским Союзом, вызвавший растерянность среди политиков Англии и Франции. Чемберлен с досадой заявил в палате общин, что он вынужден отказаться от отправки в Финляндию уже закончившей все приготовления 100-тысячной английской армии. А один из его советников так комментировал это событие: «Мы потерпели второе поражение, и теперь нам надо искать какую-нибудь другую возможность».

Разочарование охватило и правящие круги в Париже, внутри которых усилились разногласия. Одни критиковали премьер-министра за недостаточную твердость в отношении Германии, другие, напротив, – за якобы упущенную возможность вступить в сговор с ней на анти-советской основе. Последние, в частности, негодовали по поводу того, что французские войска численностью 50 тысяч человек, которые еще 26 февраля были готовы к отправке в Финляндию, так и не попали туда. А генерал Гамелен, не желая примириться с провалом своего «северного» плана – посылки войск западных союзников для участия в войне на стороне Финляндии, решил форсировать осуществление «южного», так называемого «кавказского». В его памятной записке от 16 марта по этому поводу было высказано требование «действовать быстрее и энергичнее».

Между тем внутренние распри в правительстве привели 19 марта к отставке Даладье с поста премьер-министра. Его сменил Поль Рейно. Характерно, что сформированный им кабинет получил вотум доверия большинством всего лишь в один голос. Это достаточно ясно характеризует слабость позиций нового правительства. Состав же его почти не отличался от прежнего, Даже Даладье сохранил портфель министра национальной обороны. Что же касается Рейно, то его искусство вести дебаты в парламенте не могло компенсировать отсутствие умения эффективно руководить страной в условиях нависшей над ней военной угрозы.

Выступление в Скандинавии

Из захваченных немецких архивов следует, что Гитлер в начале 1940 года считал поддержание нейтралитета Норвегии наилучшим курсом для Германии. Германские разведданные предупреждали: англичане готовятся к высадке в Скандинавии. В феврале фюрер пришел к заключению, что англичане собираются высадиться в Норвегии, и он решил их опередить. Окончательное решение Гитлер принял после того, как Черчилль отдал приказ английскому эсминцу войти в норвежские территориальные воды и захватить германское судно «Альтмарк», на котором находились английские военнопленные. Эта акция послужила детонатором планов Гитлера.

Выступая 5 апреля 1940 года перед Национальным советом консервативных ассоциаций, премьер-министр Чемберлен заявил, что Гитлер «пропустил свой автобус». Даже если допустить, что Чемберлен не хотел травмировать национальную психику англичан, следует все же признать, что это выражение было неудачным. Германия находилась на четвертом году интенсивного перевооружения, Англия и Франция (в лучшем случае) – на втором. Ход событий должен был вскоре определить, кто же на самом деле «пропустил автобус».

Англичане стремились привлечь к антигитлеровской коалиции как можно больше сил, они всерьез рассматривали возможность укрепления англо-французских позиций за счет нейтралов. К примеру, в радиообращении 20 января 1940 года к нейтральным странам содержался призыв к Скандинавии, Бельгии и Голландии «выполнить свой долг в соответствии с уставом Лиги Наций и выступить против агрессии и зла». Отклика не последовало. Зато стратеги в Берлине поспешили: 8 апреля Германия начала высадку войск в Дании и Норвегии. В течение 48 часов Дания капитулировала, а все стратегически важные пункты Норвегии оказались в руках немцев. Через три дня Черчилль дал оценку действиям немцев: «Безжалостность и маневренность, с которой действовали немцы, проводя эти большие операции, заставляют меня думать, что все это только прелюдия более масштабных событий. Возможно, мы пришли сейчас к первому важному столкновению в этой войне».

Блицкриг в Скандинавии

Два обстоятельства заставили Гитлера выбрать в качестве следующей военной цели Норвегию. Во-первых, западные союзники в ходе Зимней войны СССР с Финляндией в 1939-1940-х годах намеревались оказать Финляндии помощь через Норвегию, а это сразу задевало интересы германской военной машины, нуждающейся в превосходной шведской железной руде из Кируны. Во-вторых, адмирал Редер неустанно напоминал Гитлеру, что, только владея норвежскими базами, Германия не будет заперта во внутренних водах, избежит изоляции (столь памятной немцам по Первой мировой войне), сумеет направить в мировой океан свое самое эффективное военно-морское оружие – подводные лодки. Но только после того, как в декабре 1939 года лидер норвежских фашистов генерал Квислинг посетил Берлин, Гитлер отдал приказание Оберкомандо вермахт (ОКВ) начать планирование операции против Скандинавии.

Толчком к ускорению планирования и переходу дела в конкретную плоскость послужил поход «карманного линкора» «Граф Шпее» против союзнических торговых судов в Южной Атлантике. Британские крейсера прижали его к побережью Уругвая. «Граф Шпее» после битвы при Ривер-Плате вынужден был 13 декабря 1939 г. войти в бухту Монтевидео. Это унижение германских военно-морских сил взвинтило Гитлера. Теперь не было места абстрактным разговорам, специалисту по операциям в горных условиях – генералу фон Фалькенхорсту было поручено приготовить конкретный план. В задачу Фалькенхорста входили и предложения по оккупации Дании как моста к норвежским фиордам. 7 марта 1940 г. Гитлер выделяет для операции восемь дивизий. Германская разведка доложила, что британское правительство уже отошло от планов вторжения в Норвегию, но на Гитлера это уже не влияло.

Эффект неожиданности помогал германскому руководству в любых случаях. Официальный Копенгаген никак не видел себя втянутым в мировой конфликт, и угроза бомбардировки Копенгагена подействовала незамедлительно, как и высадка 9 апреля на датском побережье германских войск. Испуг и изумление норвежцев были не менее искренними, но норвежское руководство не было готово сдаться на милость агрессора. Старинные пушки гавани Осло заработали, и германский крейсер «Блюхер» пошел ко дну. Королевская семья отправилась в изгнание в Лондон. Непокорившиеся норвежские войска сконцентрировались на побережье, чтобы не позволить немцам проникнуть в норвежский хинтерланд и к Тронхейму. 18 апреля в районе Тронхейма начали высаживаться британские и французские войска, чтобы преградить путь

немцам, движущимся на север от Осло. Британская бригада была разбита 23 апреля при Гудбрандсдале, затем вермахт высадил собственный десант близ Тронхейма и постарался взять в клещи ничем особенным не проявивших себя англо-французских союзников.

Германские войска отступили лишь на крайнем севере, где превосходящие силы англичан заставили их уйти морским путем и по пути потопили 10 германских миноносцев. Командующий германским экспедиционным корпусом генерал Дитль ушел в горы всего с двумя тысячами пехотинцев и двумя с половиной тысячами солдат морской пехоты. Отступая, он сумел дойти до шведской границы. Гитлер восхищался Дитлем, и тот стал его фаворитом в норвежском Заполярье. Итак, на протяжении немногих недель Германия утвердилась на европейском севере, нанесла западной коалиции чувствительный фланговый удар, ставший предвестником блицкрига на Западном фронте.

Правда, в Нарвик-фиорде была потоплена половина германских миноносцев и несколько крейсеров, что безусловно ослабило германский флот.

Двадцать второго апреля 1940 года британская делегация прибыла в Париж на заседание высшего военного совета союзников, которое премьер-министр Поль Рейно открыл общим обзором военной ситуации, значительно ухудшившейся для западных союзников в связи с успехами немцев в Скандинавии. «География, – сказал Рейно, – дала Германии постоянное превосходство из-за возможности внутренних перемещений войск». У немцев в это время было 190 дивизий, из них 150 могли быть использованы на Западном фронте. Против этих сил союзники могли выставить 100 дивизий, из них 10 – английских. Напомним, что в предшествующую войну в Германии проживало 65 миллионов человек, и та сумела мобилизовать 248 дивизий, из которых 207 в конце войны находились на Западном фронте. Франция со своей стороны мобилизовала 177 дивизий (110 сражались на Западном фронте); Великобритания – 89 дивизий (из них 63 на Западном фронте). В целом на Западном фронте находились 173 дивизии союзников против 207 германских дивизий. Равенство было достигнуто только тогда, когда прибыли американцы с их 34 дивизиями. Насколько же хуже было положение западных союзников в 1940 году! Население Германии достигло 80 миллионов, она могла создать 300 дивизий. Франция в то же время едва ли могла рассчитывать, что к концу года на Западном фронте будет 20 английских дивизий. Западные союзники стояли перед фактом превосходства, которое приближалось к соотношению 2:1. Германия имела также превосходство в авиации, артиллерии и общем объеме военных запасов.

Верховный совет союзников обратился к голландскому и бельгийскому правительствам, пытаясь привлечь их к совместным с западными союзниками мерам. Союзники полагали, что Италия близка к объявлению войны, и думали о том, какие меры следует принять военно-морскому флоту Англии и Франции в Средиземном море. На заседании впервые присутствовал генерал Сикорский, который заявил, что он может создать польскую армию из 100 тысяч человек в течение нескольких месяцев. Было решено, что если Германия вторгнется в Голландию, союзные войска войдут в Бельгию без предварительного уведомления бельгийского правительства, а их ВВС будут бомбить германские военно-промышленные объекты.

Хотя в речах генералов и политиков было немало бравады, на этой конференции Черчилль пришел к выводу, что на Западе союзников ждет поражение. Он был недоволен методами, какими велась война, и написал премьер-министру Чемберлену: «Если Вы ощущаете себя не в состоянии осуществлять все те полномочия, которые на Вас легли, то Вы должны назначить заместителя, который координировал бы и направлял общее развитие военных усилий». В результате 1 мая 1940 года премьер-министр издал уведомление, в котором говорилось о возросших полномочиях Черчилля как координатора всех военных усилий Англии.

Поражение в Норвегии вызвало чрезвычайное недовольство англичан. Выступавший от имени правительственной партии консерваторов Леопольд Эмери процитировал знаменитые слова Кромвеля, обращенные к так называемому «долгому» парламенту: «Вы сидели здесь

слишком долго для того, чтобы сделать что-либо хорошее. Уходите – я говорю вам. Во имя господ Бога, уходите!» Как пишет Черчилль в воспоминаниях, эти страшные слова отражали общее настроение в стране.

Наступление на Западе

Напомним, что Гитлер поразил офицеров генерального штаба в Цоссене: после окончания польской кампании следует немедленно бросить силы против западных союзников. Немецкие генералы хотели планомерного и медленного пересосредоточения, они рассчитывали на несколько месяцев приготовления к решающим битвам на Западе. Но ничто не могло переубедить Гитлера: 10 октября 1939 года он подписал директиву № 6, требующую начала немедленных приготовлений к западной кампании, а именно к наступлению через Бельгию, Люксембург и Голландию «так скоро, насколько это возможно». Цель наступления заключалась в поражении Франции, выходе к морю и создании баз, позволяющих ведение воздушной и морской войны против Англии. Штабным офицерам было сказано, что вторжение следует осуществить до 12 ноября 1939 года. Через десять дней они предоставили Гитлеру план, названный фюрером верхом посредственности. Немецкие генералы желали, по существу, простого повторения шлиффеновского замысла начала века: наступления на Францию серповидным движением через Бельгию. Гитлер отверг компилятивный замысел своих генералов, план Шлиффена его не устраивал. Как сказал он, «дважды такие операции не удаются». Ведь французы именно этого ждали от немцев.

Гитлер когда-то воевал во Фландрии, и он указывал, что пересеченная, перерезанная многочисленными каналами местность неизбежно задержит колонны танков. Удар южнее выглядел внушительнее. Адъютант Шмундт сказал, что у генерала Манштейна схожие идеи. Манштейн и Гудериан предложили довольно неожиданный вариант – нацелить основной удар через лесной массив Арденны в направлении Седана. Как и французы, почти все немецкие генералы считали наступление в том направлении невозможным (лес и гористая местность мешали продвижению техники). Манштейн, Рундштедт и Гудериан увидели таящиеся в Арденнах возможности. И когда Манштейн, будучи среди пяти ведущих генералов представленным к фельдмаршальскому званию, прибыл 17 февраля 1940 года к Гитлеру, он вручил ему рассчитанный именно на неожиданность «арденнский вариант». Гитлер немедленно ухватился за эту идею. Уже на следующий день он одобрил план Манштейна в своем приказе. Вся стратегическая концепция была отлажена в штабе верховного командования вермахта а Цоссене.

Западный фронт: подготовка сторон

Ради консолидации польских приобретений Гитлер 6 октября 1939 г. обратился к Франции и Британии с предложением признать «естественность» судьбы польского государства, но те, памятуя о непреклонном стремлении Гитлера утвердить свою гегемонию в Европе, отказались «пойти на мировую» с нацистской Германией. Германские генералы получили приказ заняться излюбленным делом – планированием наступательных операций. Собственно, у Гитлера уже не было иллюзий (как и у его противников) и он сообщил о своем стремлении к военному решению во Франции представителям трех родов войск уже 27 сентября 1939 г. 9 октября – еще до того, как Париж и Лондон ответили на германские предложения, фюрер издал директиву № 6 о наступлении на Западе.

В ней Гитлер говорит об исторической несправедливости, как он ее понимал: великие западные державы всегда, особенно после Вестфальского мирного договора 1648 года, стремились держать Германию разделенной и слабой. Национал-социалистическая Германия этого не потерпит: «Наступление должно быть спланировано посредством движения через Люксем-

бург, Бельгию и Голландию, оно должно начаться в ближайшее возможное время, поскольку всякое замедление будет угрожать нейтралитету Бельгии и, возможно, Голландии, усиливая союзников. Целью данного наступления будет нанесение максимально возможного поражения французской армии и сил, выступающих на стороне союзников, а также захвата максимально возможной территории в Голландии, Бельгии и северной Франции для дальнейшего успешного ведения воздушной и морской войны против Англии, для надежной защиты экономически жизненно важного Рура».

Этот план получил название «желтый» план, и детали проработать поручалось Oberkommando Heer – командованию сухопутных сил (ОКХ). Необходимо отметить колебания генералов. Как признал в 1942 г. сам начальник штаба сухопутных войск генерал Гальдер, он хотел бы отнестись выяснение отношений с французской армией на 1942 г. Гитлер тогда еще не имел союзников и преданных людей среди генералитета (каковыми позже станут Кейтель и Йодль), он вынужден еще был с определенным почтением относиться к военной элите Германии. Недолго. 22 октября он отдает Гальдеру прямой приказ: выполнение «желтого» плана должно начаться 12 ноября 1939 года – и никаких отсрочек.

Начинается решающая фаза противостояния того высшего офицерства, которое надеялось видеть главу государства отстоящим от непосредственных военных дел (как это делали оба кайзера Германской империи). Гитлер старался участвовать в планировании, и он добился своего, сумев расколоть военную элиту. Гитлер привлек на свою сторону командующего группой армий «А» фон Рундштедта и начальника его штаба фон Манштейна. Особенно полезен был Манштейн – именно он обрушился на неохотно произведенное творение Гальдера и Браухича. Идеи Манштейна были близки инстинкту самого Гитлера – ударить там, где не ожидают, в долине реки Соммы, в Арденнах, а не повторять всем привычный маршрут Шлиффена с выходом во Францию с севера через Бельгию. Гитлер начинал свирепеть, видя откладывание наступательных планов. Четыре раза наступление откладывалось только в декабре 1939 г.

А Манштейн слал наверх меморандум за меморандумом – всего шесть, в которых торопил военное командование, пока Гальдер не послал его с повышением в Восточную Пруссию (командовать корпусом). Новый командующий корпусом, согласно германскому протоколу, должен был представиться главе государства. Обычно это бывала дежурная церемония. Но не в этот раз. Гитлер провел со своим генералом все утро 17 февраля, и вдвоем они выработали план, который не смогли, не посмели отвергнуть руководители ОКХ – Браухич и Гальдер.

Мощные танковые колонны прорвутся через лесистые Арденны там, где французы ожидают их меньше всего. Никакой имитации Шлиффена – времена изменились, оружие нападения опять превосходит оружие защиты, германская согласованность будет соединена с мощью германских моторов. План «Sichelschnitt» – «Болезненный удар» – требовал четких согласованных действий трех групп германских армий.

План Манштейна, соединенный с собственными идеями Гитлера, был прост, но обещал победу. Группа армий «Б» под командованием фон Бока прорывается через Бельгию в Северную Францию, имитируя непреложность идей Шлиффена. Если ему удастся зайти за французские части с севера, то он неизбежно и мощно будет угрожать Парижу. Если французы и (высадившиеся) англичане встанут всей силой на его пути и даже оттеснят на восток – тогда еще лучше. И чем дальше на восток уйдут французы основными своими силами, тем замечательнее.

На левом фланге группа армий «С» (генерал Вильгельм Риттер фон Лееб) постарается заставить французов всерьез защищать линию «Мажино», а по возможности и прорвать ее. Но в любом случае решать судьбу войны будет не он. А командующий группой армий «А» генерал Рундштедт, который прорвется через Арденны, захватит переправы через Сомму и Динан, проскользнет между Седаном и Динаном, а затем повернет на северо-запад по долине реки Соммы к Амьену, Аббевиллю и побережью Ла-Манша. Именно здесь будут задействованы семь

из десяти танковых дивизий вермахта. У Лееба на юге не будет ни одной танковой дивизии, а у Бока только три.

Немцы надеялись на превосходство в воздухе. Да, у них было меньше самолетов, чем у французов, но на войне качество нередко компенсирует количество. Превосходный «Мессершмитт-109» преобладал над французскими моделями в скорости, маневренности, вооружении. А штурмовик «Юнкерс-87» не имел аналогов как борец с танками и другой наземной силой противника. Мильх и Кессельринг были талантливыми воздушными стратегами. На земле главной ударной силой становился танк «Марк-VI». Второй германский танк – «Марк-III» уступал лучшим французским и британским моделям, но в тени своего старшего коллеги был достаточно полезен. Решающей особенностью тактического превосходства немцев было то, что их танки были объединены в дивизии и не были обременены другими родами войск. Это был кулак современной войны, о которой проницательно думали накануне Гудериан, де Голль и Тухачевский, но только первый реализовал свои идеи. И хотя у немцев танков было меньше, чем у французов (2400 против 3000) их консолидированная мощь принесла результаты.

Французы встретили войну без гения, хотя бы отдаленно напоминающего наполеоновский. Французская армия уступала германской в численности дивизий (101 против 120), но что важнее, армия победительница 1918 года не считала нужным менять победные порядки. Французы сражались с пресловутой пушкой в 75 мм, у них была устаревшая техника, их стратеги не шли дальше Жофра и Фоша. Их танки были вспомогательным орудием, их самолеты не шли в ногу с танками. Главная надежда французов 1939 года – это их «западный фронт в бетоне» – «линия Мажино», система весьма солидных укреплений, устаревшая, как только танки начали играть первую скрипку в боевых действиях. Усидеть в новой войне ни за какой бетонной стеной было невозможно. Но этого тогда никто не знал. Более того, вся Европа верила, что герои Вердена не посрамят себя. Семь миллиардов франков было израсходовано на пресловутую линию укреплений, которая должна была спасти следующее поколение французов от геноцида. Но «линия Мажино» имела недостаточную протяженность – менее 150 километров фортификаций. Оставалось 400 километров абсолютно незащищенной границы – там, где Франция соприкасалась с Бельгией.

Французскому военному командованию не оставалось ничего иного, кроме как предусмотреть рывок вермахта по проторенной дороге 1914 года. В этом случае вся мощь французской армии должна была обрушиться на надвигающегося врага, для этого следовало послать основную массу французских дивизий на север от «линии Мажино». «4 октября 1939 года маршал Гамелен издает приказ, по которому предполагается, в случае нарушения Германией бельгийского суверенитета, выйти в Бельгии на линию реки Шельды. Это было целесообразно и с точки зрения необходимости стыковки с ожидаемым британским экспедиционным корпусом (во Франции никогда не забывали, что Британия в 1914–1918 годах, начиная почти с нуля, создала многомиллионную армию). В декабре 1939 года англичане прислали пять своих превосходных дивизий, но это было все, что они имели. В четыре первых месяца 1940 года Лондон прислал спешно созданные еще четыре дивизии, но их подготовка, их качество оставляли желать лучшего. Да и французские войска, если руководствоваться хотя бы воспоминаниями начальника британского генерального штаба Аланбрука, первого лорда Адмиралтейства Черчилля и президента Франции Лебрена, не напоминали победоносную армию 1918 года. Особенно тяжелое впечатление оставляло моральное состояние этих войск, слабость их воли к победе, исчезновение пресловутого *elan vital* – боевого порыва.

Восьмого мая 1940 года Гитлер окончательно установил дату наступления на Западе – через два дня. В этот день лейбористы начали атаку против правительства, обвиняя его в некомпетентности. Возмущенный Чемберлен заявил, что не боится критики и что у него «есть друзья в палате общин». Это было, по меньшей мере, неудачное выражение. Обращение к партийной политике в час национальной опасности сделало премьер-министра уязвимым. Под-

нялся бывший премьер Ллойд Джордж, которому было в то время около восьмидесяти лет. Вайолет Бонэм Картер, дочь бывшего премьера Асквита, вспоминает, что это была «самая сильная из его речей». Ллойд Джордж использовал слова Чемберлена о «друзьях»: «Вопрос не стоит о том, кто является другом премьер-министра. Поставлен гораздо более важный вопрос. Премьер просит о жертве. Нация готова на любые жертвы до тех пор, пока правительство ясно показывает, к чему оно стремится, и до тех пор, пока нация уверена, что ее лидеры делают все от них зависящее. Я должен торжественно заявить, что сам премьер-министр должен дать образец жертвенности, потому что ничто не может содействовать победе в этой войне больше, чем сдача им своих полномочий».

Так подготовлено было падение кабинета Чемберлена. К власти пришел Уинстон Черчилль. Десятого мая он стал премьером. На пути из Букингемского дворца он спросил телохранителя – инспектора Томсона, знает ли тот, зачем его вызывали к королю. Да, ответил Томсон. «Мне только хотелось бы, чтобы вы заняли этот пост в ваши лучшие времена, ведь это огромное бремя». Глаза Черчилля наполнились слезами: «Один Бог знает, как тяжела эта ноша. Я надеюсь, что для меня еще не слишком поздно. Я боюсь этого. Но мы приложим все силы».

Ллойд Джордж был единственным, кто приветствовал нового премьера, отметив его «блистательный интеллектуальный дар, бездонное мужество, глубокое знание войны, опыт в управлении». В ответ Черчилль выступил с тем, что Никольсон в дневнике назвал «очень коротким заявлением». Как пишет У. Манчестер, «слова этой речи ныне известны миллионам тех, кто еще не был рожден в то время, кто никогда не видал Англии и кто даже не говорит по-английски». Черчилль говорил так, как еще не говорили под сводами Вестминстера: «Я хотел бы сказать палате, как я уже сказал тем, кто вошел в правительство: «Мне нечего предложить вам кроме крови, труда, слез и пота...» Вы спросите, в чем наша политика? Я отвечу: вести войну на море, земле и в воздухе со всей силой, данной нам Богом... Такова наша политика. Вы спросите, в чем наша цель? Я могу ответить одним словом: победа, победа любой ценой, победа, несмотря на весь террор, победа, какой бы трудной и долгой ни была дорога, ибо без победы для нас нет выживания».

Десятого мая трехмиллионная армия Германии перешла в наступление на Западном фронте силами 136 дивизий, имевших 7378 орудий и 2445 танков и поддерживаемых 3643 самолетами. Общая численность войск западных союзников составляла около 4 миллионов человек. Они располагали 148 дивизиями, оснащенными 13 874 орудиями и 3373 танками. Их авиация насчитывала 2833 самолета. При этом французская армия состояла из 105 дивизий с личным составом в количестве 2240 тысяч солдат и офицеров и насчитывала 10700 орудий, 3063 танка, 1200 самолетов; бельгийская армия состояла из 22 дивизий, голландская – из 11, английская – из 10.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.